

В. С. ЛЕВЧЕНКО

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

INSTITUT

..BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-350 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

TEL. 26-68-63

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

24.124/28-30

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

СЪ ПИСЬМОМЪ Н. С. ЛЪСКОВА

КЪ

ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

(1871 г.)

WYKŁADY Z HISTORII
POLSKIEJ
WYDZIAŁ HISTORII
UNIWERSYTETU W WARSZAWIE

Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Я, весьма вѣроятно, не рѣшился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса въ защиту молодого человѣка, злополучныя приключенія котораго здѣсь рассказаны. Вашъ починъ въ этомъ дѣлѣ далъ мнѣ мысль и возможность нѣсколько подробнѣе опровергнуть злостныя клеветы, преслѣдовавшія Артура Бенни при его жизни и не пощадившія его въ некрологѣ, напечатанномъ послѣ его смерти. Мнѣ не разъ приходилось въ настоящемъ рассказѣ упоминать Ваше почтенное имя, такъ какъ Вашими добрыми мнѣніями о Бенни я старался подкрѣплять свое собственное мнѣніе о немъ, и потому первому Вамъ посылаю эту книгу съ просьбою принять ее. Чтобы сдѣлать эту повѣсть возможно полною, я, при нынѣшнемъ ея изданіи, воспользовался Вашими указаніями на прежніе промахи и ошибки въ моемъ рассказѣ и дополнилъ кое-что съ Вашихъ словъ и со словъ П. Д. Боборыкина, а равно присовокупилъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ Бенни, напечатанныя въ трехъ нумерахъ періодическаго изданія г-жею Якоби. Такимъ образомъ въ этой книжкѣ теперь собрано почти все, касающееся того «загадочнаго человѣка», который, при безвѣстности своего происхожденія и отсутствіи выдающихся и крупныхъ дарований, приобрѣлъ себѣ у насъ самую разнообразную извѣстность въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ и котораго потомъ неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого съ такимъ успѣхомъ, какого, къ сожалѣнію, не достигаютъ попытки установить настоящій взглядъ на Бенни. Но тѣмъ не менѣе, дѣлая еще одну и послѣднюю такую попытку, названную Вами въ почтенномъ письмѣ Вашемъ

ко мнѣ «дѣломъ хорошимъ и честнымъ», я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что отнынѣ клеветѣ, до сихъ поръ съ неистожимою упорностію не позабывающей Артура Бенни, уже придется имѣть противъ себя печатное свидѣтельство четырехъ чело-вѣкъ, то-есть Вапе, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившаго мнѣ свое намѣреніе не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу наглядный образецъ, чѣмъ оно увлекается то въ ту, то въ другую сторону и какъ у насъ, благодаря шаткости общественнаго мнѣнія, составлялись и составляются репутаціи.

Есть люди, которые смотрятъ на напечатаніе моихъ воспоминаній о Бенни совсѣмъ не такъ, какъ взглянули на это Вы и другія почтенныя лица, сочувствіе и одобреніе которыхъ мнѣ пріятно и дорого. Нашлись господа, которымъ хотѣлось бы, чтобы Артуръ Бенни остался въ томъ самомъ убранствѣ, въ которое они его снарядили, сваливая всякую дрянъ съ больной головы на здоровую. Я получалъ не только укоризны, но даже угрозы, не продолжать этой исторіи, но я ее продолжилъ, окончилъ и издаю въ свѣтъ отдѣльною книгою, предоставляя кому угодно видѣть въ этомъ прямой отвѣтъ мой на всѣ заявленныя мнѣ неудовольствія, а Вамъ я тутъ же, на первой страницѣ этой книги, позволяю себѣ принести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мнѣ Вашими строками, утвердивъ меня во мнѣніи, что моя попытка возстановить истину въ этой запутанной исторіи есть *дѣло честное*, къ которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще разъ прошу Васъ, принимая книгу, посылаемую при настоящихъ строкахъ, принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и увѣреніе въ моихъ почтительнѣйшихъ къ Вамъ чувствахъ, съ каковыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Льсковъ*.

С.-Петербургъ, іюнь 1871 г.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИСТИННОЕ СОБЫТІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Повѣствователи и романисты одного довольно страннаго литературнаго направленія долго рассказывали о какихъ-то неносѣдливыхъ людяхъ, которые все будто уѣзжали изъ Петербурга въ глубь Россіи и дѣлали тамъ какія-то «предпріятія»; но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ писателей этого односторонняго направленія не воспроизвелъ сколько-нибудь осязательнаго типа упомянутыхъ имъ предпринимателей, и тайна, въ чемъ именно заключаются такъ называемыя ихъ «предпріятія», остается для всѣхъ до такой степени тайною, что множество людей даже сомнѣваются въ томъ, были ли въ дѣйствительности самые предприниматели? Между тѣмъ, несомнѣнно, что «предприниматели» такіе—не совсѣмъ выдумка. Предприниматели, дѣйствительно, бывали, и вотъ одинъ изъ таковыхъ, не сочиненный и не измышленный, а живой, съ настоящимъ его именемъ, и въ настоящемъ его свѣтѣ и значеніи.

Въ 1870 г. въ «Иллюстрированной Газетѣ» г. В. Зотова было напечатано извѣстіе о смерти нѣкоего *Артура Бенни*, человѣка, приобрѣвшаго себѣ нѣкогда въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ самую быструю и страшную извѣстность. Онъ слылъ то за герценовскаго эмиссара и предпринимателя, то за англичанина и тайнаго агента одного изъ административныхъ русскихъ учреждений.

Газетное извѣстіе о смерти этого человѣка слово въ слово заключается въ слѣдующемъ: «Скончался Бенни, англійскій

подданный, высланный за границу (Россіи), по опредѣленію правительствующаго сената. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, Бени участвовалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: «Русской Рѣчи», «Сѣверной Пчелѣ», «Книжномъ Вѣстникѣ». О немъ ходило много толковъ, такъ какъ никто не зналъ, зачѣмъ онъ прибылъ въ Россію. Нѣкоторые изъ этихъ толковъ были неблагопріятны для него. Въ послѣднюю Римскую кампанію онъ поступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ и убитъ при Ментанѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знавшій покойнаго Бени за человѣка честнаго, вступился за оскорбленіе его памяти намекомъ, кинутымъ на нее упоминаніемъ о тѣхъ толкахъ, которые, по словамъ некролога, «были неблагопріятны для Бени», и напечаталъ въ другой газетѣ, что покойный Бени былъ человѣкъ чистый и невинный въ томъ, что столь недостойно на него возводилось.

Вотъ и все краткое сказаніе о жизни и смерти человѣка, дѣятельность котораго въ Россіи не лишена самаго живого интереса и лучше всякаго вымышленнаго направленнаго романа знакомитъ насъ съ характерами дѣятелей недавно минувшаго, безпокойнаго и оригинальнаго времени. Но, прежде чѣмъ мы дойдемъ до того рода дѣятельности Артура Бени, которая давала поводъ досужимъ людямъ выдавать его то за герценовскаго эмиссара, то за шпиона, скажемъ два слова о томъ, кто таковъ былъ въ правду этотъ Бени, откуда онъ взялся на петербургскую арену и какими путями доходилъ онъ до избранія себѣ той карьеры, которою сдѣлался извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ русской сѣверной столицы.

Все, что далѣе будетъ слѣдовать за симъ, изложено частію по личнымъ воспоминаніямъ автора и свидѣтельствамъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ очевидцевъ, частію же по разсказамъ самого покойнаго Бени, съ которымъ авторъ состоялъ въ долгихъ и прочныхъ дружескихъ отношеніяхъ, не прекращавшихся до высылки Бени изъ Россіи. Авторъ не скрываетъ, что, печатая, можетъ-быть, нѣсколько рано этотъ свой очеркъ, онъ имѣетъ желаніе очистить честную память Бени отъ возведенныхъ на него злостныхъ и безчестныхъ клеветъ. Авторъ проситъ вѣрить ему, что онъ не вынужденъ для оправданій Бени прибѣгать ни къ какимъ утайкамъ и натяжкамъ, да это было бы и невозможно,

потому что въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы теперь еще слишкомъ много живыхъ людей, которымъ исторія покойнаго Бенни извѣстна, если не во всемъ цѣломъ, какъ она здѣсь излагается, то по деталямъ, изъ которыхъ сгруппировано это цѣлое. Ни лжи, ни лести здѣсь нѣтъ, да ихъ и не нужно: пусть гдѣ Бенни былъ ребячливъ и смѣшонъ, пусть онъ тамъ такимъ и останется, дѣло не въ его ребячливости или его серьезности, даже и не въ его умѣ, а въ его честности и отчасти въ занимательности и поучительности его странной судьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Артуръ Бенни убитъ въ самой цвѣтущей молодости. Ему и теперь не было бы еще 28 лѣтъ *). Нѣкоторые въ Петербургѣ утверждали, что имя «Артура Бенни»—есть имя вымышленное, и что человѣкъ, который жилъ здѣсь, между насъ, подъ этимъ именемъ, есть *подольскій шляхтичъ Бенн-славскій*: это выпустилъ въ Петербургѣ покойный г. Европеусъ, но это неправда. Артуръ Бенни *дѣйствительно былъ Артуръ Бенни*. Онъ родился въ Царствѣ Польскомъ, въ мѣстечкѣ Томашовъ-Равскомъ, гдѣ отецъ его, Иоганнъ Бенни, былъ пасторомъ томашовскаго евангелическаго прихода. Старикъ Бенни пользовался прекрасною репутаціею и умеръ въ 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло въ свѣтъ это правдивое повѣствованіе. У Артура Бенни остались также братья: старшій Германъ (впослѣдствіи томашовскій пасторъ) и младшій Карлъ (медикъ, обучавшійся въ Парижѣ и нынѣ практикующій въ Варшавѣ). Кромѣ этихъ двухъ братьевъ, у него живы двѣ сестры—Анна и Марія. Все это настоящіе члены настоящаго, а не вымышленнаго, и весьма почтеннаго семейства покойнаго томашовскаго пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило въ Польгѣ, домъ Бенни оставался всегда домомъ англійскимъ; ихъ домашніе нравы, обычаи,—все это было чисто англійское, и англійскій языкъ былъ ихъ домашнимъ языкомъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Артуръ Бенни былъ отъезженъ въ польскую гимназію, въ городъ Піотрковъ, и поступилъ прямо въ третій классъ. Это былъ первый выходъ

*) Писано въ началѣ 1870 года.

Артура Бенни изъ дома своего отца — изъ того дома, въ которомъ онъ, живучи въ Польнѣ, могъ гораздо удобнѣе вообразять себя римляниномъ, аѳиняниномъ или спартагцемъ, чѣмъ полякомъ, ибо воспитанный отцомъ своимъ, болѣющимъ классикомъ, Артуръ Бенни о Римѣ, Спартѣ и Аѳинахъ зналъ въ это время гораздо больше, чѣмъ о Польнѣ. По рассказамъ покойнаго Бенни (которыхъ онъ никогда не давалъ повода заподозрѣвать ни въ малѣйшей несправедливости), онъ въ домѣ отца своего совсѣмъ не зналъ польскаго характера, а, придя въ соприкосновеніе съ своими польскими сверстниками въ піотрковской гимназій, но умѣлъ ни на чемъ сойтись съ ними и съ перваго же раза *не любилъ ихъ*.

— «Я,—говорилъ Бенни,—услыхалъ отъ этихъ дѣтей ложь, хвастовство и льстивость, которыхъ я никогда не слышалъ въ домѣ отца моего, гдѣ никто никогда не лгалъ и не лукавилъ. Притомъ у нихъ бывали часто такіе безстыдные разговоры, что это мнѣ было противно. А болѣе же всего я рѣшительно не могъ выносить высокомернаго и презрительнаго отношенія этихъ мальчиковъ къ простолюдианамъ, и особенно къ ихъ собственнымъ слугамъ, съ которыми у насъ въ домѣ всегда было принято обращеніе самое мягкое».

Бенни былъ ребенокъ очень нѣжный, впечатлительный и способный увлекаться до безконечности. Въ то самое время, когда имъ овладѣвало негодованіе на своихъ товарищей-мальчиковъ за ихъ высокомеріе съ простолюдинами, рядомъ съ этимъ въ его нѣжную душу зашало безграничное сожалѣніе къ самимъ этимъ простолюдинамъ, которые силою обстоятельствъ поставлены были въ необходимость переносить господское высокомеріе. Чтѣ это за сила обстоятельствъ?—рабство и бѣдность, — бѣдность рабства и рабство бѣдности. (Такъ рѣшило себѣ дитя). Кто же создалъ такое положеніе? Для кого оно выгодно? Для кого оно нужно? Кто можетъ желать его сохраненія? Виновниками такого положенія выходили, разумѣется, помѣщики и вообще капиталисты. Нѣжное и воспримчивое дитя, дойдя путемъ своихъ размышленій до такого рѣшенія, нашло въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ, для людей, создавшихъ такое положеніе другимъ людямъ, мѣсто непримиримой вражды, и съ тѣхъ поръ въ ребенкѣ росли всѣ необходимые задатки

для того, чтобы изъ него, подь извѣстными вліяніями, со-временемъ могъ создаться настоящій, искренній и ревностный демократъ и социалистъ.

Обстоятельства этому благоприятствовали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ то самое время, когда Артуръ Бенни, соболѣзня своимъ отроческимъ сердцемъ о неравномѣрности распре-дѣленія на землѣ правъ и богатствъ, ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ такихъ формъ общежитія, при кото-рыхъ бы возмущавшая его неравномѣрность не могла имѣть мѣста, — въ Польшѣ стояло много русскихъ войскъ, и одинъ полкъ, или одинъ отрядъ ихъ былъ расположенъ въ Піотрковѣ. Нѣсколько солдатъ изъ этого отряда квартиро-вали въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ ученикъ Артуръ Бенни. Случилось такъ, что когда онъ, вообще чуждавшійся въ то время своихъ товарищей, сидѣлъ однажды на дворѣ, гдѣ играли его сверстники, на этотъ же дворъ выползъ подышать воздухомъ какой-то больной русскій солдатъ, и легъ на солнышкѣ, на кучѣ сваленныхъ на дворѣ бревенъ. Распалившіеся польскіе мальчики, товарищи Бенни, замѣ-тивъ обезсиленнаго, больного русскаго солдата, стали кидать въ него мячемъ. Мальчики дѣлали это какъ-будто непа-рочно; но Бенни зналъ, что они это дѣлаютъ съ умысломъ, чтобы досаждать больному. Благовоспитанному сыну тома-шовскаго пастора такой поступокъ представился крайне неблагороднымъ. Бенни не вытерпѣлъ и сказалъ товари-щамъ, что они поступаютъ дурно и «не по-рыцарски». Мальчики отвѣчали ему, что онъ самъ ужъ «за nadto gusezъ» (черезчуръ рыцарь), что онъ, какъ полякъ, не дол-женъ поступать по-рыцарски съ москалемъ.

— А я,—разсказывалъ, смѣясь, Бенни:—полный въ то время прочитанныхъ мною повѣстей о славныхъ рыцаряхъ и великихъ людяхъ древнихъ и новыхъ временъ, всегда по-ставлялъ себѣ задачею подражать этимъ людямъ. У насъ, въ нашемъ томашовскомъ саду, были и свои замки, и свои рыцарскіе уставы, и всѣ мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнувъ дорожить «ры-царствомъ», я вснылилъ, что будто можно быть «рыцаремъ черезчуръ». Мнѣ этотъ солдатъ, изъ-за котораго началось дѣло, конечно, былъ совсѣмъ чужой человѣкъ по всему;

по тутъ я вдругъ просто полюбилъ его. «Москаль не стоить сожалѣнія»... Мнѣ сейчасъ же припомнилась извѣстная американка, которая сказала, что если хотя три человѣка будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ аду, то она будетъ просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя отъ гнѣва, отвѣтилъ, что если, будучи полякомъ, нельзя быть рыцаремъ, то я лучше не хочу быть и полякомъ»...

— Впрочемъ,—продолжалъ Бенни:— я, и успокоясь, не чувствовалъ особенной опрометчивости въ этомъ отвѣтѣ. Послѣ мнѣ только было досадно, что я оскорбилъ національное чувство моихъ товарищей, но самъ для себя я не чувствовалъ никакой неловкости отъ того, что отрекся быть полякомъ. Я, напротивъ, былъ очень радъ почувствовать послѣ этой сцены, что не имѣю рѣшительно никакихъ національныхъ пристрастій и что у меня *нѣтъ никакого отечества* — что для меня просто милы и дороги люди, — что я люблю все скорбящее и бѣдствующее человечество.

Такимъ образомъ юный демократъ и социалистъ отыскалъ въ себѣ и еще одно новое свойство, пригодное для воспитанія въ немъ совершеннѣйшихъ социалистическихъ симпатій: онъ былъ *космополитъ* и (что всего рѣже) Бенни былъ космополитъ самый искренній, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитомъ? Отецъ Бенни (извѣстный гебраистъ) жилъ въ землѣ чужой, и родство у Бенни по мужской линіи было еврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, гдѣ ей довелось жить; онъ самъ родился въ Польшѣ, странѣ, подвластной Россіи и ненавидящей ее, — какое, въ самомъ дѣлѣ, могло быть отечество у такого, такъ сказать, безпочвеннаго гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданиномъ вселенной*, — онъ такъ себя и чувствовалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Усвоивъ себѣ эти чувства, Бенни не сталъ скрывать ихъ отъ своихъ польскихъ товарищей, и, въ доказательство своего равнодушія къ патриотической польской нетерпимости, часто ходилъ бесѣдовать съ квартировавшими съ нимъ на одномъ дворѣ русскими солдатами. Отъ одного изъ этихъ

солдаты онъ узналъ, что въ Россіи есть такая вещь, какъ *общинное владѣніе землею* у вольныхъ крестьянъ. Бенни это поразило! Та форма общежитія, о которой онъ мечталъ и которую собирался отыскивать, была уже открыта, и притомъ открыта простыми людьми и людьми той національности, которую вокругъ него всѣ не уважали, называли варварскою и всячески ее порочили и осуждали. За что же осуждать такой народъ, который любитъ и удерживаетъ такія, какъ находилъ мальчикъ, безпримѣрно хорошія учрежденія? Бенни, напротивъ, почувствовалъ съ этого времени симпатію къ Россіи и весь предался изученію русскаго языка и русской исторіи.

— Въ классѣ надо мною за это смѣялись,—говорилъ покойникъ: — и даже строго осуждали мое вниманіе къ Россіи; но дома, пріѣзжая на каникулы, я весь отдавался моему любимому чтенію объ этой странѣ съ такимъ восхитительнымъ земельнымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, при безпрерывномъ чтеніи, Бенни дочитался до болѣе ясныхъ опредѣленій русской круговой поруки, общины и артели (которыми, здѣсь можно кстати сказать, покойный всегда бредилъ, идеализировалъ ихъ и никогда не понималъ ихъ какъ слѣдуетъ).

— Не знаю,—говорилъ Бенни:—и не понимаю, что за критическій взглядъ проводился на эти формы русской жизни тѣми заграничными писателями, у которыхъ я все это вычиталъ; но помню, что и артель, и община, и круговая порука мнѣ нравились все болѣе и болѣе, и я съ одной стороны стоналъ нетерпѣніемъ увидать, какъ живутъ люди въ общинѣ и въ артели, а съ другой—приходилъ въ отчаяніе, какъ честные люди всего міра не видятъ преимуществъ такого устройства передъ всякими иными организаціями? Я былъ твердо убѣжденъ, что русская община современемъ будетъ понята и усвоена всѣмъ міромъ, и тогда на свѣтѣ будетъ конецъ пролетаріату. Я рѣшилъ и всегда потомъ чувствовалъ, что отсюда начнется исполненіе пророчества Іезекііля о приближеніи времени, когда «всѣ мечи раскуютъ на рала». *«Жизнь мою, говорилъ Бенни:—я тогда же опредѣлилъ положить за успѣхъ этой задачи».*

Все это такъ и осталось вѣчною его задачею, къ осуществленію которой онъ постоянно рвался горячо, искренно, со

всѣмъ пыломъ настоящаго фанатика и со всею безтактностію юнаго теоретика.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Артуръ Бенни окончилъ гимназическій курсъ очень рано, чуть ли не 15-ти лѣтъ, и былъ посланъ для продолженія своего образованія въ Англiю, подъ надзоръ одного изъ братьевъ своей матери. Въ Лондонѣ онъ доучился и потомъ поступилъ въ англійскую службу инженеромъ, въ вувльничскій арсеналь.

— Мнѣ жилось бы прекрасно, — говорилъ Бенни: — если бы для меня «*прекрасно*» выражалось въ томъ, что у меня есть все нужное, а впереди — ровная, хорошая служебная карьера; но такая жизнь была далека отъ моего идеала жизни».

Русскія симпатіи Бенни повлекли его въ Лондонѣ къ сближенію съ тогдашнимъ лондонскимъ русскимъ революціоннымъ кружкомъ. Бенни познакомился съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеромъ), съ Бакунинымъ, съ Огаревымъ, съ возвратившимся послѣ на родину и писавшимъ свои покаянія эмигрантомъ Василиемъ Ивановичемъ Кельсиевымъ и со многими другими революціонными людьми, группировавшимися въ то время въ Лондонѣ вокругъ Герцена. Въ домѣ Герцена Бенни былъ принятъ пріятельски и, кромѣ того, давалъ нѣкоторое время какіе-то уроки дочери покойнаго Герцена, Ольгѣ Александровнѣ, — кажется, онъ училъ эту молодую дѣвушку языкамъ, такъ какъ онъ, при хорошемъ общемъ классическомъ образованіи, былъ большой и довольно просвѣщенный лингвистъ. О томъ же, какъ онъ долженъ былъ казаться пріятнымъ дѣтямъ, нечего и говорить, такъ какъ это былъ чловѣкъ образцовой мягкости, благовоспитанный, нѣжный, честный, много начитанный, беззавѣтно веселый и безповоротно самоотверженный. Однимъ словомъ, герой для самаго восторженнѣйшаго романа!

Сближеніе юнаго, пылкаго и рѣшительнаго Артура Бенни съ герценовскимъ кружкомъ имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія судьбы пылкаго юноши.

Слѣдуетъ не забывать, что все то, о чемъ мы рассказываемъ, для Бенни возымѣло свое начало еще въ эпоху бывшаго въ Россіи крѣпостнаго права, которому хотя тогда и

пастушили уже послѣдніе дни, но кончинѣ котораго даже и здѣсь, въ Россіи, еще плохо вѣрилось. Въ Лондонѣ же тогда всевластно господствовало убѣжденіе, что единственный путь спасенія Россіи отъ крѣпостного права, злосудія и произвола есть соціально-демократическій переворотъ, а переворотъ этотъ надо произвести посредствомъ народнаго возстанія противъ правительства и при этомъ порѣшить помѣщиковъ. Однимъ словомъ—это относится еще къ порѣ столь памятнаго, хотя совсѣмъ не безпристрастно растолкованнаго герценовскаго воззванія: «къ топорамъ!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Такъ какъ вся революція, которая считалась иными тогдашними нашими политиками столь необходимою и събытною, и замышлялась будто бы на пользу тѣхъ великихъ формъ русской народной жизни, въ которыя былъ сентиментально влюбленъ и о которыхъ мечтали и грезилъ Артуръ Бенинъ, то онъ, какъ боевой конь, ждалъ только призыва, куда бы ему броситься, чтобы умирать за народную общину и артельную Россію, въ борьбѣ ея съ Россіею дворянскою и монархическою. Въ Лондонѣ же, изъ тамошнихъ русскихъ революціонныхъ людей, настоящихъ охотниковъ столь рьяно и безразсечно искать смерти за мужицкую Русь не находилось, или, по крайней мѣрѣ, они не выступали. Тогда еще только *говорили*, а ничего не *дѣлали*. (Поѣздки въ Норвегію Герцена-сына и Бакунина, равно какъ и пріѣздъ въ Россію Василья Кельсиева съ наспортомъ турецкаго подданнаго Янини—все это дѣла дней позднѣйшихъ). Въ то же время, котораго это касается, опять повторяю, въ Лондонѣ *только говорили* о революціяхъ *да писали*, а къ дѣламъ вовсе не приступали. Петербургскаго юношу Бенинъ это чрезвычайно огорчало: онъ становился безпокоенъ, назойливъ, рвался и напращивался на дѣло. Онъ вообще былъ не изъ говоруновъ, и фразерства терпѣть не могъ, а потому, чтобы избавиться отъ его порывовъ къ дѣлу, его непременно надо было или пускать въ ходъ, или скорѣе вовсе съ рукъ спустить. Можно полагать, что Бенинъ своею пылкостью и назойливостью началъ надоѣдать своимъ русскимъ лондонскимъ друзьямъ, но самъ онъ, тогда нетерпѣливо ожидая похода на Россію, ничего этого не замѣчалъ. Онъ только томился передъ во-

просами: «когда же? и скоро ли?» Но тѣ, къ кому приступалъ онъ съ этими вопросами, слѣвши потихоньку и только ораторствовали въ интимныхъ бесѣдахъ и на большихъ выходахъ. Эта медлительность и равнодушіе лондонскихъ революціонныхъ зачинщиковъ повергала Бенни въ отчаяніе. Онъ тѣмъ больше кипятился, что въ это время въ Россіи правительство уже освободило крестьянъ съ земельными надѣлами, задумало дать гласный судъ и ввести другія реформы, при которыхъ доказывать русскимъ людямъ настоятельную необходимость революціи становилось день-отодня все труднѣе и труднѣе. Въ это время, какъ нарочно и какъ на горе Бенни, подвернулся слѣдующій незначительный случай. Одинъ русскій сибирскій купецъ прибылъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Лондонъ. (Имя его—секретъ Полишинеля). Пробѣдомъ черезъ Парижъ онъ тамъ схороводился кое съ кѣмъ изъ русскихъ распространителей «Колокола»; разболтался съ ними, разлиберальничался и, столкнувшись потомъ съ ними въ Лондонѣ, гдѣ они желали представиться Герцену, онъ и самъ ощутилъ въ себѣ потребность исполнить эту церемонію. Представившись Герцену, заѣзжій сибирякъ познакомился черезъ него съ прочими людьми лондонской революціонной семьи, собиравшейся у Герцена при его большихъ выходахъ. Въ числѣ этихъ новыхъ знакомствъ сибирскаго гостя оказался и Артуръ Бенни. Увлечшись заманчивостью своего новаго положенія и находясь подъ обаяніемъ ласкъ самого Герцена (чѣмъ тогда дорожили и не такіе люди), сибирскій купецъ на время позабылъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ говорится, «по своимъ дѣламъ», а вовсе не для того, чтобы вертѣться около г. Герцена. Онъ началъ добродушно лисить передъ всѣми людьми герценовскаго кружка и, съ свойственною русскому человѣку лукавинкою, сейчасъ смекнулъ, какъ ему здѣсь держать себя, чтобы на него глядѣли получше. Онъ сталъ говорить, что прибылъ въ Лондонъ именно съ тѣмъ единственно, чтобы завязать здѣсь съ самимъ Александромъ Ивановичемъ и съ его вѣрными людьми хорошія и прочныя связи на жизнь и на смерть, и затѣмъ, уѣхавъ въ Сибирь, служить оттуда, изъ дома, тому самому дѣлу, которому они служатъ здѣсь, въ Лондонѣ.—«Дескать, поручите мнѣ чтò вамъ угодно: перепечатывать ли тамъ, въ Сибири, герценовскій «Колоколъ»,—

будемъ «Колоколь» перенечатывать; или издавать прокламаціи, какихъ потребуютъ обстоятельства, и на это, говорить, готовъ: прокламаціи будемъ издавать».

Однимъ словомъ, готовъ человекъ вести въ Сибири социально-демократическую пропаганду и рыть подкопы противъ существующаго правительства, которое (какъ тогда было рѣшено) освободило крестьянъ скверно, и само ничего не способно разрѣшить удовлетворительно и сообразно съ выгодами народа.

Въ Лондонѣ предпочли всему одобрить перенечатку «Колокола» и распространеніе его въ Сибири. Сибирякъ съ полною готовностью взялся и за то, и за другое, и завѣрялъ, что Сибирь неспремѣнно очень скоро взбунтуется.

Одного сибирскому социалисту яко-бы не доставало: грамотнаго, представительнаго и смѣлаго человека, который бы взялъ на себя трудъ по затѣянной перенечаткѣ въ Сибири «Колокола». Кунецъ, раскинувъ здравымъ умомъ, вѣроятно, рассчитывать, что охотника взяться за такое дѣло въ Сибири, въ числѣ живущихъ въ Лондонѣ людей, конечно, не найдется ни одного, и онъ только повздыхаетъ передъ лондонцами своими гражданскими вздохами, что «вотъ все бы-де такъ; я на все готовъ, по людей нѣтъ», да все и тѣмъ и покончится.

— Такъ, молю, это Господь милосердый и пронесетъ, и вернемся мы опять къ своимъ дѣламъ и станемъ жить да поживать, да добро наживать. Надую, молю, всѣхъ васъ въ одно слово, да и только.

Но не тутъ-то было: кунецъ промахнулся. Онъ все соображалъ, прикидывая всѣхъ на масштабъ тѣхъ революціонеровъ, какихъ ему случилось видѣть въ Россіи и частію въ Парижѣ, а не зналъ, какіе антики водятся въ Лондонѣ.

На этомъ его Богъ и попуталъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не успѣлъ кунецъ попечаловаться, что онъ не имѣетъ человека для перенечатыванія въ Сибири «Колокола», какъ ему сейчасъ же съ оника былъ предложенъ для этого дѣла человекъ, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россію. Человекъ этотъ былъ Артуръ Вени.

Кушцу-социалисту, захваченному такою напастью врас-

плохъ, въ Лондонѣ некуда было отъ этого понинтъся. Онъ увидалъ, что попался очень крѣпко, но тотчасъ же понялъ, что отпираться ему недовко, и что пока онъ здѣсь, въ Лондонѣ, ему надо себя выдержатъ. Онъ рѣшился принять предложеннаго ему революціоннаго агента и провезть его съ собою въ Россію, въ качествѣ инженера, нужнаго будто бы для его сибирскихъ фабрикъ и заводовъ. Артуръ Бенни торжествовалъ. Онъ радостно прощался съ Англіею и оставлялъ безъ малѣйшаго сожалѣнія свое мѣсто при вальвичскомъ арсеналѣ, гдѣ онъ получалъ около 500 фунтовъ жалованья (по позднѣйшему курсу около 5000 р. с. на наши деньги). Артуръ Бенни досталъ себѣ англійскій паспортъ, въ которомъ значился «*натурализованнымъ англійскимъ субъектомъ*», и снаряжился въ путь съ своимъ русскимъ прищипаломъ въ Россію.

Купецъ отплывалъ съ Бенни совершенно спокойно, потому что у него уже былъ столько же простой, сколько оригинальный и вѣрный планъ, какъ ему развязаться и съ транспортируемымъ имъ революціонеромъ, и со всею задуманною въ Лондонѣ революціею въ Сибири.

Перевалившись на континентъ Европы, сибирякъ, которому приснастили Артура Бенни, тотчасъ же нѣсколько попустилъ съ своихъ плечъ революціонную хламиду. Прежде всего во Франціи онъ захотѣлъ, что называется, «*пожуровать* своею жизнію». Дѣвственный Бенни былъ для этого самый плохой компаніонъ: онъ не любилъ и даже не выносилъ вида никакихъ оргій, самъ почти ничего не пилъ, въ играхъ ни въ какихъ не участвовалъ, легкихъ отношеній къ женщинамъ со стороны порядочныхъ людей даже не допускалъ, а самъ и вовсе не зналъ плотскаго грѣха и считалъ этотъ грѣхъ большимъ преступленіемъ нравственности (Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*,—это извѣстно многимъ близко знавшимъ его лицамъ и между прочимъ одному уважаемому и нынѣ весьма извѣстному петербургскому врачу, г. Т—му, пользовавшему Бенни отъ тяжкихъ и опасныхъ болѣзней, причина которыхъ лежала въ его *дѣвственности*, боровшейся съ пламеннымъ темпераментомъ его нылкой, почти жгучей патуры). Купцу же, въ свою очередь, не нравилось такое цѣломудріе, и онъ безъ церемоніи говорилъ Бенни:

— Экой же ты, братъ, шутъ, что не знаешь ты самага

хорошаго, безъ чего жить нельзя! Ты примѣрился, а то мы такихъ не любимъ.

Артуръ Бенни, дорожа своимъ русскимъ революціонеромъ, скрѣпя сердце, отлучивался, праву его не пренятствовалъ, и заочевали они съ нимъ изъ столицы въ столицу Европы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Купецъ раснися и безобразничалъ, — Бенни смотрѣлъ съ отвращеніемъ на его дикія оргіи, но все терпѣлъ. Переносясь изъ страны въ страну, купецъ даже нашель средство извлекать себѣ изъ слѣдовавшаго за нимъ Бенни изрядную пользу. Онъ отпустилъ въ Парижѣ своего наемнаго переводчика, котораго до сей поры возилъ съ собою, и обратилъ въ переводчика Бенни, разумѣется, безъ всякаго ему за это вознагражденія.

Купецъ не сѣшилъ въ Россію, а Бенни, слѣдуя за нимъ, прокаталъ почти все свои небольшія деньги и все только удивлялся, что это за странный закалъ въ этомъ русскомъ революціонерѣ? Все онъ только ѣсть, пить, мечеть банки, рѣжетъ штоссы, раздѣваетъ и одѣваетъ лоретокъ и только между дѣломъ иногда вспомнить про революцію, да и то вспомнить для шутки: «А что, моль, скажонь, какъ, милый баринъ, наша революціи!»

Будь на мѣстѣ Артура Бенни соучникомъ этого сибирскаго купца какой хотите не совсемъ безтолковый человекъ, не нашингованный и не наученный лондонскими знатоками русскаго народа видѣть въ каждой наглости, грубости и глупости простого русскаго человека черту особыхъ, одному русскому простолюдину свойственныхъ, высокихъ качествъ, этотъ человекъ давно бы увидѣлъ, что его дурачить дуракъ и бросилъ бы этого дурака посреди его дороги. Но Бенни уже такъ было наказано, что революціоніиѣ русскаго раскольника пѣтъ никого въ мірѣ, и что какъ онъ, этотъ раскольникъ, по своей непосредственности, ни чуди и ни юродствуй, а уже противъ него никто не постоитъ ни въ умѣ, ни въ твердости, ни въ разсудкѣ. Въ то наивное время такъ вѣрили и не въ одномъ Лондонѣ. Такъ точно вѣриалъ и простодушный Бенни и все терпѣлъ отъ своего безобразника; но, наконецъ, купцу надоѣло раздѣзжать да нынствовать; подходило время ѣхать домой. На пути въ

Россію ему оставался одинъ нѣмецкій Берлинъ; нужно было только взять на желѣзной дорогѣ сквозной билетъ въ Россію, и переводчикъ съ иностранныхъ языковъ купцу больше не нуженъ. Купецъ взглянулъ на Бенни и рѣшилъ, что уже тутъ пора ему съ нимъ и кончить.

— Думалъ-было я его сбросить, гдѣ понало, по дорогѣ,— разсуждалъ сибирякъ:— да поманулося мнѣ, что онъ на всѣ языки знаетъ, и завезъ его вотъ какъ далеко.

Тогда сибирскій социалистъ, много не обинуясь съ Бенни, сказалъ ему: «Куда же это мы теперь съ тобою, милый баринъ, подѣхали?»

— Мы въ Пруссіи,—отвѣчалъ Бенни.

— Знаю, что въ Пруссіи, да кой насъ, прости Господи, лукавый вмѣстѣ сюда занесъ? Вѣдь изъ самой изъ этой Пруссіи летягъ къ намъ гуси нашу пшеницу клевать.

— А что?—спросилъ удивленный Бенни.

— Да вѣдь говорю же тебѣ *что*. Да еще вонъ я теперь вспомнилъ, что ихъ король-то съ нашимъ государемъ и по-сейчасъ въ родствѣ!

Изумленный Бенни смотрѣлъ на своего спутника недоумѣвая, что онъ хочетъ этимъ сказать, и, наконецъ, спросилъ его, что же такое изъ этого слѣдуетъ, что прусскій король въ родствѣ съ русскимъ государемъ?

— А то слѣдуетъ,—отвѣчалъ купецъ:— что ѣхалъ бы ты теперь, нѣмчикъ, отсюда назадъ.

— Какъ назадъ?—спросилъ съ удивленіемъ произведенный въ нѣмчики Бенни.

— А такъ, что вѣдь тебѣ у насъ по настоящему дѣлать совсѣмъ нечего: я съ тобою не поѣду, да и всего этого, что я вамъ говорилъ, ничего не будетъ,—объявилъ онъ Бенни и добавилъ, что все, что онъ тамъ въ Лондонѣ рассказывалъ, то это было какъ во снѣ, и онъ самъ ничего этого теперь не вспомнить.

— А къ тому же,—говоритъ,—мы и сами въ своемъ мѣстѣ не послѣдніе капиталисты, и насъ-де и хорошіе люди, благодаря Бога, не за пустыхъ людей почитаютъ, да есть, моль, у меня и жена, и дѣти; ну, однимъ словомъ, не хочу дѣлать революцію да и все тутъ, и ступай, нѣмчикъ, назадъ.

Бенни сталъ уговаривать купца, чтобы онъ хоть только къ своимъ дѣламъ его въ Сибирь взялъ.

— Нѣтъ, и этого,—говоритъ,—душа моя, никакъ невоз-

можно: потому у меня братья—простецы, необразованные; имъ этихъ нашихъ съ тобою политическихъ дѣловъ ни за что не понять... Нѣтъ, и не собирайся, ни за что нельзя.

Бенни пустился уговаривать его, что никакихъ политическихъ предпріятій въ ихъ домѣ не разовьется, что онъ только хочетъ взглянуть на Сибирь и познакомиться съ нею; по собириакъ сталъ на своемъ, что и этого нельзя, да и не стѣнть.

— Чего ее,—говорить,—и смотрѣть, Сибирь-то? Ее у насъ только поневолѣ, за наказанье смотрять, сторона ссыльная, да глухая, а у меня опять тоже и матушка съ батюшкою такіе же люди старозаконные; а ты, кто тебя знаетъ, какой вѣры; они съ тобою за столъ не сядутъ, а тамъ еще, помилуй Богъ, что откроется...—Нѣтъ. Въ общемъ выводѣ выходитъ опять: «стунай, нѣмчикъ, назадъ, да и все тутъ».

— Въѣдемте же, по крайней мѣрѣ, хоть вмѣстѣ въ Россію?—уговаривалъ его Бенни; но купецъ и отъ этого отказался и самымъ рѣшительнымъ образомъ запротестовалъ противъ того, что Бенни везетъ на себѣ множество листовъ «Колокола», съ которыми его могутъ поймать на границѣ.

— Но вѣдь это все только меня будетъ касаться, а не васъ,—отвѣчалъ агитаторъ.

— «*He vasъ*»,—отозвался купецъ.—Ага! вы вѣдь думаете, что у насъ, небось, какъ у прочихъ, какъ въ Англии, слабости въ начальствѣ-то! Нѣтъ-съ, у насъ на это честно: у насъ, какъ прижучать, такъ вы тогда и про меня скажете. А мы съ вами давай лучше добромъ здѣсь разстанемся; вотъ почеломкаемтесь, да и бывайте здоровы. Ей-Богу, такъ лучше.

Бенни посмотрѣлъ на своего партнера и холодно отвѣчалъ ему, что ему нѣтъ дѣла до его соображеній, и что онъ все-таки поѣдетъ въ Россію.

— Да вы, пожалуй, если охота пропадать, такъ и поѣзжайте,—говорилъ купецъ.—Только вмѣстѣ намъ ѣхать не надо; а то поѣзжайте.

Бенни еще суше замѣтилъ, что онъ поѣдетъ, когда захочетъ.

— А ну, если вы отъ меня тутъ добромъ не отстанете и поѣдете вмѣстѣ со мною,—зарѣшилъ купецъ:—такъ я,—вотъ рука отсохни,—какъ на границу взъѣду, сейчасъ и укажу, чтобы васъ обыскали.

Бенни понялъ все значеніе этой угрозы и отсталъ отъ своего политическаго русскаго единомышленника въ Берлинѣ.

— Послѣ отхода побѣда, съ которымъ уѣхалъ мой купецъ,—говорить Бенни,—я, признаюсь, долго думалъ: зачѣмъ же этотъ человѣкъ взманивалъ меня, зачѣмъ онъ меня везъ, и что это такое онъ теперь сдѣлалъ? Я ничего этого не могъ себѣ разрѣшить и чувствовалъ только, что, вѣроятно, еще ни одинъ революціонеръ въ мірѣ не былъ поставленъ въ такое смѣшное, глупое и досадное положеніе, въ какое поставленъ былъ я. Я былъ жалокъ самому себѣ и самого себя ненавидѣлъ; но возвращаться не хотѣлъ. Меня словно что-то роковое неодолимо тянуло въ Россію.

Возвращаться назадъ въ Лондонъ Бенни, кромѣ того, казалось чрезвычайно смѣшнымъ и даже невозможнымъ, да и къ тому же, какъ сказано, онъ хотѣлъ видѣть Россію. Теперь посмотрѣть Россію ему казалось даже еще необходимымъ, потому что ему хотѣлось удостовѣриться: много ли въ Россіи сибирскихъ купцовъ, въ родѣ его дорожнаго спутника, и познакомиться съ тѣми лучшими петербургскими людьми, изъ которыхъ онъ съ однимъ встрѣчался у Герцена, а о другихъ много слышалъ какъ о людяхъ развитыхъ, серьезныхъ, умныхъ и державшихъ въ своихъ рукахъ все нити русской социальна-демократической революціи. Статьею добѣжать въ Петербургъ, сойтись съ этими людьми, и снова можно попасть другимъ путемъ въ то же самое дѣло. Бенни такъ рѣшилъ и съ остатками своихъ деньжонокъ махнулъ изъ Берлина въ Россію участвовать въ здѣшней социальна-демократической революціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люди, къ которымъ Бенни явился въ Петербургѣ, первоначально очень обрадовались такому гостю. Свель Бенни съ этою партією нѣкто умереній подѣ арестомъ въ крѣпости акцизный чиновникъ Ничипоренко, а къ Ничипоренкѣ Бенни явился потому, что зналъ объ этомъ жалкомъ и въ то же время роковомъ человѣкѣ отъ В. И. Кельсіева, съ которымъ Ничипоренко былъ товарищъ по воспитанію въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и поддерживалъ перенескою съ нимъ непрерывныя сношенія. Здѣшніе молодцы (теперь уже одни старцы, а другіе покойники), съ

которыми Ничипоренко свезъ Бенни, пріютили его и безъ мѣры радовались, что къ нимъ прибылъ «герценовскій эмиссаръ». Другого имени Бенни не было, и отсюда онъ такъ и пошелъ *герценовскимъ посланцемъ*, пока потомъ тѣми же самыми людьми былъ объявленъ *титоломъ*.

Бенни до самой послѣдней минуты утверждалъ, что онъ никогда и нигдѣ не выдавалъ себя за герценовскаго посла, и не знаетъ, *кто первый* выпустилъ этотъ слухъ; но съ другой стороны утверждалось, что онъ будто когда-то называлъ себя этимъ титуломъ, и это было поводомъ ко многимъ непріятностямъ для горячаго и легкомысленнаго юноши (Бенни впоследствии два раза писалъ Герцену и просилъ его вступиться за него и оправдать его, но Герценъ этого не сдѣлалъ. Почему? Бенни говорилъ, что Герценъ не хотѣлъ нарушать согласія въ здѣшнихъ кружкахъ, и это было источникомъ многихъ горестивѣйшихъ для Бенни минутъ).

Но вотъ и здѣсь, въ Петербургѣ, съ Бенни открывалась та же забота, что была съ нимъ въ Лондонѣ: эмиссару надо дать занятіе, достойное герценовскаго посла: надо было показать ему, что вся русская революція, о которой тогда били тревогу за границу, тутъ уже совершена на мази, что все здѣсь и ключомъ кипитъ, и огнемъ горитъ, и что еще денекъ-другой, да и «завтра бой». А между тѣмъ дѣлать-то, собственно говоря, какъ известно, не было почти никакихъ, да и никто не зналъ, какъ ихъ еще и починаютъ. Знали, что во время революцій люди сходятся на площадяхъ, и вздумаютъ: «можетъ-быть, и намъ бы на площадь?» и согласятся сойтись на площадь. А какъ опять это администрировать, чтобы сойтись на площадь, даже и объ этомъ не было ни у кого ни малѣйшаго понятія.

Все, что умѣли дѣлать тогдашніе революціонеры, заключалось развѣ въ томъ, чтобы, вѣдучи съ извозчикомъ, наговорить ему, сколь много стоятъ армія, или чего стоятъ дворцы; или же дать солдатикку почитать «Колоколъ». Больше же никто ничего не умѣлъ дѣлать, чѣмъ исполнѣ и объясняется, что въ романахъ и повѣстяхъ, гдѣ выводились люди, устраивающіе революцію, глухо говорилось, что люди эти *пожили дѣлать предпріятіе*, а какъ это «предпріятіе» надо дѣлать?—того никто не зналъ. Гораздо спустя, только уже у позднѣйшихъ далѣе развившихся писателей встрѣчаемъ, что *предпріятели* швыряютъ по городамъ, сидятъ гдѣ-то въ

свободахъ и все *мишутъ до-бля свѣта*, но и эти позднѣйшіе писатели все-таки опять не могли придумать, что такое именно мишутъ ихъ предприниматели, и оттого эти герои ихъ опытному человѣку всего болѣе напоминали собою нарочныхъ чиновниковъ, секретно повѣряющихъ ревизскія сказки. Артуръ же Бенинъ, несмотря на свои юные годы, былъ въ революціонныхъ дѣлахъ человѣкъ, если не очень опытный, то, по крайней мѣрѣ, наслышанный и начитанный: онъ видалъ въ Лондонѣ избраннѣйшихъ революціонеровъ всѣхъ странъ и теоретически зналъ, какъ у людей распускаютъ революціи, и что для этого нужно. Первое, что онъ присовѣтовалъ своимъ новымъ политическимъ друзьямъ (Н. Курочкину, В. Якушкину и С. Громеко), заключалось въ томъ, чтобы они пробовали отъ времени до времени дѣлать примѣрные «маневры». Его долго увѣрили, что этого вовсе не надо, что у насъ это все сдѣлается безъ всякихъ плановъ и маневровъ; но онъ, однако, упрямилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ назначенный день и часъ всѣ люди, преданные въ Петербургъ дѣлу революціи и готовые къ ней, прошли по одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ площадей. Надъ этимъ смѣялись, находя все это совершенно ненужнымъ: увѣрили, что у насъ и па козла посмотрѣть тысячи народу собирается; но, однако, изъ снисхожденія къ прихоти англичанина сдѣлали для него распоряженіе о маневрахъ.

— «Англичанинъ — да, эксцентрикъ, — пусть-де его тѣшится!»

Ни одному изъ хитрыхъ людей, недоумѣвавшихъ, зачѣмъ нуженъ Бенинъ этотъ смотръ, и въ голову не бросилось, что англичанинъ не прихотничаетъ, а просто хочетъ повѣрить самихъ ихъ, революціонеровъ.

Сколько моль ихъ? Не лгутъ ли они?

Маневры были назначены, и на нихъ явилось *три человека* по инфантеріи (въ томъ числѣ Громеко) и *два* на извозчикѣ, чтобы легче удирать (они-таки, поворотивъ, и далеко удрали, *но въ гору*, а не подъ гору, куда скатился злополучный эмиссаръ, производившій имъ смотръ, стоя у магазина Даццаро). Бенинъ пересчиталъ всѣхъ пятерыхъ храбрецовъ, рискнувшихъ пройти и проѣхаться, и нашелъ, что наличная революціонная армія еще не довольно сильна, чтобы вступать въ открытый бой съ императорскими вой-

сками, и притомъ довольно плохо дисциплинирована. Бенни понималъ, что хозяева его лгутъ, что въ Петербургѣ по революцію еще и кони не сѣданы и что все, что въ Лондонѣ п здѣсь рассказываютъ о близости революціи въ Россіи, есть или легкомысленный обманъ, или злостная ложь.

Послѣ этого смотра, или этихъ маневровъ, и Бенни, и тѣ, кто долженъ былъ репрезентовать чужеземному революціонеру домашнія русскія революціонныя силы, внезапно почувствовали, что имъ стало не совсѣмъ ловко смотрѣть въ глаза другъ другу.

Неудачность маневровъ старались приписать тому, что Бенни новое лицо, и что ему не всѣ довѣряются: Бенни показалъ, что онъ этому вѣритъ; но онъ прекрасно понималъ, что это одна увертка. Теперь онъ, при всей своей дѣтской довѣрчивости, видѣлъ уже и то, что люди, бредящіе въ Петербургѣ революціею, совсѣмъ люди не того заката, какой требуется для революціи, и описалъ объ этомъ со всею искренностію, кому находилъ нужнымъ, въ Лондонѣ. По поводу писемъ, въ которыхъ все это было описано и которыхъ недаромъ имѣли основанія бояться здѣшніе революціонеры, произошла исторія. Бенни долго выжидалъ случая отправить эти письма съ благонадежнымъ человѣкомъ. Здѣшніе революціонеры навязчиво предлагали ему свои услуги для отправки этихъ писемъ: имъ хотѣлось или совсѣмъ удержать ихъ у себя, или, по крайней мѣрѣ, подпечатать ихъ и прочесть. Бенни очень легко провидѣлъ эту хитрость. Онъ принялъ эти услуги, но не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы только испытать людей, съ которыми ему довелось имѣть дѣло. Онъ отослалъ свои письма въ Лондонъ съ знакомымъ ему англійскимъ шкиперомъ, а написалъ два другія малозначащія письма, для передачи его родственникамъ, и эти-то два письма и вручилъ своимъ петербургскимъ друзьямъ (Н. Курочкину и Ничипоренко), которые вызывались переслать его корреспонденцію черезъ вѣрныя руки въ Лондонъ. Петербургскіе политическіе друзья играли съ Бенни, а онъ игралъ съ ними.—Искренности, пужной для согласныхъ дѣйствованій, между ними уже не было никакой; они уже съ этихъ же первыхъ дней боялись другъ друга и другъ съ другомъ хитрили. Питерцы чувствовали, что они взаправду совсѣмъ не революціонеры и что Бенни, пожалуй, все это замѣтилъ въ нихъ и описалъ объ этомъ,

и потому они хлопотали захватить въ свои руки его письма. Дескать: «распечатать ихъ, прочтемъ, и тогда сами предудредимъ его и его *опишемъ* какъ пельзя лучше.» Бенин же, читая насквозь этихъ дипломатовъ, съ таинственнѣйшимъ видомъ вручилъ имъ, въ одномъ большомъ пакетѣ, письма, содержаніе которыхъ резюмировалось фразою: «кладите бабушки и поцѣлуйте ручку».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, чтобы не терять попусту своего времени въ Петербургѣ, Артуръ Бенин пожелалъ пробѣхать по Россіи. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что за народъ сидитъ тамъ, въ глубн русскихъ трущобъ, и посчитаться, съ кѣмъ тамъ придется вести дѣло, если бы затѣялась революція. На это петербургскіе предприниматели говорили Артуру Бенину, что въ провинціяхъ статья эта уже давно обработана, что Поволжье готово все встать какъ одинъ человѣкъ, и что въ Петербургѣ есть такіе знатоки русскаго міра, которые *«все знаютъ»*; но Бенин уже не вѣрилъ своимъ политическимъ друзьямъ и все-таки собирался на ярмарку, въ Никитин-Новгородъ. Видя его непреклонность, съ нимъ перестали спорить, но для сопровожденія его и для руководства его въ ознакомленіи съ страной снарядили того же юркаго и чрезвычайно въ то время популярнаго акцизнаго чиновника Андрея Ничипоренко. Этотъ молодой человѣкъ, имя котораго намъ уже приходилось вспоминать выше, въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ пользовался славою перваго русскаго революціонера. Особенно онъ былъ силенъ у низшихъ и высшихъ чиновниковъ нѣкоторыхъ канцелярій, гдѣ сидѣли наилучшіе герценовскіе корреспонденты изъ Петербурга, которыхъ этотъ Ничипоренко всѣхъ потомъ и переигралъ. Онъ-то, сей самый Ничипоренко, и былъ избранъ менторомъ къ молодому, неопытному и восторженному Телемаку. Ихъ снабдили рекомендаціями (даже П. И. Мельниковъ въ этомъ участвовалъ) и даны были наставленія: какъ, куда ѣхать, съ кѣмъ повидаться, къ чему прислушаться? Кромѣ того, имъ даны были и особыя порученія привезти сюда съ ярмарки по оказіи нѣкоторыя мелочи: кому кабанъ, кому кавказскаго вина, кому другія подобныя хозяйственныя бездѣлушки. Забыли имъ дать только одного — денегъ, но зато имъ было внушено, что

они могутъ отлично ѣздить и безъ денегъ, зарабатывая все нужное на путевыя издержки корреспонденціями, которыя здѣшніе друзья ихъ взялись пристраивать въ газеты. Ничипоренко сразу и самъ убѣдился, что это, дѣйствительно, очень легко, и умѣлъ въ этомъ убѣдить и Артура Бенни. Менторъ и Телемакъ забрали въ саквояжки необходимыя письменныя принадлежности, сѣли въ Цетербургѣ въ третьеклассный вагонъ Николаевской желѣзной дороги и поѣхали путешествовать по Россіи и «устраивать предпріятіе». Пѣкій театралный человекъ сказалъ имъ комическое благословеніе, которое можетъ быть ихъ и сопроводило...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эта поѣздка Бенни съ чиновникомъ Ничипоренко, сколько извѣстно, была первымъ дѣйствительнымъ «предпріятіемъ», совершеннымъ лѣтъ за пять до того, какъ начали ни ша что не похоже описывать подобныя предпріятія въ влажныхъ и неинтересныхъ повѣстяхъ и романахъ.

Ѣдучи съ недалекимъ, болѣзненнымъ, чахламъ и до противности неопытнымъ чиновникомъ Ничипоренко, Бенни немного нужно было, чтобы разгадать своего ментора. До Твери Бенни уже составилъ себѣ ясное понятіе, что спутникъ его крайняя ограниченность и несетъ белиберду. Остановившись по дорогѣ въ Тверь, гдѣ имъ слѣдовало сѣсть на пароходъ, они уже немножко поссорились. Въ маленькомъ трактирчикѣ, гдѣ они прістали, Ничипоренко, строго выскливая съ трактирнаго мальчика за какую-то несправность, толкнулъ его и обругалъ словомъ, которое Бенни понималъ и котораго не могъ слышать.

Бенни показалось ужаснымъ такое обращеніе со стороны человека, который ѣхалъ «сходиться съ народомъ», и у нихъ произошла сцена. Бенни настоятельно потребовалъ, чтобы Ничипоренко или тотчасъ же извинился передъ трактирнымъ мальчикомъ и далъ слово, что впередъ подобнаго обращенія ни съ кѣмъ изъ простолюдиновъ, въ присутствіи Бенни, не допустить, или оставилъ бы его, Бенни, одного и ѣхалъ, куда ему угодно.

Бенни поставилъ Ничипоренко свои условія съ такою рѣшимостью, что тотъ сразу увидѣлъ себя въ совершенной необходимости на которое-нибудь изъ нихъ рѣшиться. Ѣхать назадъ одному, ничего не сдѣлавши для «предпрія-

тія» и притомъ не имѣя что и разсказать о томъ, за что онъ прогнанъ, Ничипоренко находилъ невозможнымъ, и онъ извинился передъ мальчишкою и далъ Бенни требуемое этимъ послѣднимъ слово воздержаться впередъ и отъ драчливости, и отъ брани.

За симъ эмиссары снова поѣхали даѣе уже не по сухому пути, а по Волгѣ.

Ничипоренко, кажется, вовсе не понималъ всего значенія сдѣланной имъ уступки требованіямъ Бенни: онъ не предвидѣлъ, что послѣ нея онъ уже не можетъ имѣть никакой менторской власти надъ своимъ возмутившимся Телемакомъ, и что онъ изъ руководителя и наставника вдругъ, ничего не видя, сошелъ на позицію школяра, котораго деруть за уши.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ Нижній-Новгородъ у Бенни и Ничипоренко было (отъ П. П. Мельникова) письмо въ одинъ хорошій семейный домъ, хотя и не имѣвший никакихъ прямыхъ связей съ предприимчивою партією, но весьма интересный для знакомства. Хозяинъ этого дома былъ молодой человекъ, чиновникъ съ родовыми связями и хорошо открытой карьерой. Въ то время этотъ господинъ всего года три какъ былъ женатъ на молодой дѣвушкѣ, тоже изъ очень хорошаго семейства. Молодые хозяева приняли рекомендованныхъ имъ изъ Пестербурга гостей дружественно и радушно,—сдѣлали для нихъ обѣдъ и пригласили къ этому обѣду нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, мужчинъ и дамъ. Ничипоренко уже успѣлъ шепнуть всѣмъ по секрету, что сопровождаемый имъ человекъ, Артуръ Бенни, есть «герценовскій эмиссаръ», съ которымъ они ѣдутъ «дѣлать предпріятіе», и всѣ, кому это было сказано, разумѣется, сѣшпили, какъ на чудо, посмотрѣть на герценовскаго эмиссара. Ничипоренко, показывая Бенни любопытнымъ нижегородцамъ, былъ, однако, не совсѣмъ имъ доволенъ: онъ находилъ, что его эмиссаръ не такъ себя держитъ, какъ бы слѣдовало, что онъ «сентиментальничаетъ», что это въ немъ отзывается англійская рутина, и что онъ, Ничипоренко, долженъ показать Бенни, какъ слѣдуетъ вести себя съ провинціалами для того, чтобы производить на нихъ надлежащее впечатлѣніе. Ничипоренко приготовился блеснуть своимъ вольномысліемъ пе-

редь собравшимся къ обѣду провинціальнымъ обществомъ. За обѣдомъ къ этому представился и удобный случай. Дамы, бесѣдуя съ Бенни (котораго дамы и полицейскіе всегда неотразимо принимали за настоящаго англичанина), говорили комплименты англійскимъ нравамъ и хвалили чистоту идей, проводимыхъ въ большинствѣ англійскихъ романовъ.

— Тамъ никогда не позволяютъ себѣ издѣваться надъ семейными привязанностями и надъ бракомъ,—сказала одна дама.

— Это совершенно справедливо,—отвѣчала Бенни:—хотя бракъ уважается повсюду, но въ Англійи особенно крѣпки и семейныя связи, и семейныя преданія.

Ничипоренко напелъ этотъ моментъ отменно удобнымъ, чтобы за разъ и проучить Бенни, «чтобы онъ не подличалъ», и, въ то же время, показать, какъ людямъ ихъ званія слѣдуетъ направлять въ обществѣ такіе разговоры. Со всемъ свойственнымъ ему петербургскимъ вольномысліемъ того простодушнаго времени, Ничипоренко объявилъ во всеуслышаніе, что бракъ совѣмъ не пользуется повсемѣстнымъ уваженіемъ, и что у насъ, у первыхъ, есть раскольники, которые не признаютъ брака, ибо бракъ есть—просто вредная глупость.

Имѣя въ виду, что такое суровое осужденіе брака было произнесено въ присутствіи замужней хозяйки и многихъ присутствовавшихъ здѣсь замужнихъ дамъ, нѣкоторая почтенная пожилая дама, родственница хозяевъ, замѣтила Ничипоренко, что ему такъ при семейныхъ людяхъ разсуждать не годится, что она и сама вѣнчалась, и дочерей замужъ выдавала, но никакой вредной глупости въ этомъ не видитъ.

— Да кто же видитъ свои глупости!—отвѣчалъ развязный Ничипоренко.

— Хотѣла бы вамъ, батюшка, отвѣчать, что, слушая васъ, я готова повѣрить, что, дѣйствительно, бываютъ люди, неспособные видѣть свои глупости; но скажу вамъ только, что вы большой невѣжа.

— А вы меня, небось, этимъ хотите сконфузить?—отвѣчала, разсмѣявшись, Ничипоренко и, махнувъ рукою, добавилъ:—Намъ мало дѣла до того, что о насъ думаетъ подгнивающее поколѣніе! А что касается до вашихъ дочерей,

которыхъ вы выдали замужъ, такъ мы еще не знаемъ, чѣмъ это окончится? Если спросить женщинъ, по совѣсти, такъ каждая изъ нихъ предпочитаетъ временныя свободныя отношенія вѣковчнымъ брачнымъ.

— Вы должны выйти вонъ! Сейчасъ вонъ!—вскрикнула, вся побагровѣвъ, старушка и, быстро отодвинувъ свое кресло, встала изъ-за стола.

Обѣдъ и дальнѣйшее гостеваніе въ этомъ домѣ были разстроены самымъ неожиданнымъ и самымъ печальнымъ образомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ печальная исторія эта должна была отразиться и на самомъ предпріятіи. Эмиссары рассчитывали получить въ этомъ нижегородскомъ домѣ рекомендательныя письма въ Казань, въ Астрахань и въ Саратовъ, и имъ уже были и обѣщаны эти рекомендаціи; но какъ же послѣ этого, устроеннаго Ничипоренкомъ, скандала закататься напоминать объ этомъ обѣщаніи?

Ничипоренко еще увѣрилъ опечаленнаго Бенинъ, что это не значитъ ничего, что у насъ, въ Россіи, теперь молодыя за старыхъ не стоятъ; но Бенинъ считалъ дѣло проиграннымъ и ни за что не согласился просить писемъ.

— Мало того, что ихъ нельзя просить, но если бы мнѣ ихъ и дали, то я ихъ теперь не возьму,—рѣшилъ онъ Ничипоренкѣ.

Ничипоренко только пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Ну, этакъ, батюшка мой, съ такими тонкостями вы въ Россіи ничего не сдѣлаете».

Бенинъ ему не отвѣчалъ.

Агитаторы оба взаимно были другъ другомъ недовольны и оба были не въ духѣ. Для перваго шага у нихъ уже было довольно неудачъ. Ничипоренко, однако, первый нашелся, какъ ему выйти изъ такого неприятнаго положенія. Сидя послѣ этого обѣда въ трактирномъ номерѣ у окна, въ которое ярко свѣтило спускавшееся къ закату солнце и въ которое врывался шумъ и громъ съ зарѣчья, гдѣ кипѣла ярмарка, Ничипоренко нѣсколько разъ озирался на своего унылаго и понижнаго головою партнера и, наконецъ, сказалъ:

— Да бросьте вы, Бенинъ, объ этомъ думать! Эка, чортъ возьми, невидаль какая, что старая барыня разсердилась! Память по они нужны,—намъ народъ нуженъ.

Бенни приподнялъ голову и взглянул на своего спутника остолбенѣлыми глазами.

Большіе, черные, какъ уголь, глаза Бенни при всякомъ грубомъ и неделикатномъ поступкѣ имѣли странную способность останавливаться, и тогда стоило большого труда, чтобы его, въ такое время, снова докликаться и заставить перевести свой взглядъ на другой предметъ. Позже это знали очень многіе; но Ничипоренко не былъ предупрежденъ о такихъ столбняковыхъ приступахъ Бенни и очень испугался. Онъ облилъ Бенни водою и послалъ за докторомъ. Пришедшій докторъ велѣлъ пустить Бенни кровь, но пока отыскиали фельдшера, который долженъ былъ открыть жилу, больной пришелъ въ себя. Ничипоренко былъ несказанно этимъ обрадованъ: онъ вертѣлся около Бенни, юлилъ и булькоталъ своимъ несприятнымъ голосомъ: «Намъ нуженъ народъ! Не они, а народъ. Я положительно говорю, что намъ нуженъ народъ!»

Разстроенный Бенни повторялъ за нимъ: «народъ».

— Именно народъ!—подхватывалъ Ничипоренко:—и мы должны идти къ народу, и мы должны сойтись съ нимъ.

Бенни смотрѣлъ на него молча.

— Что вы смотрите? Пойдемте!—заговорилъ вдругъ, оживляясь, Ничипоренко. — Я вамъ ручаюсь, что вы въ народѣ увидите совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ. Верите скорѣе шанку и идемъ.

Бенни взялъ шанку, и они пошли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Менторъ велъ своего Телемака на ярмарку, которая волновалась и шумѣла, вся озаренная краснымъ закатомъ.

Они шли сходить съ народомъ.

Ничипоренко опять впасть въ свою роль руководителя и хотѣлъ показать Бенни, какъ должно сходить съ русскимъ народомъ; но только, на свое несчастіе, онъ въ это время спохватился, что онъ и самъ не знаетъ, какъ за это взяться. Правда, онъ слышалъ, какъ Павелъ Якушкинъ разговариваетъ съ прислугою, и зналъ онъ, что ужъ Павелъ Якушкинъ, всѣми признано, настоящій мужикъ, но опять онъ никакъ не могъ припомнить ни одной изъ якушкинскихъ

рѣчей; да и все ему мерещился ямщикъ, который однажды сказалъ Якушкину:

— А зачѣмъ же на табѣ очки? Коли ты мужикъ, табѣ очки ненадобѣ. Нѣшто мужики очки носятъ?

Ничипоренко поскорѣ схватилъ съ себя синіе консервы, которые надѣлъ въ дорогу для приданія бѣльшей серьезности своему лицу, и едва онъ снялъ очки, какъ его простымъ, не заслоненнымъ стеклами, глазамъ представился небольшой чистенькій домикъ, съ дверями, украшенными изображеніемъ чайника, графина, рюмокъ и чайныхъ чашекъ. Вверху надъ карнизомъ домика была вывѣска: «*Бѣлая харчевня*».

Въ эту же минуту Ничипоренко почувствовалъ, что Бенни вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и остановился.

— Чего вы?—спросилъ его Ничипоренко.

Бенни ничего не отвѣчалъ, но зорко, не сводя глазъ, смотрѣлъ на обогнавшихъ ихъ трехъ купцовъ, которые шли, жарко между собою разговаривая и перекидывая другъ другу съ рукъ на руки какой-то образчикъ.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, кричавшій громко: «некогда! некогда!» былъ тотъ самый сибирскій революціонеръ, который сманилъ Бенни изъ Лондона и сказалъ ему въ Берлинѣ: «ступай, нѣмчикъ, назадъ». Вся эта исторія теперь проснулася въ памяти Бенни, и ему стало и еще тяжелѣе, и еще досаднѣе.

— И ему теперь некогда! думалъ я съ завистью,—разсказывалъ Бенни.—Онъ, сыгравшій со мною такую комедію, такъ счастливъ, что ему некогда, что его день, часъ, минута всѣ разобраны, а я все слоняюсь безъ дѣла, безъ толка, безъ знанія — чтѣ дѣлать, за чтѣ приняться? Онъ проходитъ теперь мимо меня, вовсе меня и не замѣчая... Не замѣтилъ онъ меня, или онъ меня побоялся?

Но прежде, чѣмъ Бенни успѣлъ рѣшить себѣ этотъ вопросъ, купецъ, поворачивая въ слѣдующій переулочекъ, вдругъ быстро оборотился назадъ, погрозилъ Бенни въ воздухѣ кулакомъ и скрылся.

Въ раскрытыя окна «*Бѣлой харчевни*» неслись стукъ ножей, звонъ чашекъ, рюмокъ и тарелокъ, говоръ, шумъ и крикъ большой толпы и нескладные звуки русской пьяной, омерзительной пѣсни.

Бенни опомнился и, указывая на харчевню, съ гадливостью спросил:—«что это?»

Ничипоренко захохоталъ.

— Чего вы!—заговорилъ онъ. — Испугался!.. Печось по вѣсть что подумалъ, а это просто *народъ*.

— Но тутъ драка, что ли?

— Какая драка,—просто русскій *народъ*! Пойдемте.

Они вошли въ харчевню.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Оба агитатора были одѣты довольно оригинально: па Ничипоренкѣ былъ длинный коричневый пальмерстонъ и островерхая гарибальдѣйская шляпа, въ которой длинный и нескладный Ничипоренко съ его плачевною физиономіею былъ похожъ на факельщика, но такими шляпами тогда щеголяли въ Петербургѣ,—а на Бенни былъ гуттаперчевый макинтошъ и форменная англійская фуражка съ краснымъ околышемъ, на которомъ посерединѣ, надъ козырькомъ, красовался довольно большой, шитый золотомъ, вензель королевы Викторіи «R. V.» (Regina Victoria). Въ рукѣ Бенни держалъ дорогой шелковый зонтикъ, который привезъ съ собою изъ Англїи и съ которымъ никогда не разставался. Въ этомъ стройномъ уборѣ они и предъявились впервые народу.

Взойдя въ харчевню и отыскавъ свободное мѣсто, Ничипоренко спросилъ себѣ у полового чаю и газету.

Половой подалъ имъ чай и «*Ярмарочныя Извѣстія*». Газета эта ни Бенни, ни Ничипоренко не интересовала, а другихъ газетъ въ *Бѣлой харчевнѣ* не было.

За недостаткомъ въ литературѣ надо было прямо начинать «сходиться съ народомъ».

Ничипоренко все озирался и выбиралъ, съ кѣмъ бы ему какъ-нибудь заговорить? Но посѣтители харчевни — кто пилъ, кто ѣлъ, кто цѣлъ, кто попотомъ сговаривался и торговался, не обращая никакого вниманія на паннихъ предпринимателей.

Среди шума, гвалта и толкотни, въ толпѣ мелькала маленькая, сѣдая голова крохотнаго старичка, который плавалъ по залѣ, какъ легкій поплавокъ среди тяжелыхъ листовъ водяного папоротника. Онъ на секунду прїостанавливался у какой-нибудь кучки и опять плылъ далѣе и такъ обтекалъ залу.

— Видите, какая сила, — говорилъ Ничипоренко, кивая головою на народъ. — Какова громадица, и вѣдь безстыжая, — все подъ себя захватить, исковеркаетъ и перемелегъ, только сумѣйте заговорить съ нимъ ихъ языкомъ.

— «Сумеону Богопримцу и Аниѣ Пророчицѣ на возобновленіе храма Божія будьте укладчики!» — тихо и молитвенно проиѣлъ надъ нимъ въ эту минуту подильвишій къ нимъ сѣдой старичокъ въ сѣренькомъ шерстяномъ холодаѣицкѣ, съ книжечкою въ чехлѣ, съ позументнымъ крестомъ.

Ничипоренко взглянулъ на старичка и сказалъ: «Прходи, дѣдь, проходи: у насъ деньги трудовыя, мы на пустины ихъ не жертвуемъ».

Старичокъ поклонился, проиѣлъ: «Дай вамъ Богъ доброе здоровье, родителямъ царство небесное», и поплылъ далѣе.

— Когда, какъ церковь-то сгорѣла? — слышалъ Бенни, какъ началъ разспрашивать одинъ изъ сосѣдей подошедшаго къ нему сборщика.

— На семикъ, на самый семикъ, молоньей сожгло.

Старичокъ еще поклонился и добавилъ: «Жертвуй Сумеону и Аниѣ за свое спасеніе».

Мѣщанинъ вынулъ пятакъ, положилъ его на книжку и перекрестился.

Старикъ отвѣтилъ ему такъ же, какъ отвѣчалъ Ничипоренкѣ, — ни болѣе, ни менѣе, какъ то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Старичокъ уже стоялъ передъ третьимъ столикомъ, за которымъ веселая компанія тянула пиво и орава пѣсни.

— Что? — крикнулъ пьяный парень, обводи старика по-соловѣвшими глазами. — А! собираешь на церковное постройеніе, на кабанное разореніе, — это праведно! Жертвуй, ребята, живѣе! — продолжалъ парень и самъ досталъ изъ лежавшаго передъ нимъ картуза бумажный платокъ, зацѣпилъ изъ него нѣсколько мѣдныхъ копеекъ, бросилъ ихъ старику на книжку и произнесъ: «Будь она проклята эта питра, — унеси ихъ скорѣе, Божій старичокъ».

Бенни всталъ, догналъ старичка и положилъ ему на книжку рублевый билетъ.

Старикъ-сборщикъ, не выходя ни на секунду изъ своего спокойнаго состоянія, отдалъ Бенни свой поклонъ и протянулъ ему то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Но пьяный паренъ не былъ такъ равнодушенъ къ по-
жертвованію Бенни: онъ тотчасъ же привскочилъ со стула
и воскликнулъ:

— Вотъ графчикъ—молодецъ!

Паренъ быстро тронулся съ мѣста, шатаясь на ногахъ,
подошелъ къ Бенни и сказалъ:

— Поцѣлуемъ!

Бенни, вообще не переносившій безъ неудовольствія пья-
ныхъ людей, сдѣлалъ надъ собою усиліе и облобызался съ
пьянымъ парнемъ во имя сближенія съ народомъ.

— Вотъ мы... какъ...—запелъ пьяный паренъ, обни-
мая Бенни и направляясь къ столику, за которымъ тотъ
помѣщался съ Ничипоренкою. — Душа! ване сіятельство...
поставь пару пива!

— Зачѣмъ вамъ пить?—отвѣчалъ ему Бенни.

— Зачѣмъ пить? А зачѣмъ, что загулялъ... Дать зарокъ
по пить... оиать бросилъ... Да загулялъ,—вотъ зачѣмъ пью...
съ досады!

Мѣщанинъ сѣлъ къ ихъ столу, облокотился и завелъ глаза.

Ничипоренко шепнулъ Бенни, что этому перечесть нельзя,
что нашему народу питье не вредитъ и что этого парня
непремѣнно надо понотчивать.

— Вотъ вы тогда въ немъ его духъ-то народный и уви-
дите,—рѣшилъ Ничипоренко и, постучавъ о чайникъ крыш-
кою, потребовалъ пару пива.

Паренъ былъ уже очень тяжелъ и безпрестанно забы-
вался; но стаканъ холоднаго пива его освѣжилъ на минуту:
онъ крикнулъ, ударилъ дномъ стакана объ столъ и заго-
ворить:

— Благодаримъ, двореншій, на угощеніи... Пей же самъ!

Ничипоренко выпилъ.

— Давай съ тобой, графчикъ, пѣши пѣть!—отнесся па-
ренъ къ Бенни.

— Я не умѣю пѣть,—отвѣчалъ юноша.

— Чего не умѣешь?

— Пѣть не умѣю.

— Отчего жь такъ не умѣешь?

— Не учился,—отвѣчалъ, улыбувшись, Бенни.

— Ахъ, ты, чортъ! Да пѣшито пѣть учатся? Заводи!

— Я не умѣю,—снова отвѣчалъ Бенни, вовсе лишенный
того, что называютъ музыкальнымъ слухомъ.

— А еще графъ называешься!— презрительно отмахнувшись отъ него рукою, отозвался парень и, обратившись затѣмъ непосредственно къ Ничипоренкѣ, сказалъ: «ну, давай, дворецкій, съ тобой!»

Ничипоренко согласился; но онъ тоже, какъ и Бени, и не умѣлъ пѣть, и не зналъ ни одной пѣсни, кромѣ «*Долго насъ помѣщики душили*», пѣсни, сочиненіе которой приписываютъ покойному Аполлону Григорьеву и которая одно время была застольною пѣснью извѣстной партіи петербургской молодежи. По этой пѣсни Ничипоренко здѣсь не рѣшался сгѣть.

А парень все приставалъ:

— Шу, поій, дворецкій, поій!

Ничипоренко помирилъ дѣло на томъ, чтобы парень самъ завелъ пѣсню, какая ему была по обычаю, а онъ-де ему тогда станетъ подтигивать.

Парень согласился,—онъ закинулся на стулъ назадъ, выставилъ впередъ руки и самую высокою пьяною фистулою заиѣлъ:

«Царь нашъ бѣлый, православный,
Витязь сердцемъ и душой!»

Пѣсня эта имѣла на Ничипоренко такое же вліяніе, какое производилъ на Мефистофеля видъ освященныхъ мѣсть: онъ быстро всталъ и положилъ на столъ серебряную монету за пиво; но тутъ произошла маленькая неожиданность: парень быстрымъ движеніемъ руки покрылъ монету своею ладонью и спросилъ:—«орель или рѣшетка?»

Ничипоренко смутился и сказалъ сурово парню, чтобъ тотъ не баловался и отдалъ деньги.

— Орель или рѣшетка?—съ азартомъ повторялъ, не поднимая руки, парень.

Ничипоренко досталъ изъ кармана другую монету, расчелся и ушелъ. Съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Бени, получившій отъ мѣщанина на дорогу еще нѣсколько влажныхъ пьяныхъ поцѣлуевъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

«Предприниматели» шли молча по утихавшимъ стогнамъ деревяннаго ярмарочнаго города.

При послѣднихъ тренетаціяхъ закатныхъ лучей солнца, они перешли плашкоутный мостъ, соединяющій ярмароч-

ный городъ съ настоящимъ городомъ, и въ быстро густѣющей тѣни сумерекъ стали подниматься въ гору по пустынному нижегородскому взвозу. Здѣсь, на этомъ взвозѣ, въ ярмарочную, да и не въ ярмарочную пору, какъ говорили, бывало *нечисто*: тутъ въ ночной тѣмѣ бродили уличные грабители и воринки, и тутъ же, подъ сѣнью обваловъ, ютился гнилой развратъ, не имѣющій пріюта даже за рогожами кабачныхъ выставокъ.

Бенни и Ничипоренко шли по этому мѣсту, вовсе не зная его репутаціи, и ни въ одномъ изъ нихъ не было столько опытности, чтобы, по характеру мѣстности, сдѣлать приблизительно вѣрное заключеніе о характерѣ лицъ и сценъ, которыя всего легче можно здѣсь встрѣтить. Они шли теперь посреди сгущающейся вокругъ ихъ тьмы, разговаривая о народѣ, о которомъ Ничипоренко «зналъ все» и говорилъ о немъ съ большою самоувѣренностію тогдашнихъ народовѣдцевъ.

Бенни съ чисто дѣтскою пытливостію хотѣлъ объясненій, отчего всѣ эти люди давали на церковь, когда онъ былъ слышанъ, что церковь въ Россіи никто не любитъ, и что народъ прилежитъ къ расколу, ибо расколомъ замаскирована революція? Ничипоренко объяснялъ ему, что «это ничего не значить».

— Да какъ же ничего не значить?—пытало бѣдное дитя, еще не привыкшее нахально игнорировать возникающіе вопросы святого сомнѣнія.

— Да такъ, ничего не значить. Народъ знаетъ, что это, можетъ-быть, шпіонъ.

— Кто же шпіонъ?

— А вотъ этотъ старикъ, что на церковь просилъ.

— Въ такомъ случаѣ, *зачѣмъ же вы ему не дали?* Вѣдь это могло обратить на васъ его вниманіе.

— Ну, такъ,—очень нужно деньги тратить!

Бенни посмотрѣлъ въ глаза своему ментору, сколько могъ пристальнѣе, сквозь сумеречный мракъ и сказалъ:—«да какъ же не нужно?»

— А разумѣется, не нужно..

— Да вѣдь мы же должны дорожить, чтобы на насъ тѣли подозрѣнія не падало!

— Да оно и не падало бы, если бы вы не сузились съ

своимъ рублемъ,—отвѣчалъ Ничипоренко, внезапно почувствовавшій за собою силу положенія.

— Это вы все испортили, — продолжалъ онъ, развивая свою мысль:— васъ и назвали сейчасъ же отъ этого графомъ. Графъ! Bon soir, ваше сѣтельство!

Ничипоренко снялъ шляпу и захохоталъ.

— Да; но и васъ, однако, тоже назвали дворецкимъ, — коротко отвѣчалъ Бенни.

— Дворецкимъ? — да дворецкимъ-то ничего, но не аристократомъ, не графомъ.

Бенни чувствовалъ, что Ничипоренко какъ будто вретъ что-то безъ толку, но, припоминая, что ему было наговорено о народѣ, невольно допускалъ, что, можетъ-быть, и вправду онъ всему виноватъ, что онъ нагнулилъ своимъ рублемъ и выдалъ себя этимъ поступкомъ за такого человѣка, видя котораго, народъ перестаетъ быть искреннимъ и начинаетъ хитрить.

— Согласны вы со мною?—допрашивалъ его Ничипоренко.

— Да; можетъ-быть вы и правы, — отвѣчалъ введенный въ сомнѣнiе Бенни.

— Не можетъ быть, а это такъ есть,—отозвался, возвышая голосъ, Ничипоренко. — Да, это именно такъ есть; а зачѣмъ онъ, по-вашему, заплѣлъ эту шѣсню?

— Какую?

— Да вотъ эту: «бѣлый-то и православный?»

Бенни полагалъ, что это изъ оперы «Жизнь за Царя», но Ничипоренко это осмѣялъ и разъяснилъ дѣло иначе.

— Онъ охметѣлъ и плѣлъ самъ не зная что,—отвѣчалъ Бенни.

Ничипоренко расхохотался.

— Не зная что! — повторилъ онъ и опять расхохотался. — Да, много вы, должно-быть, надѣлаете, если такъ будете понимать. Эхъ, вы, Англія, Англія, мореплаватели! А знаете ли вы, что народъ-то похитрѣ насъ съ вами? Народъ при «графчикахъ» никогда не заговорить о томъ, о чемъ онъ самъ съ собою говоритъ, — да-съ! Чтобы его знать, надо его слушать, когда онъ васъ не видитъ, когда онъ васъ не считаетъ ни графчикомъ, ни бариномъ, тогда его изучать надо, а не тогда, когда вы сами себя выдали и вашимъ шелковымъ зонтикомъ, и вашей «Решкою Викторією», и вашимъ рублемъ.

— Но какъ же его слушать и видѣть такъ, чтобы *онъ* насъ не видѣлъ? — спросила Англія, находя, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый, даже весьма немалый, смыслъ въ этомъ замѣчаніи.

— А это надо искать, надо ждать для этого случая... Ихъ, такихъ случаевъ, очень много, и надо только не упустить ихъ.

— Анаома! шейгиць... только обдирать народъ знаютъ! — послышалось вдругъ въ это время недалеко отъ ихъ, въ сторонѣ.

«Предприиматели» вздрогнули и остановились. Кругомъ ихъ уже была темная ночь: вдали то затихалъ, то снова раскатывался грохотъ развѣзжавнагося по домамъ города; на небѣ изрѣдка проскакивали чуть замѣтными звѣзды; на длинномъ, пустомъ, невидимому, взвозѣ не было замѣтно ни души живой.

По вотъ опять изъ темноты раздается:

— А рупь-то серебромъ узялъ. Зачѣмъ же ты рупь серебромъ узялъ? Узялъ да и по шеѣ — а? Есть развѣ теперь тебѣ такая правила, чтобы за свои деньги хрестьянгъ бить по шеѣ — а? Ты думаешь, что хрестьяне ничего. Ты куру съ масломъ ѣшь, а хрестьянину не надо ничего?..

Ничипоренко дернулъ Бенни за руку и прошепталъ: «*тессъ!*»

— А если хрестьянинъ за это тебѣ, собакѣ, голову долой — а? Сбьемъ банка долой — а? — произнесъ азартно, возвышаясь въ это время, очевидно, пьяный голосъ. — Ты думаешь, что тебѣ вѣкъ куру съ масломъ ѣсть!.. А я теперь, можетъ, и самъ хочу куру съ масломъ ѣсть!

— Идемъ! — воскликнулъ Ничипоренко, норовя Бенни по тому направленію, откуда слышался голосъ.

— Вы слышите: онъ, должно-быть, хмелепъ, и вотъ увидите, этотъ ничего не скроетъ, — онъ чортъ знаетъ какъ проврется, а мы такого человѣка должны сберець.

Бенни съ этимъ согласился.

Они шли почти оцупью, потому что подъ прямымъ откосомъ прорѣзаннаго въ горѣ взвоза было еще темнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а дорогого человѣка, который могъ провраться и котораго надо было снасти, не находили.

Но дорогой человѣкъ имъ самъ объявился.

— Что? — заговорилъ онъ снова въ пяти шагахъ отъ

нихъ. — Что тебѣ медаль на грудь нацѣпили, такъ ты и грабить можешь... — а? Да я самъ бляху-то куда хочешь себѣ подцѣпию!

Ничипоренко и Бенни бросились на этотъ голосъ, какъ перепела на вабило.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подоспѣвъ на голосъ ронтавшаго впотьмахъ незнакомца, Бенни и Ничипоренко разглядѣли мужика, который стоялъ, упершись обѣими ладонями въ сръзанную стѣну довольно высокаго земляного откоса и, изогнувъ на бокъ голову, косился на что-то черезъ правое плечо. Онъ былъ пьянъ до такой степени, что едва стоялъ на ногахъ и, вѣроятно, ничего не видѣлъ.

— Кто тебя ограбилъ?—спросилъ его Ничипоренко.

Мужикъ, наталясь на подгибающихся колѣняхъ, продолжалъ сопѣть и ругаться. Онъ, очевидно, не видалъ подошедшихъ къ нему предприинимателей и не слышалъ Ничипоренковского вопроса.

Ничипоренко взялъ его за плечи, встряхнулъ и опять спросилъ, кто его обидѣлъ?

— А?—отозвался мужикъ.

— Кто тебя обидѣлъ, я говорю?

Мужикъ подумалъ съ минуту, посопѣлъ и, опять заворачиваясь вправо черезъ плечо, заговорилъ:

— Мош-ш-неи-н-никъ, анаѰема... шейгиць!..

— Кого ты ругаешь?—спросилъ Ничипоренко.—За что?

— А зачѣмъ онъ рушь серебромъ узялъ!—отвѣчалъ мужикъ и снова закричалъ вправо:—«шейгиць! анаѰема... мошениккъ!»

— Откуда онъ у *саеъ* взять ихъ?—спросилъ Бенни, думая такимъ вопросомъ навести мысли пьянаго человѣка на ближайшій его соображеній.

Онъ не ошибся. Мужикъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и съ довѣрчивостію заговорилъ:

— Да какъ же, скажи: зачѣмъ онъ у меня съ чертогопа послѣдній рушь серебра сдернулъ... а? Нѣшь ты зачѣмъ здѣсь поставленъ... а? Нѣшь ты за то будущникъ названъ... а? Шейгиць ты, мошениккъ! — заговорилъ снова, валясь вправо головою, мужикъ.

— Что такое «*чертогонъ*»?—спросилъ у своего спутника шопотомъ Бенни.

Ничипоренко пожалъ плечами и отвѣчалъ: — «Чортъ его знаетъ, что онъ мелеетъ!»

— Этого нельзя, — говорилъ мужикъ. — Ты въ будку для проснанья меня вель и рупь серебра смоталь... Шьшь на это тебѣ законъ есть... а?

— Его просто цужно отиравить домой, — проговорилъ Бенни, и затѣмъ, снова обратясь къ мужику, спросилъ: «гдѣ вы живете?»

— Что?

Бенни повторишь свой вопросъ.

Мужикъ подумаль и отвѣчалъ:

— Пошель прочь!

— Я хочу васъ домой довести.

— Пошель прочь, — оиать такъ же незлобиво отвѣчалъ мужикъ.

— Бросьте его, — сказала Ничипоренко.

Бенни этого не послушался.

— Я вамъ дамъ рубль серебромъ, и вы идите домой, — сказалъ онъ тихо, оттягивая мужика отъ глинистаго обрѣза, въ который тотъ уириался.

— Рупь серебромъ...

Мужикъ подставилъ пригоршни, сжимая ихъ такъ сильно, какъ будто ему хотѣли насыпать ихъ магомъ.

Бенни одною рукою поддерживалъ пьянаго, другою досталь изъ своего кармана рублевый билетъ и подаль его мужику.

Тотъ взялъ и пачалъ совать его въ штаны; но пьянал рука ему не повиновалась, и каждый разъ, какъ онъ посылалъ ее въ карманъ, она прямо проскальзывала мимо кармана.

— Я положу вамъ въ карманъ, — сказала Бенни, протягивая руку къ билету, но тотъ вдругъ неожиданно вскрикнулъ: «Пошель прочь!» быстро отдернулъ у Бенни свою руку и, не удержавшись на ногахъ, тяжело шлепнулся во весь ростъ о землю и лежалъ, какъ сырой конопляный спонъ.

Бенни рѣшительно не зналъ, что ему предпринять съ этимъ дорогимъ человекомъ: оставить его здѣсь, гдѣ онъ лежитъ, — его могутъ раздавить; оттащить его назадъ и

снова приставить къ стѣнѣ, — съ него снимуть ночью и сапоги, и послѣднюю одежду. Къ тому же, мужикъ теперь охаль и жалостно стоналъ.

Бенни нагнулся къ его лицу и сквозь сумракъ ночи, къ которому въ это время уже достаточно приглядѣлись его глаза, увидѣлъ на лицѣ мужика печать серьезности, которою выражается только-что ощущенное страданіе.

— *Вы расшиблись?*—спросилъ Бенни.

— Въ печеняхъ..—отвѣчалъ мужикъ.

— Больно?

— Больно,—отойди, больно.

— Ты расшибся?—спросилъ Ничипоренко.

— Поди прочь,—расшибся.

Ничипоренко объявилъ, что теперь нечего размышлять: что больше здѣсь стоять невозможно; что, чортъ его знаетъ, ояъ, этотъ мужикъ, можетъ издохнуть, а не издохнетъ, такъ кто-нибудь какъ на грѣхъ подойдетъ и скажетъ, что они его убили и ограбили.

Бенни былъ другого мнѣнія; онъ находилъ, что это и прекрасно, если ихъ возьмутъ въ полицію, потому что имъ, при правотѣ ихъ, не трудно будетъ оправдаться; но зато тамъ и этотъ мужикъ тоже найдетъ себѣ защиту.

— Ну, да, защиту! Какъ же, вѣдь это, небось, вамъ Англія здѣсь, чтобы находить въ полиціи защиту!—заговорилъ, вслыхнувъ и суетясь, Ничипоренко.—Такъ вотъ сейчасъ палочку изъ-подъ сюртука вынуть — фитъ — и оправдалъ... Вы это забудьте про вашу палочку, она въ Лондонѣ осталась, а вы тутъ въ Россіи. У насъ съ полиціею не судятся; а полу отъ кафтана рѣжутъ, если она схватитъ, да уходятъ.

— Я ни отъ какой полиціи не побѣгу. У меня краденыхъ вещей нѣтъ.

— Зато у насъ съ вами полтора пуда «Колокола» въ номерѣ заперто.

— Полтора фунта развѣ,—замѣтилъ Бенни.

— Довольно полтора золотника, чтобы отсюда прямо да въ крѣпость.

Младшій же братъ, надъ разбитыми печенями котораго происходилъ теперь споръ, въ это время, отложивъ всякое житейское попеченіе, захрапѣлъ.

Положеніе предпринимателей становилось все труднѣе.

и труднѣе, каждый изъ нихъ горючился и, возражая другъ другу, они дошли до того, что Ничипоренко сказалъ Бенни, что онъ разсуждаетъ «какъ либераль, филантропъ и трусъ», а Бенни отвѣчалъ Ничипоренкѣ, что онъ не хочетъ ставить его сужденій выше болтовни революціонныхъ шарлатановъ и дураковъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оставалось очень немного до того, чтобы имъ совсѣмъ переплнуться черезъ спящаго младшаго брата, какъ счастливый случай вступился за предпринимателей. Сверху спуска слегка застучало, — громче, громче и, наконецъ, совсѣмъ стало слышно, что это ѣдетъ экипажъ не массивный, не вѣскій, не карета и не коляска, а легкій извозчикій экипажецъ.

— Вотъ если это пустой экипажъ, и споръ весь конченъ, — сказалъ Бенни: — я найму кучера отвезть этого человѣка и пойдете домой.

Ничипоренко не возражалъ и былъ очень доволенъ, лишь бы уйти.

Онъ даже вызвался самъ остановить извозчика и вынестъ для этого на середину дороги.

Спускавшійся экипажъ, дѣйствительно, принадлежалъ городскому извозчику, возвращавшемуся порожиномъ домой.

Ничипоренко далъ извозчику поровниться съ собою и выступилъ къ нему въ своемъ длинномъ пальмерстонѣ и островерхой гарибальдѣйской шляпѣ.

— Можешь ли ты свезть пьянаго человѣка? — спросилъ онъ возницу.

Извозчикъ, перехвативъ вожжи въ лѣвую руку, правою оперся о крыло дрожекъ и, склонясь къ Ничипоренкѣ, сказалъ полушопотомъ: «а онъ еще теплый?»

— Какъ теплый?

— Живой?

— Да, конечно, живой, — отвѣчалъ Ничипоренко.

— Пять цѣлковыхъ.

— Подлецъ! Ахъ, ты, подлецъ; ахъ, ты, рожа всероссійская!

— Чего же ругаться-то! — возразилъ извозчикъ.

— Какъ же не ругаться? пять рублей просишь человѣка въ городъ отвезть!

— Человѣка отвезть! Да вы его теперь какого сдѣлали, а онъ если за пять цѣлковыхъ у меня въ пролеткахъ очерствѣетъ, да я и отвѣчай! Да я — чортъ съ вами и совѣмъ... Но!.. — и извозчикъ покатилъ.

Бенни, слышавшій весь этотъ разговоръ, испугался, что извозчикъ уѣдетъ, и въ отчаяніи закричалъ ему, чтобы онъ остановился и взялъ человѣка, а что пять рублей ему будетъ заплачено.

Извозчикъ остановился, но потребовалъ, чтобы ему деньги были заплачены прежде, чѣмъ посадить его.

Бенни отдалъ ему деньги, которыя извозчикъ пощупалъ, повертѣлъ и, наконецъ, съ нѣкоторою отчаянностію сунулъ... «Э, молъ, была не была: настоящая, такъ настоящая, а красная такъ красная!» *).

Теперь оставалось только поднять его и посадить на дрожки.

Предириниматели взялись за меньшого брата, подняли его и потащили; но меньшій братъ, на ихъ горе, неожиданно проснулся и спросонья во все мужичье горло заоралъ: «каррауль!»

Чѣмъ энергичнѣе дергали его Ничипоренко за ухо и чѣмъ деликатнѣе и нѣжнѣе убѣждалъ его Бенни, говоря: «Вы нездоровы, вы поѣжайте домой», тѣмъ младшій братъ оралъ ожесточеннѣе, доходя до визговъ, воплей и рева. Ничипоренко зажалъ ему рукою ротъ, тотъ укусылъ его за руку. Подъ вліяніемъ боли и досады, вообще скорый на руку Ничипоренко ударилъ младшаго брата укушенной имъ рукою по губамъ. Младшій братъ взревѣлъ, какъ будто его перерѣзали.

При этомъ неистовомъ воплѣ въ одномъ изъ откосовъ горы словно раздалась щель, въ которой на мгновеніе блеснулъ свѣтъ, и изъ этого свѣта выскочили двѣ человѣческія фигуры. Извозчикъ хлопнулъ по лошадямъ и унесся, — исчезъ во тьмѣ и Ничипоренко, крикнувъ Бенни: «спасайтесь!» Бенни оставался одинъ и слышать, какъ все сближалось шаги бѣгущихъ къ нему людей. Еще ни одного изъ нихъ онъ не успѣлъ разсмотрѣть, какъ на грудь ему упалъ конецъ издали брошенной въ него веревки. Онъ

*) Тогда на нижегородской ярмаркѣ не мало обращалось фальшивыхъ бумажекъ, фабрикованныхъ будто бы гдѣ-то въблизи Красноярска и потому называвшихся въ народѣ «красноярками».

откинулъ отъ себя эту веревку, но въ эту же минуту почувствовалъ, что чрезъ плечо ему шлепнулась на спину другая. Отбрасывая поспѣшно эту вгору, онъ нащупалъ узелъ петли, быстро сдвигавшейся около кисти его руки. Онъ вырвалъ руку изъ аркана и бросился бѣжать куда глядѣли глаза.

За нимъ раздавалось: «Держи! держи! жуликъ ушелъ! держи!»

Казакъ или кто другой гнался за нимъ по пятамъ, но онъ не даромъ учился гимнастикѣ и бѣгалъ на геркулесовыхъ шагахъ: темнота и быстрыя ноги помогли ему скрыться и достигъ благополучно своей гостиницы, съ номеромъ, гдѣ хранилась кина герценовскаго «Колокола».

О судьбѣ оставшагося на спускѣ младшаго брата и Ничипоренки было ничего неизвѣстно, и Бенинъ былъ страшно встревоженъ, что стасюсъ съ послѣднимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Озабоченный тѣмъ, что постигло Ничипоренко, Бенинъ не могъ оставаться дома въ покоѣ ни на одну минуту. Онъ спряталъ въ пенку книгу «Колокола» и собрался ѣхать къ полицеймейстеру. Но только-что онъ вышелъ въ коридоръ, какъ Ничипоренко предсталъ ему въ полномъ нарядѣ и въ добромъ здоровьѣ и, вдобавокъ, съ сияющимъ лицомъ. Онъ разказалъ Бенину, что при первой же суматохѣ онъ бросился къ откосу, прилегъ за канавку и пролежалъ, пока казаки побѣжали мимо его за Бенина, а послѣ всталъ, и вотъ благополучно пришелъ домой.

Ничипоренко разъяснилъ все случившееся съ ними такъ, что младшій братъ тоже былъ мошенникъ, который только притворялся пьянымъ для того, чтобы удобнѣе ихъ ограбить.

Бенинъ это казалось невѣроятнымъ, и онъ болѣе раздѣлялъ мнѣнiе стараго гостиничнаго слуги, который, выслушавъ разказъ взволнованныхъ господъ, выводилъ изъ ихъ словъ, что пьяный мужикъ былъ не что иное, какъ просто пьяный мужикъ, какихъ часто обираютъ на этомъ спускѣ, и что обобрали его, вѣроятно, сами сторожевые казаки, наполняющiе городъ во время ярмарки, или будочникъ; что извозчикъ принялъ Ничипоренко и Бенина за мошенниковъ, которые искали средствъ забросить куда-нибудь за городъ

побитаго, а можетъ-быть и совѣмъ убитаго ими чело-
вѣка; а что казаки, желавшіе заарганить Бени, обобрали
бы, вѣроятно, и его точно такъ же, какъ они обобрали
мужика.

День этотъ, завериенный такимъ образомъ, былъ для
предпринимателей днемъ такихъ тревогъ, что имъ не за-
хотѣлось болѣе ни слова сказать другъ другу: они легли
въ свои постели и уснули.

Песмотря на довольно разнообразныя чувства, которыя
могли волновать агитаторовъ, они спали какъ убитые; по
тѣмъ не менѣе въ третьемъ часу почи все-таки случилось
обстоятельство, которое ихъ разбудило.

Ничипоренкѣ приснился во снѣ казакъ, который началъ
на него метаться, лаять, кусать и, наконецъ, скинувшись
снимъ пуделемъ, вспрыгнулъ ему на голову и поѣхалъ.

Ничипоренко, перепугавшись этого синяго пуделя, сталь
отъ него отмахиваться во снѣ, завертѣлся, забрыкалъ на
диванѣ, на которомъ спалъ, зацѣпился за покрывавшую
столь скатерть и упалъ, стащивъ съ нею вслѣдъ за собою
на полъ графинъ съ водою, стаканъ, тарелку съ сахаромъ
и связку баранокъ.

Все это произвело такой шумъ, что Бени проснулся.

Ничипоренко началъ рассказывать Бени свое сповидѣ-
ніе; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить рассказъ, въ
двери ихъ номера со стороны коридора послышался тихій,
но настойчивый стукъ, и въ то же время въ нижнемъ пазу
блеснула яркая полоска свѣта.

— Господа, что у васъ такое? — окликнулъ ихъ кори-
дорный.

— Ничего, — дай, пожалуйста, огня, — отвѣчалъ, приподни-
мался съ пола и съ тѣмъ вмѣстѣ роня остальные вещи,
Ничипоренко.

Въ эту минуту спаружки вложенный ключъ легко и быстро
повернулся два раза въ замкѣ и дверь отперлась.

Бени и Ничипоренко рѣшительно этого не ожидали.

Но если они не ожидали, что дверь ихъ номера во вся-
кое время можно свободно отпереть съ другой стороны
стороннею рукою, то еще менѣе они ожидали увидѣть въ
распахнувшейся двери то, что представилось тамъ ихъ
изумленнымъ глазамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Чуть только распахнулись отпертыя лакеемъ двери и по комнатѣ перовно разлился дрожащій свѣтъ свѣчи, Ничипоренко, стоящій въ это время въ одномъ бѣльѣ среди комнаты, присѣлъ на колѣняхъ и, побѣлѣвъ какъ полотно, затрепеталъ.

Въ открытой двери стояли съ зажженными свѣчами не одинъ человекъ, а нѣсколько, и между ними, къ тому же, пахотился жандармъ.

«Вотъ тебѣ и пудель», подумалъ Ничипоренко, чувствуя, что его оставляютъ силы, и ища свади себя руками какой-нибудь опоры.

Въ самомъ дѣлѣ это не было сновидѣнiе, а здѣсь вмѣстѣ съ растерзаннымъ лакеемъ въ комнату, дѣйствительно, заглядывали жандармъ, квартальный и три головы въ скобку, за которыми еще видѣлись три или четыре головы, остриженные по-солдатски.

Лакей внесъ свѣчу, осмотрѣлся и еще разъ спросилъ, что тутъ такое случилось? Бенни, сохраняя все наружное спокойствiе, рассказалъ, что тутъ ничего особеннаго не было; что его товарищъ просто свалился сонный съ дивана, зацѣпилъ скатерть и поронилъ все, что было на столѣ.

Отвѣтъ этотъ показался всѣмъ совершенно удовлетворительнымъ.

Лакей началъ убирать валявшiяся на столѣ вещи; жандармъ, съ окружавшими его, посмотрѣлъ еще одну минуту въ комнату и отошелъ, сказавъ бывшимъ при немъ людямъ, что это не ихъ дѣло. Лакей, котораго Бенни спросилъ о причинѣ появленiя здѣсь жандарма и полицейскихъ, объявилъ, что это комиссiя, которая ищетъ какихъ-то двухъ прѣхавшихъ на ярмарку петербургскихъ мошенниковъ, — тѣмъ вся эта передрыга и окончилась, и Бенни съ Ничипоренкою остались спокойно досыпать свою ночь.

Но Ничипоренко вовсе уже не расположенъ былъ спать: напротивъ, сонъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ далекъ отъ его глазъ.

Чуть только лакей скрылся за дверь, Ничипоренко заперъ эти двери и, не вынимая ключа изъ замочной скважины, подпрыгнулъ къ Бенни.

— Намъ остается, можетъ-быть, всего двѣ минуты, пока

насъ узнаютъ, и эти двѣ минуты мы должны употребить на то, чтобы сжечь нашъ «Колоколь».

Съ этимъ Ничиноренко схватилъ спички и присѣлъ передъ печкою. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и рѣшительно не могъ слушать никакихъ убѣжденій Бенни, доказывавшаго ему, что появленіе комиссіи въ коридорѣ, по всемъ вѣроятіямъ, дѣйствительно должно быть не что иное, какъ случайность, и что «Колоколь» жечь не изъ-за чего, тѣмъ болѣе, что печная труба вверху можетъ быть закрыта, что печка станетъ дымить, взойдутъ люди, и тогда непременно родится подозрѣніе, что они жгли что-нибудь незаконное. Ничиноренко не послушался. Онъ только шепнулъ тихо на ухо Бенни: «Молчите! вы вѣдь ничего не знаете, а я сегодня оставилъ «Колоколь» подъ подушками дрожекъ у извозчиковъ и далъ десять нумеровъ одному полицейскому».

— Полицейскому!—воскликнулъ Бенни.

— Да, полицейскому; но это все пустяки, онъ хороший человекъ; я и въ Петербургѣ очень много полицейскимъ давалъ,—да еще какимъ!.. это ничего,—между ними тоже есть славные ребята,—и съ этимъ Ничиноренко опять кинулся къ печи и безжалостно зажегъ тѣ самые заграничные листы, которые съ такою тщательностію и серьёзностію транспортировалъ на себѣ изъ Англій въ Россію Бенни. Труба, однако, къ счастью предпринимателей, была открыта, и кипа «Колокола» сгорѣла благополучно.

Ничиноренко переминаятъ концомъ бенниевскаго дождевого зонтика пенель и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь просимъ покорно хотъ и комиссію.

Комиссіи къ нимъ, впрочемъ, не пришла, она поступила такъ гоголевскія крысы: «понюхала и пошла прочь», и Бенни съ Ничиноренкомъ провели остатокъ ночи благополучно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За утреннимъ чаемъ предприниматели были невеселы и неразговорчивы: они пили свой чай молча и не говорили другъ съ другомъ. Ничиноренко чувствовалъ, что Бенни не можетъ питать никакого уваженія ни къ его революціоннымъ убѣжденіямъ, ни къ его поведенію, и онъ въ этомъ не ошибался. Чтобы вывести Бенни на какой-нибудь разговоръ, онъ спросилъ его:

— А вы думаете, что это невозможно давать «Колоколь» полицейскимъ? Я знаю жандармовъ такихъ, которые Герцену матеріалы доставали.

Бенни, смотрѣвшій во все это время въ свою записную книжечку, вмѣсто того, чтобы отвѣчать Ничипоренкѣ, спросилъ его: помнить ли онъ ихъ маршрутъ? На маршрутѣ этомъ стояли Казань, Саратовъ, Царицынъ, Красный Яръ и Астрахань.

Ничипоренко маршрутъ помнилъ, но забылъ, что для совершенія этого путешествія нужны деньги; а предприниматели, повѣривъ свою казну, нашли, что она у обоихъ ихъ составляетъ уже всего около тридцати рублей, съ которыми спуститься до Каспія и снова всплыть до Тверцы было совсѣмъ невозможно. Положимъ, что, плывучи на пароходахъ въ третьемъ классѣ и питаясь булками да чаемъ, еще и можно было кое-какъ протащить и съ этими деньгами; но теперь у Бенни рождался вопросъ: чего же ради имъ плыть внизъ? чего подниматься вверхъ, когда вѣдь опять будетъ все то же самое: трактиръ, улица, извозчики, кабакъ, да сборъ на церковь? А какъ сходить съ пародомъ, — кто это знаетъ? И притомъ не мало смущало Бенни, какъ это все скоро съ ними кончается, — ужасно скоро!

Бенни сообщилъ свои опасенія Ничипоренкѣ, что вездѣ, должно-быть, будетъ только то самое, что они уже видѣли, и что врядъ ли стѣитъ для этого тащить далѣе? Ничипоренко, къ удивленію своего товарища, тотчасъ же согласился, что новаго и въ самомъ дѣлѣ ничего, пожалуй, не будетъ, и что тащить до Астрахани имъ, дѣйствительно, нечего. Онъ совѣтовалъ перемѣнить маршрутъ, а именно: ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Москву; повидаться съ «московскою бляхою партіею» и потомъ ѣхать въ Полтавскую губернію, гдѣ жили родные Ничипоренки и гдѣ онъ надѣялся устроиться на акцизной части. Ничипоренко увѣрялъ Бенни, что малороссійскій народъ больше развитъ, и что имъ гораздо лучше начинать съ Малороссіи, гдѣ сенаратисты примкнутъ къ нимъ и пойдутъ съ ними заодно.

Бенни уже ни на волосъ не вѣрилъ Ничипоренкѣ и слушала его только изъ вѣжливости; но ему хотѣлось видѣть и Москву, и Малороссію, и Ивана Сергѣевича Тургенева, котораго онъ зналъ за границу и который тогда жилъ въ

Орловской губернии въ своемъ мценскомъ имѣннн, какъ разъ на пути изъ Москвы въ Малороссію. А ко всему этому еще присоединилось то, что съ тридцатью рублями развѣзжать было довольно трудно; а въ Москвѣ Ничипоренко обѣщаль Бенни достать много, много денегъ.

— Я,—говорилъ онъ:—тамъ сейчасъ же присяду и напишу серьезную корреспонденцію въ «*Экономическій Указатель*» и смѣшную въ «*Искру*», и у насъ будутъ деньги, а вы пишите что-нибудь изъ англійской жизни,—я все пристрою.

Ничипоренко говорилъ все это съ такою самоувѣренностію, что всѣмъ младенчески увлекавшійся Бенни опять ему довѣрился. Онъ согласился и ѣхать въ Москву, и писать «что-нибудь изъ англійской жизни». Ничипоренко тотчасъ же пошелъ послать одному изъ своихъ знакомыхъ въ Москву депешу, чтобы его ждали вмѣстѣ съ нѣкоторымъ таинственнымъ гостемъ, а Бенни, спустивъ своего сопутника съ глазъ, почувствовалъ неотразимую потребность сходить въ тотъ домъ, гдѣ Ничипоренко вчера за обѣдомъ произвелъ вышеописанный скандалъ, и извиниться тамъ за него и за себя передъ хозяевами. На случай, если бы его не приняли, Бенни приготовилъ небольшое письмоцо, и пошелъ; но его приняли и даже приняли очень радушно.

Бенни всегда съ самымъ восторженнымъ чувствомъ вспоминалъ объ удивившей его русской мягкости, съ которою его встрѣтили хозяйнич и хозяйка этого дома, послѣ столь свѣжей и столь нелѣпой исторіи.

— Судя по нравамъ Англїи и даже Польши,—говорилъ Бенни:—я думаю, что меня или вовсе не захотятъ на порогъ пустить, или же примутъ такъ, чтобы я чувствовалъ, что сдѣлалъ мой товарищъ, и я готовъ былъ не обижаться, какъ бы жестоко меня ни приняли; но, къ удивленію моему, меня обласкали, и меня же самого просили забыть о случившейся вчера за столомъ исторіи. Они меня же сожалѣли, что я ѣду съ такимъ человѣкомъ, который такъ странно себя держитъ. Эта доброта поразила меня и растрогала до слезъ.

Предприиматели направлялись въ Москву.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Во всю дорогу отъ Нижняго до Москвы Бенни съ Ничипоренко не говорили другъ съ другомъ ни слова. Бенни, въ одно и то же время, занятъ былъ обдумываніемъ, что бы такое ему написать пригодное для печати изъ англійской жизни, и кипятился все болѣе и болѣе скрытымъ негодованіемъ на своего партнера. Ничипоренко былъ совершенно спокоенъ. По выѣздѣ изъ Нижняго, на лицѣ его опять засіяла значительная улыбка самомпящаго, по ли къ чему не способнаго петербургскаго дѣятеля тогдашнихъ дней. Ничипоренко знакомился въ своемъ третьеклассномъ вагонѣ направо и палѣво, «разрушалъ предрасудки», «обрывалъ сентиментальность», «проводилъ идею» и вообще былъ въ своей сферѣ и въ своемъ любимомъ духѣ.

Это самодовольство Ничипоренки, послѣ столькихъ доказательствъ его неспособности и неумѣнія ни за что взятыя, приводило Бенни въ отчаяніе. Отчаяніе это еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что этотъ Ничипоренко, по петерскимъ рекомендаціямъ, былъ звезда, жемчужина, Голиафъ, которымъ въ Петербургѣ любовались, на котораго надѣялись и у котораго зановѣдали Бенни учиться и брать съ него примѣръ, потому что онъ-де уже *все знаетъ* и научить, какъ и гдѣ себя держать, сообразно всякимъ обстоятельствамъ.

— Всю дорогу, глядя на Ничипоренку, — (говорилъ Бенни), — я спрашивалъ себя, что можетъ выйти изъ моей поѣздки съ этимъ человекомъ? Я все болѣе и болѣе убѣждался, что въ этой компаніи мнѣ не предстоитъ ничего, кромѣ какъ только безпрестанно компрометировать себя въ глазахъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ людей; но я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ его *дѣть* и гдѣ искать другихъ людей.

Предприниматели прибыли въ Москву вечеромъ, остановились на Тверской въ гостиницѣ Шевалдышева и тотчасъ же принялись литераторствовать. Бенни имѣлъ при себѣ англійскій журналъ, въ которомъ была довольно занимательная для тогдашняго времени статья о мормонахъ. Онъ сѣлъ переводить ее, а Ничипоренко взялся писать корреспонденцію *съ дороги*, но почувствовалъ позывъ ко сну и легъ въ постель. Переводъ Бенни былъ сдѣланъ

очень дурнымъ русскимъ языкомъ и въ этомъ видѣ никуда не годился; но Ничипоренко обѣщался ему все выправить и пристроить. Самъ Ничипоренко написалъ корреспонденцію и подалъ ее черезъ одного своего знакомаго въ «Русскую Рѣчь», чтобы здѣсь ее поскорѣе напечатали и выдали бы за нее деньги; но въ «Русской Рѣчи» корреспонденція эта не была принята, и Ничипоренко опять рѣшилъ послать ее въ «Искру» или въ «Экономическій Указатель». Сами же предприниматели оставались въ Москвѣ. Въ это время они попали здѣсь въ одинъ литературный домъ. Хозяйка этого дома, пожилая дама, отличалась благородствомъ своего личнаго характера и горячностію убѣждений, но страдала неукротимою невыдержанностію въ сносахъ, до которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ была страстная охотница. Теперь случай сводилъ эту даму съ Бени и Ничипоренко на новое несчастье сего послѣдняго. Здѣсь, можетъ-быть, еще разъ слѣдуетъ упомянуть, что покойный Ничипоренко былъ замѣчательно не хороиъ собою отъ природы и, кромѣ своей неблагообразности, онъ былъ страшно непріятель своимъ неряшливостемъ и имѣлъ очень дурныя манеры и двѣ отвратительнѣйшія привычки: дергать безпрестанно носомъ, а во время разговора выдавливать себѣ пальцемъ изъ орбиты лѣвый глазъ. Все это вмѣстѣ взятое на нервнаго человѣка, а въ особенности на нервныхъ женщинъ дѣйствовало ужасно невыгодно для Ничипоренко. Этимъ же безобразіемъ своей наружности, неряшливостію и отталкивающими манерами Ничипоренко съ перваго же своего визита произвелъ и на впечатлительную, нетерпѣливую и раздражительную хозяйку дома самое неблагопріятное для себя впечатлѣніе. Невыгодное впечатлѣніе это Ничипоренко еще болѣе усилилъ чисто маратовскою кровожадностію, которой онъ, вѣроятно, и не имѣлъ, но которую, по безтактности своей, считалъ долгомъ выказывать въ этомъ «благонадежномъ, но больномъ домѣ». Къ выраженію этой кровожадности его подзадоривало присутствіе посѣщавшаго этотъ домъ, на правахъ жениха, флигель-адъютанта, которому хозяйка, разумѣется, оказывала вниманіе какъ будущему своему зятю. Къ концу перваго вечера, проведеннаго Ничипоренкою въ этомъ домѣ, онъ устроился такъ, что хозяйка просто уже питала къ нему отвращеніе. Отвращеніе это въ ней скоро еще болѣе уве-

личилось и сдѣлалось для другихъ предметомъ любопытнѣйшихъ наблюдений.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ ряду московскихъ литераторовъ, среди которыхъ проводила свою жизнь эта «бѣлая дама», она не встрѣчала ничего подобнаго Ничипоренкѣ, ни по его великому певчеству, ни по большой его наглости, ни по безконечному его легкомыслию и нахальству.

Ничипоренко въ своей простотѣ ничего этого не замѣчалъ и, увлекаясь своею ролью *предпринимателя*, какъ на зло, ломаясь, кривляясь, говорилъ не иначе, какъ отъ лица какой-то партіи: «мы», «у насъ рѣшено», «наши люди готовы» и т. п. словами. Ничипоренко велъ себя такъ, какъ ведутъ себя предприниматели, описанные въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ повѣстяхъ и въ романахъ, но то, что люди въ повѣстяхъ и романахъ, по волѣ авторовъ, слушаютъ развѣся уши, за то въ дѣйствительной жизни, сплошь и рядомъ, называютъ человека дуракомъ и просятъ его выйти за двери. Это и случилось съ Ничипоренкою. Московская хозяйка Ничипоренки не выдержала его тона и сказала ему, не обинуясь, что она «не любитъ красныхъ и не открытъ имъ».

— А мы не любимъ *бѣлыхъ*,—смѣло отвѣчала Ничипоренко:—и имъ не вѣримъ.

— Да кто это—вы? кто это—вы?—вскричала, вспыхнувъ, хозяйка.

— Мы...

— Мы!—повторила съ презрительною гримасою хозяйка и тотчасъ, сдѣлавъ гримасу, передразнила: «Кто идетъ? — Мы.—Кто—вы?—Калмыкъ.—Сколько васъ? — Одна. Вотъ вамъ ване и «мы».

А что касается до тогдашнихъ петербургскихъ красныхъ... то мнѣнія хозяйки насчетъ этихъ людей были самыя дурныя, и, надо сказать правду, Ничипоренкѣ трудно было ей что-нибудь возражать, потому что она знала про петербургскихъ красныхъ ихъ настоящія дѣла, а не подозрѣнія и фразы. Когда при этой смѣтѣ было упомянуто про дѣло о денежныхъ недоразумѣніяхъ между Н. А. Некрасовымъ и покойною первою женою Николая Платоновича Огарева, Ничипоренко вступился—было за поэта

и хотѣлъ представить все дѣло объ этихъ денежныхъ недоразумѣніяхъ апокрифическимъ; но, во-первыхъ, оказалось, что хозяйка хорошо знала это дѣло, а, во-вторыхъ, зналъ хорошо эту исторію и Бенин, и зналъ объ ея отъ самихъ гг. Герцена и Огарева, при чемъ Бенин разсказалъ, какъ Некрасовъ, бывши за границею, пытался было повидаться съ Герценомъ и объясниться насчетъ этихъ недоразумѣній; но Герценъ, имѣя твердыя основанія считать всякія объясненія поэта излишними, отказался принять его.

— Вы это сами видѣли?

— Я присутствовалъ при этомъ.

Ничипоренко спасовалъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, пусть даже это будетъ и такъ, но это одна неаккуратность... Очень многіе хорошіе люди съ деньгами неаккуратны. Я говорю не объ общей, *не о мѣщанской* честности, а о *честности абсолютной* и, употребивши слово *мы*, говорю отъ лица *всѣхъ петербургскихъ литераторовъ*, со мною единомысленныхъ.

Услышавъ это, дама очень рѣзко отозвалась и о многихъ другихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ и, обинуясь, назвала людей этихъ кружковъ невѣждами. Ничипоренко совсѣмъ вскипѣлъ и вступился за репутацію литераторовъ Петербурга. Онъ рѣшился подшибить даму сразу и притомъ подшибить какъ можно больше и безпощаднѣе. Онъ зналъ по слухамъ, что хозяйка, съ которою онъ велъ эти дебаты, очень любила и уважала покойныхъ московскихъ профессоровъ Кудрявцева и Грановскаго, и даже была другомъ одного изъ нихъ. Поэтому, чтобы уязвить ее какъ можно болѣе, Ничипоренко покусился на память этихъ двухъ покойниковъ.

— Что же,—сказалъ онъ:—да чтѣ изъ того, что у насъ невѣжды? Во-первыхъ, это еще неизвѣстно, невѣжды ли они или не невѣжды, потому что въ томъ, что слѣдуетъ знать для народнаго счастья, наши знаютъ больше, чѣмъ ваши; а, во-вторыхъ, теперь вѣдь сентименталовъ, въ родѣ вашего Кудрявцева съ Грановскимъ, только презирать можно.

— Какъ вы смѣли это сказать! Какъ вы смѣли заикнуться объ этомъ въ моемъ присутствіи, что этихъ людей можно презирать!—вскипѣла за своихъ друзей хозяйка.

— А отчего же бы и не сказать? что же такого сдѣ-

дали эти ваши трутны? Они конституции, может-быть, какой-то добивались? да намъ чортъ ли въ ней, въ этой ихней конституции? Намъ нуженъ народъ, а они ничего не сдѣлали для народнаго дѣла.

— Они воспитали цѣлыя тысячи людей, изъ которыхъ ни одинъ не скажетъ такой глупости, какую я сейчасъ слышала.

Ничипоренко звонко захихикалъ.

— И все-таки — что же они сдѣлали, эти люди? Говорить научили? да? — запыталъ онъ.

— Они научили людей быть честными людьми.

— Честными!

Ничипоренко опять захихикалъ и началъ, нимаю по смущаясь, развивать ту мысль, что такого рода честность, какую могъ внушить Кудрявцевъ, восторгавшійся цѣломудренными римскими матронами, или Грановскій, вѣро-равнѣе даже въ жизнь за гробомъ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна.

— Вы въ Москвѣ о нихъ жалѣете, а мы въ Петербургѣ даже радуемся, что эти господа Грановскіе къ нашему времени убралась и поочистили мѣсто другимъ. Пусть ихъ также бесѣдуютъ теперь на томъ свѣтѣ съ Пупкинымъ и цѣлуютъ его ручку за Таню, которая разъ «другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна».

Читая этотъ монологъ, Ничипоренко не замѣчалъ, или не замѣчалъ, но не придавалъ тому значенія, что хозяйка, передъ которою говорилъ онъ, мѣнялась въ лицѣ и, наконецъ, въ неукротимомъ негодованіи встала, à la Ristori, протянула руку и молча указала ея на двери.

Видя, что онъ не трогается съ мѣста, она упавшимъ голосомъ проговорила: «Вонъ! вонъ! сію минуту вонъ!» и съ тѣмъ вмѣстѣ сама, съ нервными слезами на глазахъ, выбѣжала, шатаясь, изъ своего кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ничипоренкѣ положительно не везло за Петербургомъ; не везло, съ нимъ и изъ-за него, и Артуру Бенини. Предприниматели были всего вторую недѣлю въ дорогѣ и попали всего только во второй русскій домъ, а уже имъ во второй разъ указывали на двери. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ предпринимателя было надъ чѣмъ призна-

думаться! Артуръ Бенни былъ странно жалокъ въ томъ печально-смѣшномъ положеніи, въ которое его поставили его петербургскіе знакомые, отправивъ для изученія Россіи съ такимъ руководителемъ, какъ Ничипоренко. Бенни еще въ Петербургѣ изумляла крайняя невоспитанность Ничипоренки, но тамъ она еще приходилась какъ-то къ масти того кружка, въ которомъ онъ зазналъ этого предпринимателя, и не била въ глаза. По незнанію Россіи и по своему чистому младенческому легковѣрію, Бенни думалъ, что, стало-быть, таковы повсюду нравы въ Россіи и что несносная невоспитанность Ничипоренки тяжела только для него, человѣка нерусскаго, а русскимъ людямъ она всегдѣ нисколько не противна, и вдругъ, повсемѣстно, такое разочарованіе! Какъ только они вырвались изъ атмосферы, которою тогда дышали нѣкоторые кружки въ Петербургѣ, и попали къ другимъ людямъ, — ихъ только отовсюду гонять и гонять! Теперь Бенни стало ясно, что за петербургскими рогатками человѣкъ, который ведетъ себя какъ Ничипоренко, и проводникъ, и сотоварищъ непригодный. Бенни, не обинуясь, высказалъ все это Ничипоренкѣ въ глаза и старался объяснить ему всю нелѣпность его поведенія. Ничипоренко расхохотался-было, но Бенни вспылить и объявилъ ему, что если онъ еще гдѣ-нибудь такъ поведетъ себя, какъ велъ до сихъ поръ, то онъ, Бенни, просто выброситъ его въ окно. У нихъ при свидѣтеляхъ произошла въ гостиницѣ Шевалдышева очень жаркая сцена, въ заключеніе которой Ничипоренко опять просилъ у Бенни прощенья и сѣлъ писать новую корреспонденцію въ петербургскія газеты. Денегъ у нихъ къ этой порѣ уже не было ни гроша, и имъ нечѣмъ было ни жить, ни ѣхать. Ни «Искра», ни «*Экономическій Указатель*» посланныхъ этимъ изданіямъ корреспонденцій Ничипоренки не печатали и денегъ ему за его литературу не высылали.

Между тѣмъ московская дама, у которой Ничипоренко потерялъ свою вторую неудачу, женщина очень добраго и благороднаго сердца, почувствовала большое состраданіе къ юному, неопытному и вовсе незнавшему Россіи Артуру Бенни. Она послала за нимъ одного изъ своихъ знакомыхъ и, призвавъ Бенни къ себѣ, сказала ему, что негодованіе ея на его товарища вовсе не падаетъ на ни въ чемъ виновнаго Бенни; но что если онъ, Бенни, хочетъ путешество-

вать по Россіи съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ страной и съ хорошими русскими людьми, то прежде всего онъ долженъ освободить себя отъ своего петербургскаго товарища. Бенинъ признался, что онъ и самъ давно думаетъ точно такъ же, и давно видитъ, что съ нимъ въ Петербургѣ сыграли очень нехорошую штуку, давши ему такого компаніона, каковъ былъ Ничипоренко.

— Да, ваши петербургскіе друзья рѣшительно ничего не могли вамъ сдѣлать хуже, какъ дать вамъ такого спутника,—подтвердила ему дама.—Вамъ съ нимъ невозможно будетъ показаться ни въ одинъ порядочный домъ, не ожидая ежеминутнаго срама: въ этомъ вы мнѣ можете повѣрить.

Бенинъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ; онъ готовъ былъ разстаться съ Ничипоренко ту же минуту, но не находилъ никакихъ средствъ отъ него отвязаться.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ просто совѣтую отказаться отъ путешествія, которое въ сообществѣ этого господина принесетъ вамъ только одни скандалы,—сказала ему дама.

Бенинъ нашелъ это основательнымъ, и съ этихъ поръ ему пужень былъ только предлогъ, подъ которымъ бы онъ могъ удобнѣе оставить задуманное путешествіе. Но какъ это сдѣлать послѣ того, какъ онъ обѣщаль Ничипоренкѣ ѣхать съ нимъ въ Малороссію, пожить въ Прилукахъ, быть въ Кіевѣ, а, главное, познакомиться его съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, къ чему Ничипоренко, всегда имѣвній неодолимую слабость къ знакомствамъ съ извѣстными людьми, стремился неудержимо.

Онъ даже забывалъ говорить и о «предпріятіи» при мысли, что будетъ скоро «гостить у Тургенева лѣто въ деревнѣ». Онъ увѣрялъ, что это ему «очень нужно» и, дѣйствительно, впослѣдствіи доказалъ, что не лгалъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ попался г-ну Ничипоренко для того, чтобы впутать его въ дѣло, въ которое, окромѣ Тургенева, попали многіе люди, никогда ничего не знавшіе о настоящихъ планахъ и предпріятіяхъ Ничипоренки.

Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а теперь возвращаемся къ нашей исторіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Бенинъ не зналъ, какъ ему отвязаться отъ Ничипоренки. Сказать Ничипоренкѣ прямо, что онъ не годится ни для

какого предпріятія, Бенни находилъ неудобнымъ: Ничипоренко вернулся бы тотчасъ же въ Петербургъ и разсказалъ бы, что Бенни «дружить съ постенецовцами», что онъ просто *темная личность*, что онъ забраковалъ его, Ничипоренко, человѣка столь извѣстнаго во всемъ Петербургѣ, и забраковалъ единственно потому, что онъ не позволялъ ему хитрить.

Товарищи Ничипоренко по коммерческому училищу говорятъ, что онъ еще съ дѣтства былъ «неуловимъ и пеязымимъ».

Будь на мѣстѣ Бенни человѣкъ поразсудительнѣе и посерьезнѣе, онъ, конечно, не побоялся бы этого: онъ понималъ бы, что никакой соціальной революціи въ Россіи въ тѣ дни еще не было, что революціонерамъ здѣсь дѣлать нечего, и затѣмъ благоразумно бросилъ бы этого Ничипоренко, какъ бросали его многіе люди, не возбращая ему распускать о нихъ что онъ хочетъ и кому хочетъ. Бенни уѣхалъ бы себѣ назадъ въ свой Вульвичскій арсеналь получать пять тысячъ рублей жалованья, и тогда что ему въ Англій было бы до Ничипоренки? Но честный маменька Бенни, къ сожалѣнію, ни къ какой серьезной вдумчивости не былъ способенъ. Онъ никогда не могъ видѣть передъ собою всего дѣла въ цѣломъ его объемѣ, а разсматривалъ его по деталямъ: «это, молъ, если неловко, то, можетъ-быть, вотъ это вывезеть». А притомъ какъ было, вернувшись въ Англій, представиться Герцену и сказать ему, что никакой организованной революціи въ Россіи нѣтъ, а есть только одни говоруны, которымъ никто изъ путныхъ людей не дастъ вѣры. Видѣ Герценъ уже объявилъ, что онъ «создалъ поколѣніе *безповоротно социалистическое*», и люди повторяли эти слова... Выходитъ большая неловкость! Опять-таки другой человѣкъ, болѣе серьезный, чѣмъ Бенни, но подорожилъ бы, можетъ-быть, и г. Герценомъ, который, какъ на-смѣхъ, въ ту пору довѣрялся людямъ безъ разбора и часто увѣрялъ другихъ въ томъ, о чемъ и самъ не былъ удостовѣренъ; но Бенни не могъ сказать всю правду г. Герцену. Герценъ былъ его кумиръ, который не могъ лгать и ошибаться, и Бенни во что бы то ни стало хотѣлъ разыскать ему скрывающуюся въ Россіи революцію. Такое упорство со стороны Бенни было тѣмъ понятнѣе, что онъ былъ дѣйствительно фанатикъ и социалистъ до готовности

къ мученичеству и притомъ вѣрилъ, что Александръ Ивановичъ такъ грубо ошибаться не можетъ и что революція въ Россіи дѣйствительно гдѣ-то есть, но только она все отъ него прячется. А между тѣмъ, пока Бенни предавался этимъ разсужденіямъ, злосчастный Ничипоренко окончилъ еще новыя корреспонденціи въ «*Экономическій Указатель*» и въ «*Искру*», и собирався скорѣе вонъ изъ непривѣтливой Москвы. Отъѣздъ предпринимателей долженъ былъ состояться завтра. Бенни фхалъ противъ воли своей, а отказаться и сказать Ничипоренкѣ: «оставьте меня, я не хочу съ вами ѣздить», — онъ не могъ. Тогда началась преумножительнѣйшая игра, похожая на водевиль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы какъ-нибудь спасти этого несчастнаго Бенни, столь комически начавшаго свое путешествіе и теперь изнемогавшаго подъ бременемъ своей нерѣшительности и деликатности, дама, о которой здѣсь часто идетъ рѣчь, вызвалась послать ему на почтовую станцію въ Орелъ телеграмму о томъ, что важныя дѣла требуютъ его немедленнаго возвращенія въ Москву. Полагали, что словъ «важныя дѣла» будетъ достаточно для Ничипоренки, и что предприниматель этотъ съ миромъ отпуститъ отъ себя Бенни, а самъ благополучно поѣдетъ себѣ, одинъ, къ своимъ домашнимъ Лярамъ и Пенатамъ, и такъ же благополучно будетъ себѣ что-нибудь писать, въ своихъ Прилукахъ, «для блага народа» и читателей «*Искры*» и «*Экономическаго Указателя*», а Бенни, такимъ образомъ, освободится отъ своего тирана на волю.

Артуръ Бенни тоже находилъ, что такой депешы съ него будетъ за-глаза довольно, чтобы отбиться въ Орлѣ отъ Ничипоренки.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе: какъ только предприниматели съ своими саками и зонтиками усѣлись въ почтовую карету, такъ, два часа спустя, въ Орелъ, на имя Артура Бенни, была послана условленная депеша. Бенни исправно получилъ ее въ Орлѣ и разыграть передъ Ничипоренко, что депеша эта получена имъ совершенно неожиданно, но что, къ сожалѣнію, она имѣетъ значеніе очень важное и потому онъ, Бенни, долженъ отложить свое намѣреніе путешествовать по Россіи до будущаго года, а

теперь, немедленно же, тѣми же слѣдами, долженъ сѣшнить назадъ въ Москву, а оттуда Богъ знаетъ куда, — куда требуютъ обстоятельства. Но ни Венни, ни спасающая его отъ Ничипоренки московская «бѣлая» дама, никто не отгадали, какъ приметъ эту денешу Ничипоренко.

Услыхавъ, что у Венни уже есть важныя дѣла, которыхъ Ничипоренко такъ, вотще, до сихъ поръ добивался, петербургскій предприниматель такъ и вицѣпился въ предпринимателя лондонскаго: покажите, молю, мнѣ, что это такое бываетъ за *важныя дѣла*? Въ Москвѣ уювали, что Ничипоренко посѣшнить въ Прилуки и радъ будетъ тамъ отдохнуть отъ своихъ революціонныхъ работъ и тревожныхъ, но онъ, чуть только услышалъ про «важныя дѣла», сейчасъ же думать забылъ и про отдыхъ въ ничтожномъ малороссійскомъ городишкѣ, и про всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ тамъ хотѣлъ повидаться и кого хотѣлъ просвѣтлить. Ничипоренко коротко и ясно объявилъ Венни, что и онъ съ нимъ тоже вернется въ Москву. Венни сталъ унывать на то, что его вызываютъ *одного*, но Ничипоренко отвѣчалъ, что это, очевидно, или недосказанность, или пустая деликатность къ нему, потому что знаютъ, что онъ, между прочимъ, желаетъ повидаться съ родными; но что онъ этой деликатности не принимаетъ и непременно ѣдетъ назадъ. Однимъ словомъ, сталъ — какъ Елисѣй передъ Ильею — и стоитъ въ одномъ, что «живи Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя. Ты въ Вефиль, такъ и я въ Вефиль, а ты въ Иерихонъ, такъ и я въ Иерихонъ и берега Иордана увидятъ меня съ тобою».

— Да и притомъ, — говоритъ, — вы разсудите: *двое* вѣдь все-таки болѣе значить, чѣмъ *одинъ*. Зовутъ одного, а мы приѣдемъ двое, — это имъ не убытокъ, а прибыль.

Венни поднялся на хитрость и пустился доказывать Ничипоренкѣ, что при революціяхъ прежде всего должна соблюдаться точность въ исполненіи распоряженій, что если Венни одного требуютъ назадъ, такъ онъ одинъ и долженъ ѣхать; а если его, Ничипоренко, назадъ не требуютъ, то значить высшая революціонная власть находитъ пужнымъ, чтобы онъ, Ничипоренко, ѣхалъ впередъ, и онъ такъ ужъ и долженъ ѣхать впередъ.

Такая рѣчь крайне удивила Ничипоренку, вовсе не допуская мысли, чтобы и въ революціяхъ нужна была

какая-нибудь субординація. Ничипоренко, растерявшись нѣсколько отъ этой неслыханной новости, сказалъ Бенни, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ нужна въ революціяхъ субординація? Что это значитъ опять зависимость и что, «по его мнѣнію, требовать отъ предпринимателя слѣпного послушанія, это значитъ вводить въ предпріятіе бюрократію».

Бенни поговорилъ съ нимъ о разницѣ между субординаціею и бюрократіею и увидать, что политическій другъ его и этой разницы не понимаетъ, и что съ нимъ гораздо удобнѣе шутить, чѣмъ сердиться на него или убѣждать его. Онъ ему рассказывалъ, что въ революціяхъ даже и разстрѣливаютъ и вѣшаютъ. Ничипоренко удивился. Революціонеръ, бросившій берега Альбіона для того, чтобы быть исполнителемъ русской революціи, теперь самъ уже смѣялся надъ тѣмъ человѣкомъ, котораго въ Петербургѣ считали способнѣйшимъ дѣятелемъ и мечтали послать въ Лондонъ для самоважнѣйшихъ (какъ впоследствии оказалось, самыхъ нутыхъ) негодіацій съ Герценомъ. Теперь Бенни просто подтрунивалъ надъ этимъ важнымъ человѣкомъ и подстрекалъ его тѣмъ, что «важныя дѣла», для которыхъ его, Бенни, вызываютъ назадъ, онъ не можетъ назвать, потому что это запрещено ему его «Старшимъ».

— Ну, вотъ и «Старшимъ»! Да это, можетъ-быть, чортъ знаетъ, кто этотъ «Старшій»?

— Это все равно: старшаго надо слушаться.

— Какъ же вамъ, стало-быть, если и палку поставятъ старшимъ, вы и палку будете слушаться?

— И палку буду слушаться. Безъ этого ничего не идетъ.

— Фу, чертовщина какая!

Ничипоренко задумался: а, можетъ-быть, и точно въ революціяхъ нужна субординація? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у *всамдѣльныхъ* революціонеровъ это такъ? Желаніе быть всамдѣльнымъ революціонеромъ диктовало Ничипоренкѣ суровую мысль, что онъ долженъ послушаться Бенни и ѣхать далѣе, но съ другой стороны, вспоминая, что вѣдь собственно ни онъ и никто изъ русскихъ революціонеровъ еще никакого своего революціоннаго начальства не имѣетъ, онъ находилъ, что ему некому и повиноваться: Герценъ далеко, а здѣсь, въ Россіи, всѣ равны и старшаго ничего нѣтъ.

— Итъ, какъ вы хотите, а я не останусь, — отвѣчалъ Ничипоренко съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Удовольствіе возить «герценовскаго эмиссара» и ѣздить съ предпріятіемъ было такъ сильно въ эти минуты въ Ничипоренкѣ, что онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и стоялъ на томъ, что, несмотря ни на субординацію и ни на какіе революціонные законы, онъ все-таки ѣдетъ назадъ; Бенни рѣшительно потерялъ надежду отвязаться отъ своего спутника: онъ указывалъ ему и на близость его родни отъ Орла и совѣтовалъ проѣхать туда и навѣстить сестеръ, но ничего не помогало; Ничипоренко твердилъ: «что сестры! теперь не до родства, а вы безъ меня Богъ знаетъ чего напугаете», и онъ ни на шагъ не отставалъ отъ Бенни.

Тогда Артуръ Бенни просто бѣжалъ отъ Ничипоренко изъ гостиницы. Онъ вышелъ изъ комнаты «по надобности царя Саула», и на Болховской улицѣ, въ Орлѣ, заложилъ у часовника Керна свои карманные часы и съ вырученными за нихъ восемнадцатью рублями бросился въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ. Здѣсь онъ думалъ освѣдомиться, сколько порожнихъ мѣстъ есть въ экипажѣ, который поѣдетъ вечеромъ въ Москву. Харьковскій экипажъ, идущій въ Москву, случайно былъ въ это время у подъезда, но въ немъ не было ни одного мѣста... Зато можно было купить кондукторское мѣсто у кондуктора. Бенни тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ: онъ купилъ себѣ это мѣсто и, тщательно задернувшись въ немъ занавѣсками, уѣхалъ, пославъ, впрочемъ, Ничипоренкѣ со сторожемъ почтовой станціи записку, что онъ воспользовался единственнымъ мѣстомъ въ почтовомъ экипажѣ и уѣхалъ въ Москву. Теперь Ничипоренко волею-неволею *долженъ* былъ остаться въ Орлѣ, а Бенни прикатилъ въ Москву. Но Ничипоренко еще перехитрилъ Бенни и доказалъ, что не одни цапки взлетаютъ надъ облака на птичьихъ хвостахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Бенни пріѣхалъ въ Москву очень рано и въ семь часовъ утра былъ уже у одного изъ своихъ московскихъ знакомыхъ, знавшаго всѣ комическія побѣгушки предпринимателей другъ за другомъ. Хозяинъ и гость, не будя никого семейныхъ, сѣли вдвоемъ за ранній чай, и Бенни съ веселымъ смѣхомъ началъ рассказывать исторію своего бѣгства

отъ Ничипоренки; по пе успѣлъ хозяинъ съ гостемъ поговорить и четверти часа, какъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на улицу въ окно, увидалъ у самаго стекла перекошенное и дергающееся лицо Ничипоренки. Онъ стоялъ какъ привидѣнiе, появленiе котораго, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно невозможно было объяснить ничѣмъ, если бы онъ не объяснили его черезъ минуту самъ. Ничипоренко разсказалъ, что онъ нашелъ па станціи въ Орлѣ очень добраго офицера, ѣдущаго въ Москву «по казенной надобности», упротсилъ того взять его съ собою и догналъ Бенни на перекладной. Спасенiя отъ него не было нигдѣ, а ѣхать опять съ нимъ же вмѣстѣ назадъ, въ Петербургъ, значило—опять понасть въ кружокъ тѣхъ же самыхъ людей, о которыхъ Бенни въ это время уже не могъ безъ раздраженiя вспомнить и съ которыми потомъ никогда не сходилса во всю свою жизнь въ Россіи.

Настигнутый Бенни сообщилъ Ничипоренкѣ, что онъ долженъ ожидать кого-то въ Москвѣ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Ничипоренко и здѣсь не отсталъ: «и я буду ждать съ вами»,—сказалъ онъ, и опять жилъ съ Бенни съ недѣлю въ гостиницѣ Шевалдышева. Бенни бывалъ у той писательницы, которая не переносила присутствiя Ничипоренки, и у нѣкоторыхъ другихъ московскихъ литературныхъ людей, и у двухъ тамонныхъ редакторовъ Каткова и Аксакова. Катковъ съ нимъ бесѣдовалъ долго, выспрашивалъ много и попросилъ оставить какой-то проектъ; Бенни оставилъ, Катковъ черезъ часъ прислалъ проектъ въ запечатанномъ конвертѣ безъ адреса и безъ малѣйшаго слова приписки. Бенни обидѣлся странно. Аксаковъ припиль Бенни очень холодно, и проекта читать не сталъ, сказавъ: «это дѣло Катковское», но посовѣтовалъ Бенни «прежде узнать русскій народъ» и затѣмъ откровенно уклонился отъ продолженiя съ нимъ знакомства. Ничипоренко во все это время или сидѣлъ въ своемъ номерѣ, или гостевалъ у брата извѣстнаго Василя Кельсіева, студента Ивана Кельсіева, необыкновенно добраго и чистаго сердцемъ юноши, болѣе извѣстнаго въ московскихъ студенческихъ кружкахъ подъ именемъ *добраго Вани*. Онъ тоже потомъ, бывъ арестованъ по обвиненію въ какомъ-то политическомъ преступленіи, бѣжалъ изъ-подъ стражи и, пробравшись за границу, вскорѣ умеръ тамъ отъ чахотки. Жизнь Ничипо-

ренки въ Москвѣ была невыносимая, вялая и скучная, но ошъ, кажется, рѣшился терпѣть все до конца и уѣзжать изъ Москвы не собирався. «Искра» и «Экономическій Указатель» корреспонденцій его опять не печатали и денегъ ему не высылали, и онъ жилъ займами, перебиваясь съ гроша на грошъ. Неизвѣстно, когда бы и чѣмъ бы кончилась эта игра, если бы, къ счастію Бенни, у нихъ не подорвались и послѣднія ихъ средства. Предпринимателямъ рѣшительно и буквально стало нечего ѣсть. Бенни, котораго принимали кое-гдѣ, могъ еще пайти себѣ радушно предложенный обѣдъ и даже пріютъ, но Ничипоренкѣ ровно некуда было ни пріютиться, ни попасть на хлѣбъ; комната «Вани Кельсіева» была вся съ игичью клѣтку, а обѣда у него часто недоставало и у самого. Онъ, по его шутовому замѣчанію, «закуривалъ голодъ» вонючимъ кнастеромъ, изъ своей коротенькой трубочки, съ которою никогда не разставался ни дома, ни въ гостяхъ. Тогда только, въ этихъ непреоборимыхъ обстоятельствахъ, Ничипоренко, спасая себя отъ холода и голода, рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ, впрочемъ, успокаивалъ Бенни, что ѣдетъ не надолго, что онъ тамъ только пораздобрется деньжонками и на-дняхъ же вернется снова къ Бенни для продолженія предпріятія. Наивный Ничипоренко вовсе и не замѣчалъ, что его выпроваживали, и уѣзжалъ съ полнымъ упованіемъ, что онъ, во все это время, дѣлалъ какое-то предпріятіе, которое остановилось только за случившимся недостаткомъ въ деньгахъ, но разыщетъ онъ въ Петербургѣ деньжонокъ, и ему падо будетъ вернуться, и предпріятіе онять пойдетъ далѣе. Нануганный Бенни опасался, что Ничипоренко, дѣйствительно, того и гляди, снова явится въ Москвѣ, но его успокаивали, что этого не можетъ случиться, потому что на это нужны деньги, а на деньги въ Петербургѣ не тороваты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Выпроводивъ Ничипоренко въ Петербургъ, Бенни остался въ Москвѣ тоже безъ гроша. Въ это время онъ воспользовался моимъ гостепримствомъ и, живучи у меня, въ домѣ Волоцкой, съ моею помощію привелъ свою небольшую компаніацію о «Мормонахъ» въ такое состояніе, что она могла быть напечатана въ «Русской Рѣчи». Это и была первая и

единственная статья, напечатанная Бенни в газетѣ Евгеніи Туръ, постояннымъ сотрудникомъ которой Бенни никогда не былъ и названъ таковымъ въ некрологѣ «*Иллюстрированной Газеты*» г. Зотова совершенно неосновательно. Бенни въ это время просто жилъ у меня въ Москвѣ, по совершенному недостатку средствъ къ выѣзду, и отъ нечего дѣлать приглядывался къ московской жизни и нравамъ и былъ принятъ въ дома нѣкоторыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Русская литература въ то время Бенни нисколько не интересовала, а его революціонныя идеи въ Москвѣ не встрѣчали никакой поддержки. Одни изъ москвичей, которымъ онъ высказывалъ свои планы, только отрезвляли его отъ революціоннаго опьянѣнія, въ которомъ онъ явился въ Россію, а другіе, слушая, какъ онъ хлопочетъ о Россіи, просто пожимали въ недоумѣніи плечами, дескать: «что онъ Гекубъ и что ему Гекуба?» и отходили отъ него въ сторону. Какъ Петербургъ представилъ ему совсѣмъ не то, что ожидалъ онъ встрѣтить въ немъ по своимъ лондонскимъ соображеніямъ, такъ и въ Москвѣ онъ опять нашелъ совсѣмъ не то, что ему рассказывали: онъ видѣлъ все лѣниво, рыхло, ничего не ворохнешь, — ничего не сдвинешь. Гдѣ этотъ расколъ, про который онъ слышался въ Лондонѣ всякихъ чудесъ отъ Бакунина и Василія Кельсіева? Расколъ не хочеть и взглянуть на того, кто ищетъ его ради другихъ цѣлей, а не ради раскола. Гдѣ эта партія *vieiy bojard moskowites*? Сидитъ она на семи дубахъ, въ осьмой упирается, и дѣла ей нѣтъ до того, что затѣваетъ лондонскій «нѣмчикъ». Бенни еще разъ убѣдился, что въ Россіи въ то время рѣшительно не было никакой организованной революціи; что въ Петербургѣ тогда только выдумывали революцію и занимались ею, такъ сказать, *для шиху*, да и то занимались люди, вовсе не имѣющіе ни малѣйшихъ понятій о томъ, какъ дѣлаются революціи. Въ отрезвляющемъ, консервативномъ покоѣ равнодушной къ питерскимъ затѣямъ Москвы Бенни теперь задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? что такое значить здѣсь онъ, фактически русскій подданный и документально «натурализованный англійскій субъектъ», челоуѣкъ нерусскій ни по крови, ни по привычкамъ, и космополитъ по убѣжденіямъ? Не мудрено, что въ это время Бенни и самъ себя спросилъ: что онъ Гекубъ, и что ему

Гекуба? Молодой, даже совѣтъ юный, Бенни сталъ понимать, что онъ сдѣлалъ большой промахъ, что положеніе его просто глупо и что его и лондонскіе его друзья, и петербургскіе нарядили въ какіе-то политическіе шуты и выпихнули его паясничать съ убогенькимъ простачкомъ, который вертится передъ нимъ и ляскаетъ, какъ холщовая коза передъ пляшущимъ на ярмаркѣ медвѣдемъ. Увидать себя такою игрушкою не радостно и не легко; а тутъ еще, съ тою извѣстностію, которую онъ такъ быстро пріобрѣлъ, какъ «герценовскій эмиссаръ», нѣтъ возможности скрыться безслѣдно, нѣтъ и средствъ жить. А между тѣмъ все бѣжить, все корпить, все точить, все гоношнить деньгу, все кричить: «*некогда, некогда*», словно напоминаютъ сибиряка, забывшаго на ярмаркѣ обо всѣхъ революціяхъ и повторявшаго одно *некогда*. Всѣмъ некогда и всѣ ѣдятъ зато свой хлѣбъ, а у него, у самаго предприимчиваго изъ предпринимателей, времени бездна и ни гроша заработка, который былъ бы такъ легокъ при его, относительно, очень хорошемъ образованіи. Куда дѣтъ свое праздное время? на что употребить его, чтобы безъ стыда смотрѣть, какъ все вокругъ трудится и работаетъ? Какъ избавить себя отъ непріятности садиться за чужой столъ?.. «Изучать народъ», живучи подъ чужимъ кровомъ и на чужомъ хлѣбѣ, для совѣстливаго Бенни было несосно. Прежде всего теперь нужно было позаботиться о своемъ собственномъ существованіи, о своемъ насущномъ хлѣбѣ. Въ Москвѣ Бенни рѣшительно не могъ ничего добыть и собрался въ Петербургъ, гдѣ надѣялся найти переводную работу и жить, пока осмотрится и успеетъ списаться съ Англіею. Въ это время онъ имѣлъ положительное намѣреніе уѣхать въ Англію, но, по недостатку характера, не устоялъ на этомъ и передумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Между тѣмъ Ничипоренко въ это время былъ уже въ Петербургѣ и въ Москву не собирался. Къ возвращенію Бенни въ Петербургъ здѣсь уже все было противъ него восстановлено и самъ Бенни объявленъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ русскимъ *политическимъ шпиономъ*, хитро подосланнымъ въ Петербургъ русскимъ правительствомъ черезъ Лондонъ. Силетивъ этой предшествовала цѣлая исторія. Тотъ-

часть по выѣздѣ Бонни, Н. С. Курочкинъ и его друзья въ Петербургѣ распечатали письма, которыя Бенни имъ оставилъ для отсылки въ Англiю. Прочитавши эти письма, любопытные люди не нашли въ нихъ ничего выдающаго Бенни съ дурной стороны. Бенни, который предвидѣлъ, что его письма не избѣгнуть люстраціи, какъ выше сказано, нарочно оставилъ въ рукахъ своихъ петербургскихъ друзей не политическую свою корреспонденцію, а простыя письма къ своимъ лондонскимъ родственникамъ. Курочкинъ и другіе люстраторы, подпечатавшіе эти письма, поняли, что Бенни ихъ нарядилъ въ дураки, и разсердились. Они чувствовали, что теперь непременно должны отмстить за себя, и отмстить, не пренебрегая никакими средствами. Въ тогдашнее время всѣмъ людямъ, которые почему-нибудь не раздѣляли красныхъ убѣжденій, въ Петербургѣ тотчасъ же приснащали званіе правительственныхъ шпионовъ. Гнусное средство это раздѣлываться такимъ образомъ съ людьми изъ-за несходства въ убѣжденіяхъ и вкусахъ тоже было въ ходу въ Петербургѣ, а въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ рассказъ, стало какому-нибудь прощелыгѣ произнести это слово о человѣкѣ, и оно тотчасъ же безъ всякой критики повторялось людьми, иногда даже довольно умными и честными. Это было прекраснымъ средствомъ для отвода глазъ отъ настоящихъ мушаровъ, которыхъ было множество, особенно изъ людей «преданныхъ русскому искусству». Проходили годы; оклеветанный лже-шпионъ оставался нищъ, убогъ; не было ни одного факта, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ и на кого-нибудь сошпионилъ, а кличка, данная ему первымъ, неразборчивымъ на средства, безчестнымъ человѣкомъ, все-таки повторялась людьми не безчестными. Такъ начиналось царство клеветническаго террора въ либеральномъ вкусѣ послѣ террора въ смыслѣ иномъ. Сказано было «кто не съ нами—тотъ подлець», а «подлець» разумѣется и шпионъ. Теперь, когда шпионовъ, такимъ образомъ, произведено такъ много, что за ними уже не видно настоящихъ мастеровъ этого ремесла, и когда нравы партіи, дающей таія названія, изучены и разоблачены, подобная кличка уже никого не запугиваетъ и не огорчаетъ; но тогда, въ то *колическое время*, были люди, которые лѣзли на стѣны, чтобы избавиться отъ подозрѣнія въ шпионствѣ. Дѣйствительные шпионы, распечатавшіе письма Бенни,

рѣшили назвать его своимъ именемъ. Шпіоны эти или люстраторы или, какъ ихъ назвать, не знаю, рѣшили, что Бенни шпіонъ; но такъ какъ для многихъ онъ былъ еще «герценовскій посолъ», то они не торопились объявлять о его шпіонствѣ тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ была сочинена эта гнусная клевета, а выжидали случая, чтобы неосторожный Бенни чѣмъ-нибудь самъ себя скомпрометировать, и тогда положили все это сплестъ, сгруппировать и выставить его шпіономъ съ представленіемъ какихъ-нибудь доказательствъ его шпіонства. Случай не замедилъ представиться. Случай этотъ былъ возвращеніе въ Петербургъ Ничипоренки и его рассказъ, какъ Бенни дружилъ съ постепеновцами; какъ онъ обнаруживалъ перфигительныя дѣйствія, куда-то исчезъ изъ Орла и, наконецъ, теперь остался въ Москвѣ. Этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы начать говорить, что Бенни ведетъ себя подозрительно и что онъ всеконечно не что иное, какъ подсланный черезъ Англію шпіонъ русской тайной полиціи. При постановленіи этого рѣшенія не стѣснялись ни тѣмъ, что Бенни бѣденъ, нищъ и былъ вынужденъ для возвращенія изъ Орла въ Москву продать послѣдніе часы, чего со шпіономъ богатаго вѣдомства не должно бы случиться, ни тѣмъ, что онъ имѣлъ въ Англіи около 5 тысячъ рублей ежегоднаго жалованья и за шпіонство въ Россіи большаго вознагражденія, конечно, ожидать не могъ.

Рѣшеніе это было на-руку петербургскимъ друзьямъ эмиссара, потому что оно освобождало этихъ фразеровъ отъ всякой необходимости давать революціонную работу пылкому Бенни и возвращало самимъ имъ прежнее видное положеніе въ ихъ собственномъ кружкѣ, а потому оно вѣсьмъ очень поправилось и было принято единодушно. Въ подобныхъ кружкахъ *подозрѣніе* всегда равнялось *доказательству*, и Бенни, во время его отсутствія, былъ объявленъ въ Петербургѣ несомнѣннымъ шпіономъ и, по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ, встрѣченъ въ Петербургѣ съ обидною осторожностью, какъ выюльчъ изблеченный шпіонъ, котораго разгадали и съ которымъ общаго ничего имѣть не хотятъ. Съ этихъ поръ такъ мало свойственное легкомысленному, но честному маньяку Бенни званіе шпіона было усвоено ему и удерживается за нимъ даже и до сего дня, съ упорствомъ, въ которомъ поистинѣ не знаешь чему

болѣ дивиться — глупости, или злобѣ ничтожныхъ людей этой низкой «партии», давшей въ послѣдствіи неожиданно самыхъ лихихъ перевертней еще новаго фасона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни, уѣхавшій изъ Петербурга герценовскимъ эмиссаромъ и возвратившійся сюда всего черезъ мѣсяць шпиономъ, прослышавъ о темномъ и пошломъ коварствѣ господъ люстраторовъ, уличилъ здѣльныхъ друзей своихъ во вскрытіи и задержаніи его писемъ и отшатнулся отъ этихъ людей, столь безцеремонно поступившихъ и съ чужими тайнами, и съ чужими репутаціями. Наученный, посредствомъ своихъ московскихъ столкновеній, что въ средѣ такъ-называвшихся тогда «постепеновцевъ» гораздо болѣе уважаются тѣ правила жизни, въ которыхъ выросъ и которые привыкъ уважать самъ Бенни, онъ не сталъ даже искать работы у литераторовъ-петербургцевъ и примкнулъ сначала, на нѣкоторое время, къ редакціи «Русскаго Инвалида», которою тогда завѣдывали на арендномъ правѣ полковникъ Писаревскій и Вл. Н. Леонтьевъ. Въ этой газетѣ Бенни работалъ недолго и скоро перешелъ изъ «Инвалида» въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Въ «Сѣверной Пчелѣ» Бенни успокоился. Лица, составлявшія тогда редакцію этой газеты, не давали ни малѣйшей вѣры толкамъ, распускаемымъ досужими людьми о шпионствѣ Бенни. Бенни, ужасавшійся того, что его ославляютъ шпиономъ, впрочемъ, входилъ въ новую компанію осторожно. Такъ, напримѣръ, онъ упросилъ покойнаго В. В. Толбина сказать всѣмъ участвующимъ въ «Пчелѣ», что о немъ, Бенни, распространены такіе-то и такіе-то слухи; Толбинъ это исполнилъ въ точности, и однажды, при всѣхъ сотрудникахъ газеты, за завтракомъ у П. С. Усова назвалъ Бенни въ шутку «шпиономъ». Эта шутка всѣхъ передернула, но когда Толбинъ затѣмъ разъяснилъ въ чемъ дѣло, то всѣ протянули Бенни руки и стали просить его забыть перенесенную имъ отъ недобрыхъ людей обиду и успокоиться. Такимъ образомъ Бенни вошелъ въ редакціонную семью не прежде, какъ получивъ отъ всѣхъ общее подтвержденіе, что дурнымъ слухамъ на его счетъ здѣсь никто не вѣритъ *).

*) Редакція «Пчелы» состояла тогда изъ П. С. Усова, П. П. Мельникова (Печерскаго), П. И. Небольсина, И. П. Перозіо, С. Н. Пала-

Отношенія загнаннаго въ чужой лагерь предпринима- теля съ новыми его товарищами были прямы, мягки, от- крыты и недвусмысленны. Да и самъ Бенин, послѣ всѣхъ заданныхъ ему нравственныхъ встрепокъ, не бредилъ бо- лѣе русскою революціею, хотя и послѣ всѣхъ этихъ дан- ныхъ ему уроковъ не избѣгалъ вѣчныхъ тяготѣній къ ре- волюціоннымъ людямъ. Онъ никогда не прерывалъ съ нѣко- торыми изъ нихъ своихъ сношеній, никогда не забывалъ о заботахъ оправдаться въ возведенномъ на него вздорѣ и, на- конецъ, попалъ подъ уголовный судъ, по оговору того же Ничипоренки. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоя- тельство, тоже довольно комическаго свойства, но кончив- шея для многихъ весьма трагически.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Раскаившійся прощенный русскій эмигрантъ герценов- ской партіи, В. И. Кельсіевъ, считаясь тогда въ изгнаніи и именуясь «не осужденнымъ государственнымъ преступ-

зова, В. В. Толбина, I. Н. Шилъ, К. П. Веселовскаго и меня, п никто изъ насъ не питалъ къ покойному Бенинъ никакихъ неприят- ныхъ чувствъ и ничего худого за нимъ не зналъ. Расположенность къ нему была такъ велика, что извѣстный своею деликатностью Павелъ Степановичъ Усовъ даже вида не подавалъ Бенинъ, что онъ, г. Усовъ, получалъ *опушенія* не держать Бенинъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ обстоятельстве, извѣстномъ очень многимъ живымъ до сего времени людямъ, стоить упомянуть въ доказательство, что Бенинъ ни- когда не былъ протезируемъ никакимъ особымъ вѣдомствомъ, а, напро- тивъ, изъ-за него выпадали хлопоты тѣмъ, кто съ нимъ водился. Та- кихъ хлопотъ, и подчасъ довольно серьезныхъ неприятностей, вволю выпадало на долю нѣсколькихъ лицъ, но болѣе всѣхъ досталось на мою. Помимо тѣхъ низкихъ клеветъ, которыя распускали на мой счетъ люстраторы Бенинскихъ писемъ за то, что я не раздѣлялъ мнѣній, къ которымъ они настроивали всѣхъ, кого могли, и создали благород- ному юношѣ горестную славу и въ другихъ сферахъ, гдѣ Бенинъ тоже былъ на примѣтѣ, близость моя съ этимъ человекомъ казалась столь подозрительною, что самое невиннѣйшее мое желаніе, отправляясь за границу, проѣхать по Литвѣ и Галичинѣ подало поводъ къ наведенію обо мнѣ весьма курьезныхъ справокъ. Артуръ Бенинъ сталъ въ такую позицію, что къ нему даже не дозволялось питать самыя позволитель- ныя чувства дружества по простымъ побужденіямъ, а, дружась съ нимъ, человекъ непременно долженъ былъ попадать въ подозрѣніе или въ ре- волюціонерствѣ, или въ шпіонствѣ, или же и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ и разомъ, по пословицѣ: «гуртомъ выгоднѣй».

пикомъ» *), проѣзжалъ изъ Англiи черезъ Петербургъ въ Москву для свиданiя съ тамошними раскольниками, которымъ впоследствии этотъ визитъ надѣлалъ кучу хлопотъ, а прiютившему Кельсиева московскому купцу, Ивану Иваловичу Шебаеву, стоилъ даже продолжительной потери свободы, чего старушка-мать Шебаева не перенесла и умерла, не дождавшись рѣшенiя судьбы арестованнаго сына. Василiй Кельсiевъ ѣхалъ въ Москву съ паспортомъ турецкаго подданнаго Яни, или Яннии. Въ Петербургѣ Кельсiевъ останавливался, на короткое время, у Бенни, квартировавшаго въ то время на Гороховой близъ Каменнаго моста, въ домѣ № 29. Про то, что Кельсiевъ присталъ у Бенни, на несчастiе сего послѣдняго, случайно свидѣлъ Ничипоренко; онъ зналъ также и то, что когда Кельсiевъ опасался самъ идти для визированiя своего паспорта, то Бенни взялъ всю эту рискованную процедуру на себя и благополучно получилъ визу на фальшивый паспортъ Кельсиева. Ничипоренко былъ въ восторгѣ отъ этой проделки и разропалъ эти новости повсюду, а вскорѣ послѣ секретной побывки Кельсиева въ Петербургѣ, онъ ѣздилъ съ умянцутымъ въ сенатскомъ рѣшенiи по этому дѣлу акцизнымъ чиновникомъ и театральнымъ писателемъ Николаемъ Антип. Потѣхинымъ въ Лондонъ къ Герцену, для тѣхъ сношенiй, для которыхъ давно прочли Ничипоренку петербургскiе друзья Герцена. Покойному Герцену Ничипоренко необыкновенно понравился. Герценъ на немъ совершенно сѣзаялся; онъ нашелъ въ Ничипоренкѣ то, чего въ немъ не было ни слѣда, ни зачатка, именно онъ отыскалъ въ немъ «*большой характеръ*», и немедленно же отписалъ объ этомъ въ Петербургъ В. С. Курочкину и Н. Г. Чернышевскому. Ничипоренко, въ качествѣ «большого характера», снискалъ у Герцена огромное довѣрiе и, получивъ отъ него полномочiе для дальнѣйшихъ негоциаций, взялся доставить какiя-то важныя революцiонныя бумаги къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу. Это была цвѣтущая, золотая пора Андрея Ив. Ничипоренко,—пора, когда онъ забылъ отъ счастья всѣ свои неудачи при нижегородскихъ «предпрiя-

*) Такое званiе принадлежало не одному В. И. Кельсiеву, а его, въ официальныхъ бумагахъ, давали и покойному Алек. И. Герцену и многимъ другимъ, но что такое собственно значить «не осужденный государственныи преступникъ», это пусть рѣшаютъ гг. юристы.

тіяхъ». Теперь онъ былъ *особа*, а Николай Антипычъ Потѣхинъ (такъ читано въ рѣшеніи сената) только былъ при немъ въ качествѣ подначальнаго «добраго малаго и болтуна».

Получивъ отъ Герцена такъ-называемыя «важныя бумаги», скомпрометировавшія вполнѣдствіи великое множество людей, Ничипоренко, однако, не довезъ ихъ къ митрополиту Кириллу. Онъ испугался угрожающаго ему обыска и бросилъ всѣ эти бумаги подъ прилавокъ въ одной изъ австрійскихъ таможенъ. Тамъ эти герценовскія бумаги безъ всякихъ хитростей были найдены убирающимъ комнату сторожемъ, представлены по начальству, прочитаны и чрезъ кого слѣдуетъ доставлены русскому правительству. Ничипоренко во все это время пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи. Безпечность и безразсудство этого человѣка были такъ велики, что онъ даже вовсе не придавалъ никакого значенія тому, что бросилъ въ таможнѣ, среди фискальныхъ чиновниковъ, секретныя революціонныя бумаги. Онъ считалъ все это вздоромъ и благополучно пріѣхалъ въ свои родныя Прилуки, вступилъ въ должность, которую ему его петербургскіе друзья устроили по акцизному вѣдомству, и съѣлъ - было здѣсь спокойнымъ обывателемъ, какъ вдругъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ показаніяхъ своихъ, которыя Ничипоренко писалъ съ какимъ-то азартомъ покаянія и увлеченіемъ поклепа, онъ записывалъ все и всѣхъ, кого зналъ и что помнилъ. Если бы теперь въ ходу были пытки, то можно бы подумать, что этого человѣка душили, жгли, рѣзали и шилили на части, заставляя его оговаривать людей на всѣ стороны и что онъ подъ тяжкими муками говорилъ что попало, и правду, и неправду, — таковы его необъятнѣйшія воспоминанія, вписанныя имъ въ свое уголовное дѣло, гдѣ чловѣческихъ именъ кишить, какъ блохъ въ собачьей шкурѣ. Среди такихъ воспоминаній онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вспомнилъ и о проѣздѣ черезъ Петербургъ В. И. Кельсиева, о томъ, что Кельсиевъ въ Петербургѣ былъ у Бенни. Все это Ничипоренко тотчасъ же собственноручно самымъ аккуратнымъ образомъ записалъ въ свое показаніе, замѣтивъ при этомъ кстати, что это онъ говоритъ «о томъ самомъ

Бенни, ѣздивши съ которымъ въ Орель, онъ завязалъ съ нимъ по знакомству во Мценскую деревню *Ив. Серг. Тургенева* *). Такимъ образомъ Ничипоренкъ удалось пріобщить къ дѣлу разомъ двухъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: Артура Бенни, который жилъ въ это время въ Петербургѣ, и *Ив. Серг. Тургенева*, который въ это время уже находился за границею, но по этому случаю тоже привлеченъ былъ къ отвѣту и пріѣзжалъ сюда изъ Парижа. Бенни тоже былъ, разумѣется, призванъ въ слѣдственную комиссію, и на вопросы, сдѣланные ему насчетъ указаннаго Ничипоренкомъ проѣзда г. Кельсіева черезъ Петербургъ съ паспортомъ Липи, крѣпко-на-крѣпко заверяя, хотя слѣдователи и убѣждали Бенни не запыраться, выставляя ему на видъ, что это уже бесполезно, потому что Ничипоренко все расписалъ, но Артуру Бенни казалось, будто его выпытываютъ, что у членовъ комиссіи есть только подозрѣніе, что г. Кельсіевъ проѣзжалъ черезъ Петербургъ, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, а потому Бенни и не видалъ побудительныхъ причинъ открывать это «событіе». Но въ дѣлѣ дѣйствительно было уже собственноручное показаніе Ничипоренки, въ которомъ подробнѣйшимъ образомъ описывалось пребываніе г. Кельсіева въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ доказывалось преступное запырательство Бенни, вѣнчанное ему впоследствии въ число обстоятельствъ, усилившихъ его вину. Бенни была предложена очная ставка съ Ничипоренко,

*) Невозможно понять, съ какою дѣлю покойный Ничипоренко при саѣдствіи вызывалъ изъ своей памяти самыя пустыя событія, о которыхъ его никто не спрашивалъ, а иногда просто даже *сочинялъ*, чтобы только приписать въ свои показанія чье-нибудь новое имя. Такъ, онъ, напримѣръ, вспомнилъ, между прочимъ, и обо мнѣ и, описывая какой-то сторонній случай, вставилъ кстати, что «въ это-де время я познакомился съ литераторомъ Лѣсковымъ, который своимъ образомъ мыслей имѣлъ вредное вліяніе на мои понятія», и далѣе оиеть о постороннемъ. Я самъ не читалъ этихъ касающихся меня строкъ, но слыхалъ о нихъ отъ Бенни и отъ Тургенева, которымъ я вполне вѣрю, а они имѣли случай читать дѣло Ничипоренки. По этому поводу и тщательно припоминалъ себѣ всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ Ничипоренко, съ которымъ мы одно время жили вмѣстѣ у профессора *И. В. Вернадскаго*, но ничего не могъ припомнить, чѣмъ бы я его могъ совратить съ добраго пути? Развѣ тѣмъ, что мы съ проф. Вернадскимъ иногда позволяли себѣ слегка воздерживать его отъ увлеченій революціею, да *предсказывали* ему его печальную судьбу, которая съ нимъ, на его несчастіе, все и исполнилась?

который самъ вызвался уличить Бенни въ томъ, что Кельсiевъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ; но Бенни, не хотя доводить Ничипоренко до этого во всякомъ случаѣ малопріятнаго труда, удовольствовался однимъ представленнымъ ему собственноручнымъ показанiемъ Ничипоренки и признался и въ *передержательствѣ Кельсiева, и въ своемъ умысленномъ заирательствѣ на первомъ допросѣ*. Послѣ этого у Бенни былъ немедленно отобранъ паспортъ на прожитіе въ Россіи, и онъ попалъ подъ судъ. Правда, что у него никогда не былъ взятъ его англійскій паспортъ, съ которымъ онъ, во всякое время, могъ бы свободно перебѣжать за границу, какъ перебѣжалъ за границу Кельсiевъ съ паспортомъ Яни (что со всюю откровенностію самимъ же г. Кельсiевымъ и разсказано въ книгѣ его покаяній и признаній). Бенни имѣлъ всѣ возможности уйти изъ Россіи даже безъ хлопотъ и безъ риска, но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, опасаясь, что его побѣгъ дастъ дѣлу Ничипоренковского посольства къ Герцену характеръ важнаго заговора и увеличить въ глазахъ правительства вину несчастнаго Ничипоренко. Дѣло это шло очень долго. Бенни, во все время, тихо и мирно сотрудничалъ въ «*Сѣверной Пчелѣ*» и, вспоминая порою о своихъ попыткахъ произвести въ Россіи вдругъ общую революцію съ Ничипоренкомъ, искреннѣйшимъ образомъ надъ собою смѣялся, негодуя на тѣхъ русскихъ социалистовъ, которыхъ нашель, но неуклонно стремясь отыскать другихъ, которые, по его великой вѣрѣ, непременно должны гдѣ-то въ Россіи таяться... Иначе онъ никогда не думалъ, да и можно ли его винить, что онъ не зналъ Россіи, когда самъ хиротонисавшій его Герценъ былъ тѣхъ же самыхъ мнѣній и уповалъ и хвалился, что «онъ создалъ поколѣніе безповоротно социалистическое»? Чего послѣ этого можно спрашивать съ чловѣка, совершенно чуждаго русской почвѣ?

Между тѣмъ въ это же время Бенни, сталкиваясь съ различными людьми столицы, сдѣлалъ себѣ нѣсколько очень хорошихъ знакомствъ. Его отличали и любили въ весьма почтенныхъ домахъ, у людей, занимавшихъ въ то время видныя мѣста въ правительствѣ. У Бенни были хорошія юридическія способности и довольно большая начитанность въ юридической литературѣ. Зная это, два сенатора, въ домахъ которыхъ Бенни былъ принятъ, старались открыть

ему юридическую карьеру. Онъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это и началъ сдавать въ университетѣ кандидатскій экзамень. Казалось, вотъ-вотъ этотъ бѣдникъ молодой человѣкъ ускользнетъ отъ мелкихъ дрызгъ суетной жизни, выйдетъ на солидную дорогу, на которой его могутъ ждать и благодарный трудъ, и благодарная дѣятельность, и доброе имя, но ничему этому не суждено было совершиться. Горячій, какъ бы весь изъ одного сердца, первъ и симпатій сотканый Бенни снова былъ увлеченъ круговоротомъ ежедневныхъ событій: благія намѣренія его замѣнились другими, хотя и не злыми, но эфемерными, и онъ снова попалъ въ положеніе, которое дало извѣстный поводъ еще съ бѣдльшимъ ожесточеніемъ распространять о немъ вздорные слухи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Поводомъ къ новымъ неприятностямъ для Бенни былъ извѣстный апраксинскій пожаръ, которому предшествовало нѣсколько меньшихъ, быстро одинъ за другимъ слѣдовавшихъ пожаровъ. Тогда вездѣ говорили, что эти пожары происходятъ будто отъ поджоговъ: даже утверждали, что это не простые грабительскіе поджоги, а поджоги, производимые «красными» съ цѣлю взбунтовать народъ. Объ этомъ есть свидѣтельства у романистовъ Писемскаго и у Крестовскаго (см. «Взбаламученное море» и «Панургово стадо»), да это, наконецъ, столь общеизвѣстно, что и не нуждается ни въ чьихъ свидѣтельствахъ. Бенни, работая въ редакціи газеты, куда, разумѣется, притекали подобные слухи, все это слышалъ и зналъ всѣ эти толки. Но, кромѣ того, въ самый день апраксинскаго пожара, Бенни былъ свидѣтелемъ ужаснаго событія: онъ видѣлъ, какъ по слуху, распространившемуся въ народѣ, что городъ жгутъ студенты, толпа разсвирѣпѣвшихъ людей схватила студента Чернявскаго (впоследствии одинъ изъ секретарей правительствующаго сената) и потащила его съ тѣмъ, чтобы бросить въ огонь, гдѣ г. Чернявскій, конечно, и погибъ бы, если бы ему не спасъ жизнь подоспѣвшій на этотъ случай патруль (происшествіе это въ подробности описано въ первомъ томѣ моихъ рассказовъ). Другого студента, родомъ поляка, г. К—го (товарища Бенни по Піотрковской гимназій), избили до полусмерти, и онъ спасся лишь тѣмъ, что началъ креститься

по-православному и забожился, что онъ не студентъ, а «поваръ княгини Юсуновой». Какъ уже тутъ ему бѣдняку въ этомъ страхѣ пришла въ голову эта счастливая мысль— не знаю, но только она спасла его: ему дали еще нѣсколько толчковъ и прогнали «тарелки лизать». Этого избытка, въ разорванномъ платьѣ горюна, по просьбѣ одного изъ членовъ редакціи «*Сѣверной Пчелы*», спрятали дворникъ, нѣкогда служившій въ домѣ Н. И. Греча *). Энергичный Бенни, бывшій свидѣтелемъ этого событія, услышавъ злой ревъ: «въ огонь студентовъ! Студенты жгутъ!» выкрикнулъ громко: «Неправда, неправда! Студенты не жгутъ, а гасятъ», и съ этимъ вскочилъ на одну пожарную трубу, гдѣ начальники видимо уставали, и началъ работать. За нимъ послѣдовали три знакомые ему университетскіе студента и два литератора, и всѣ они начали качать воду. «Идите, мы студенты, и мы гасимъ, а не поджигаемъ», бодро и смѣло крикнулъ Бенни въ толпу съ трубы. Толпѣ это понравилось, и изъ нея раздались одобрительные голоса: «Хорошо, барнигъ, хорошо! молодець! работай!»

Нѣсколько мѣщанъ вскочили и начали качать вмѣстѣ со студентами. Такъ это и уладилось, благодаря энергіи и находчивости Бенни.

Возвратясь домой (Бенни жилъ въ редакціи, гдѣ всѣ въ это время заняты были обстоятельствами ужаснаго бѣдствія), Бенни раздѣлялъ общее мнѣніе, что вредныхъ толковъ, распространяющихся въ народѣ о томъ, что Петербургъ поджигаютъ студенты, скрывать не слѣдуетъ, а, напротивъ, должно немедленно и энергически заявить, что такіе толки не основательны и что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана немедленно назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны. Такъ это, съ общаго согласія, и было «*Сѣверною Пчелою*» сдѣлано. Въ передо-

*) Судьба этого находчиваго сармата, спасагося подъ пнемъ юсуповскаго повара, тоже не безъ интереса. Отправленный «лизать тарелки», онъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасно было пристроился «при милости на кухнѣ» большого барскаго дома, по повстанческимъ терроромъ былъ отторгнутъ отъ сытной трапезы (которую безмѣрно любилъ) и увлеченъ въ литовскіе лѣса, гдѣ и убитъ при стычкѣ банды съ русскими войсками, при чемъ представилась такая странность: на груди его чамарки нашли пришитою русскую медаль за крымскую войну.. Вѣроятно, онъ это припасъ про всякій случай.

вой статьѣ номера, вышедшаго на другой день послѣ пожара, было отъ слова до слова сказано слѣдующее: «Во время пожара въ толпахъ народа слышались пелъныя обвиненія съ поджогахъ противъ людей известной корпорации. Не допуская ни малѣйшаго основанія подобнымъ слухамъ, мы полагаемъ, что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей известны». Было сказано ни болѣе, ни менѣе, какъ именно то, что здѣсь приводится. Полиція, разумѣется, ничего этого, въ защиту чести студентовъ, не сдѣлала, а нѣкоторые смутьяны по злобѣ ли, или по глудости угораздились усмотрѣть въ приведенныхъ строкахъ не только какую-то обиду «молодому поколѣнью», но даже и обвиненіе его въ поджигательствѣ! И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ пожара, къ Бенни, въ редакцію, явились два человѣка, называвшіе себя «депутатією отъ молодого поколѣнія». Депутатія эта предстала съ укоромъ Бенни (какъ будто онъ, а не другое лицо было редакторомъ газеты) и съ требованіемъ, чтобы Бенни заявилъ всѣмъ участвующимъ въ газетѣ, что это «обвиненіе молодого поколѣнія въ поджогахъ такъ не пройдетъ никому, а особенно тому, кто писалъ передовую статью». На имя этого угрожаемаго сотрудника были присланы два анонимныя письма, что онъ «будетъ убитъ близъ Египетскаго моста», чрезъ который тотъ, дѣйствительно, часто ходилъ въ одно знакомое ему семейство и возвращался оттуда ночью одинъ и болѣею частью пѣшкомъ. Теперь, впрочемъ, кажется, можно уже безъ обиняковъ сказать, что этотъ угрожаемый сотрудникъ былъ не кто иной, какъ я самъ, пишущій эти строки.

Но возвращаемся къ Бенни. При всѣхъ этихъ допросахъ, угрозахъ и заявленіяхъ «депутатовъ молодого поколѣнія» Бенни опять вдругъ потерялъ свою деликатную выдержанность и забылся до рѣзкости. Послѣ попытки разъяснить «депутатамъ молодого поколѣнія», что они не умѣютъ читать по писанному, что взволновавшая ихъ статья самымъ искреннимъ образомъ направлена въ защиту студентовъ отъ клеветы, а не въ обвиненіе ихъ, Бенни назвалъ депутатовъ людьми, лишенными смысла и выпроводилъ ихъ отъ себя вонъ довольно безцеремоннымъ образомъ. Но тутъ, пылкій и неуправляемый въ преслѣдованіи всѣхъ своихъ цѣ-

лей, Бенни опять выкинулъ штуку, очень благонамѣренную, но которая была понята Богъ знаетъ какъ и снова причинила ему много досады и горя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Освободясь отъ депутатовъ молодого поколѣнія, Бенни немедленно же отправился къ бывшему въ то время с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру Анненкову съ самою странною и неожиданною просьбою, объясняемою единственно лишь только пылкостью характера Бенни и его относительнымъ незнаніемъ петербургскихъ нравовъ. Не упоминая, разумѣется, ни одного слова о приходившей къ нему съ угрозами депутаціи молодого поколѣнія, Бенни просилъ генерала Анненкова, во вниманіе къ распространившимся въ столицѣ ужаснымъ слухамъ, что въ поджогахъ Петербурга принимаютъ участіе молодые люди, обучающіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дать этимъ молодымъ людямъ возможность разрушить эти нелѣпыя и вредныя толки, образовавъ изъ себя на это смутное время волонтеровъ для содѣйствія огнегасительной командѣ. Бенни доказывалъ оберъ-полицеймейстеру Анненкову, что мѣра эта совершенно безопасна и дозволяется почти вездѣ за границею, да и у насъ въ Ригѣ, а между тѣмъ она и усилитъ средства огнегасительной команды, когда будетъ являться въ помощь ей на пожары, и въ то же самое время докажетъ, что у молодыхъ людей, изъ которыхъ она будетъ наберѣвана, нѣтъ ничего общаго съ зажигателями. Въ священной простотѣ своей Бенни, объясняя свой планъ генералу Анненкову, ни на минуту не сомгѣвался, что молодые люди, о которыхъ онъ хлопоталъ, такъ и кинутся въ волонтеры-гасители. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ кружкахъ, гдѣ распорядились отъ лица «молодого поколѣнія», не было и малѣйшаго поползновенія оправить и очистить студентовъ отъ подозрѣній, а напротивъ, вся забота состояла въ томъ, чтобы представлять самихъ себя въ *опасномъ положеніи*, чтобы только свирѣпѣть и злобствовать, выводя изъ всѣхъ этихъ пустяковъ необходимость непримиримой вражды... Съ кѣмъ и за что? — тогда разобрать было невозможно. Между же тѣмъ не совсѣмъ укладистая мысль Бенни не была вдругъ отвергнута оберъ-полицеймейстеромъ. Генераль Анненковъ попросилъ Бенни изложить

его мысль о волонтерах на бумаге, и Бенни подать объ этом генералу обстоятельную записку, и, в течение не-котораго времени, осуществление волонтерской команды ка-залось возможнымъ. Въ это время «Пчела» эту мысль под-держивала, а другія тогдашнія петербургскія газеты (впро-чемъ не всѣ) вдругъ ополчились противъ хлопотъ Бенни и нашли въ нихъ иѣчто столь смѣшное и вредоносное, что не давали ему прохода. Всегда отличавшаяся близору-костью и полнымъ отсутствіемъ политическаго такта, сати-рическая газета «Искра» хохотала надъ этою затѣею учре-дить волонтеровъ, и мало того, что издѣвалась надъ нею въ прозѣ и въ стихахъ, она еще рисовала Бенни разъ-ѣзжающимъ на пожарной трубѣ вмѣстѣ съ другими сотру-дниками «Пчелы», которые не принимали въ этихъ хлопот-ахъ Бенни ни малѣйшаго непосредственнаго участія. Дѣло было осмѣяно, студенты въ него теперь не пойдутъ. Все замущено и одурачено, никто не разбереть, что хорошо и что дурно... Этого только и надо! Встрѣтивъ такое проти-водѣйствіе своей мысли не со стороны администраціи, а со стороны прессы—откуда Бенни, въ святой простотѣ сердца, ждалъ только одной поддержки, онъ даже растерялся отъ этой безтактности, казавшейся ему совершенно невозможною. Осмѣянный и обруганный, онъ бросилъ всѣ свои хлопоты о волонтерной командѣ и опять взялся за свой кандидат-скій экзамень, съ цѣлю сдать его и, со временемъ, искать мѣста присяжнаго повѣреннаго при ожидавшихся тогда новыхъ судахъ. Съ этихъ поръ Бенни рѣшилъ—было совѣмъ удалиться отъ всякихъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей. Но живая, впечатлительная натура его, при полномъ от-сутствіи всякой устойчивости, не позволяла ему и на этотъ разъ остаться въ сторонѣ отъ вопросовъ дня, волновав-шихъ тогдашнихъ хлопотуновъ. Въ это время въ Петер-бургѣ разгорался такъ - называемый «женскій вопросъ». Бенни непременно надо было попасть и сюда; надо было впутаться и въ этотъ «вопросъ», имѣвшій для него впе-слѣдствіи болѣе роковое значеніе, чѣмъ всѣ его прежнія предпріятія.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Многимъ извѣстно, что какъ только здѣсь, въ Петер-бургѣ, былъ поднятъ «женскій вопросъ», онъ тотчасъ же

не избѣжалъ общей участи многихъ вопросовъ, обращенныхъ въ шутовство, съ которымъ дѣятелямъ того времени удалось сблизить и общественную благотворительность, и обученіе грамотѣ народа, и даже безстрастное преподаваніе естественныхъ наукъ и многое другое. Пока въ петербургскихъ журналахъ печатались разные теоретическія соображенія насчетъ новаго устройства женскаго пола, въ жизни практической объявились нѣкоторые специалисты по женской части. Эти практиканты начали направлять бездомовныхъ и отбившихся отъ семействъ женщинъ въ типографіи. Чтò за выгодную статью видѣли эти люди въ типографской работѣ и почему наборщицество казалось имъ, напримѣръ, прибыльнѣе часовщицества, гравированья, золоченья и другихъ ремеслъ, въ которыхъ женщина вполне можетъ конкурировать съ мужчиной?—это такъ и остается ихъ тайною, а полицію это предпочтеніе типографскаго труда натолкнуло на подозрѣніе, что тутъ дѣло идетъ не о женскомъ трудѣ, не объ обезпеченіи женщинъ, но объ ихъ сообщничествѣ по прокламаторской части. Это была почти самая первая и едва ли не самая большая и вредная ошибка со стороны администраторовъ женскаго вопроса, но крайней мѣрѣ съ этого начинались подозрительные взгляды на трудъ женщинъ. Но теоретиковъ никакое подозрѣніе не образумливало, а только сердило, и они еще болѣе утверждались въ убѣжденіи, что приученіемъ женщинъ работать въ типографіяхъ можно достигъ благотвѣльной реформы въ судьбахъ русской женщины и положить начало практическому разрѣшенію женскаго вопроса. Специалисты-практиканты взяли все это осуществить. Здѣсь не мѣсто разсказывать, сколько тутъ было обличено лжи, безнравственности и притворства, и какъ не велико было число людей, искренно готовыхъ принести какія бы то ни было жертвы на пользу женщинъ. Именно, ихъ можно бы даже безъ затрудненія всѣхъ пересчитать здѣсь по пальцамъ, и они давно отмѣнены отъ толпы шарлатановъ, искавшихъ въ этой суматохѣ только лишь случаевъ ренетилловски «пошумѣть» во имя женскаго вопроса (очень часто во вредъ дѣлу), или просто съ цѣлію пользоваться труднымъ положеніемъ женщинъ, когда тѣ, отбившись отъ семей и отъ преданій, охранявшихъ ихъ женственность, увидятъ себя на распутии, безъ средствъ и безъ положенія. Бѣ сожалѣ-

нію, со стороны многихъ людей это было то же самое мірское лукавство, отъ котораго женщина страдаетъ повсюду. Волки только надѣли овечьи шкурки... Число искреннихъ людей, желавшихъ собственно облегчить тяжкій женскій заработокъ, въ столицѣ было самое маленькое, и Бенни былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ небольшомъ числѣ. Онъ началъ съ того, что ввелъ въ редакцію «*Съверной Пчелы*» нѣсколько дамъ и дѣвицъ въ качествѣ переводчицъ. Особы эти должны были работать подъ его надзоромъ, но работы, къ сожалѣнію, дѣлалось очень мало... Большое помѣщеніе, которое имѣлъ Бенни при редакціи, въ домѣ Греча, съ этихъ поръ каждый день было переполнено мужчинами, которые сюда были введены В. А. Слѣпцовымъ, чтобы могли видѣть, какъ онъ будетъ «учить и воспитывать дамъ». Съ этихъ поръ по всѣмъ комнатамъ, во всѣхъ углахъ раздавались жаркіе дебаты о правѣ женщинъ на трудъ, а на всѣхъ рабочихъ столахъ красовались курительный табакъ, папиросныя гильзы, чай и самыя спартацкія, но самыя употребительныя здѣсь яства: молоко и норвежскія сельди. Неисповѣдимымъ путемъ всеохраняющаго Провидѣнія угодню было, чтобы селедки, плавая въ молокѣ, въ желудкахъ милыхъ дамъ и благородныхъ мужчинъ «греческой фаланстеры» не причиняли ни малаго вреда питавшимся ими дѣтелямъ. Работою здѣсь серьезно никогда не занимались; ею только изрѣдка пошаливали двѣ изъ посѣщавшихъ редакцію дамъ, но и то работа эта, большею частію, была никуда негодная: Бенни все передѣлывалъ самъ и только отдавалъ работницамъ мнимо слѣдовавшей имъ гонораръ. Бенни вскорѣ же увидѣлъ, что изъ его усилій создать женскую atelier не выходитъ ничего похожаго на atelier, но терпѣлъ ее въ томъ видѣ, какой она принимала по волѣ и по вкусамъ приходившихъ развивателей. До чего это дошло бы?—это предсказать трудно; но, на счастье Бенни, atelier его скоро стала разсыпаться: двѣ изъ его работницъ, обладавшихъ бѣльшею противъ другихъ практичностью и милосердіемъ, вышли замужъ церковнымъ бракомъ за инглистничавшихъ богатыхъ юношей (одна изъ нихъ теперь даже княгиня), а остальные, обладавшія меньшею практичностью, устроились менѣе прочно, но все-таки и эти, наскучивъ такъ-называвшимся «бенниевымъ млекомъ», мало-по-малу оставили его atelier. Самъ же Бенни въ это время доду-

мался, что нужно заботиться о томъ, чтобы приурочить къ труду *простыхъ* женщинъ, а не барышень и не барынь, въ которыхъ онъ разочаровался.

Бѣдный Бенни и не воображалъ, что «простая русская женщина» уже и безъ него давно такъ приурочена къ труду, что на нее не только нельзя ничего накидывать, но, напротивъ, давно надо позаботиться, чтобы избавить эту женщину хотя отъ части ея трудовъ. Крайнее непониманіе жизни, врожденная легкомысленность и отвычка вдумываться въ дѣло, прибрѣтенная двухлѣтнимъ вращеніемъ среди вопросовъ, не составляющихъ вопроса, пустила Бенни увлекаться по этому пути заблужденія. Да и это бы еще ничего, но онъ пошелъ увлекать на этотъ путь тѣхъ, которыя имѣли неосторожность на него полагаться. На зарабатываемыя своимъ литературнымъ трудомъ деньги, Артуръ Бенни прибрѣлъ четыре типографскихъ реала и поставилъ за нихъ четырехъ наборщицъ. Дѣвушки, начавшія учиться за этими реалами типографскому дѣлу, были: одна—бѣдная швея, не имѣвшая о ту пору работы, другая—бѣдная полька, жившая субсидіями Огрызко, третья—бѣдная дворянка, дочь едва двигавшей ноги старушки, которую дочь содержала своими трудами, а четвертая—капризная подруга одного изъ мелкобуржуазныхъ писателей. Но съ этими женщинами у Бенни тоже дѣло не пошло, да и не могло идти, какъ не шли всѣ его предпріятія, потому что Бенни, котораго простодушные люди считали хитрымъ, былъ легкомысленъ, какъ дитя. Онъ, этотъ траги-комическій, «натурализованный англійскій субъектъ», пришедшій къ намъ съ мыслию произвести социальное-демократическое переворотъ въ Россіи, сдѣлавшись антрепренеромъ четырехъ типографскихъ реаловъ изъ чужой типографіи, выказалъ такую неспособность организовать работу, что это новое его серьезнѣйшее предпріятіе обратилось въ самый смѣшной анекдотъ. Оказалось, что Бенни не только не имѣлъ и такой основательности, какаѣ непременно бываетъ у каждаго мелкаго ремесленника, открывающаго маленькую собственную мастерскую, но что у него не было даже предусмотрительности босоногого деревенскаго мальчишки, сажающаго, для своей потѣхи, въ клѣтку чижа или щегленка. Тотъ, сажая птичку, заботится принасти для ея продовольствія горсть конопель или проса, а Бенни взялъ четырехъ совершенно

бѣдныхъ женщинъ съ условіемъ доставлять имъ содержаніе до тѣхъ поръ, пока онѣ выучатся и станутъ печатать книги, и упустилъ изъ виду, что это содержаніе вовсе не дебаты о трудѣ, а нѣчто вещественное, что его надо было своевременно приобрести и запасти. Онъ не сообразилъ, что ученицы, шедшія къ нему на определенное готовое положеніе, были совсѣмъ не то, что прежнія его сотрудницы, барышни-переводчицы, хотя и получавшія задѣльную плату съ переведенной строчки, но имѣвшія все-таки кусокъ хлѣба и безъ этого заработка. Его новымъ, бѣднымъ работницамъ надо было давать четвертымъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, хотя бы онѣ не выработали и на восемьдесятъ копеекъ.

Имѣя возможность зарабатывать въ ежедневной газетѣ отъ 300 до 500 рублей въ мѣсяцъ, Бенни, конечно, не зарывался, считая себя въ силахъ давать своимъ ученицамъ ежемѣсячно восемьдесятъ рублей, — онъ могъ давать имъ эти деньги; но онъ упустилъ изъ вида одно важное условіе, что для полученія денегъ онъ долженъ былъ продолжать работать, а ему въ это время стало не до работы. Пока Бенни учреждалъ свою женскую типографію, другой литераторъ (имя котораго всецѣло принадлежитъ исторіи комическаго времени на Руси) учредилъ въ Петербургѣ упомянутую въ «Панурговомъ стадѣ» г. Крестовскаго «коммуну», гдѣ поселилось на общежительство нѣсколько молодыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ въ эту коммуну изъ Москвы женскихъ членовъ была одна дѣвица изъ очень хорошаго московскаго дома. Ей суждено было произвести на Бенни то сильное и неотразимое впечатлѣніе, которое на человѣческомъ языкѣ называется любовью...

Дѣвушка эта, надѣленная отъ природы очень способною головою, но безпокойнѣйшимъ воображеніемъ, не поладивъ съ порядками родительскаго дома, пріѣхала изъ Москвы съ намѣреніемъ жить въ Петербургѣ своимъ трудомъ.

Справедливость требуетъ, упоминая здѣсь объ этой дѣвушкѣ, замѣтить, что тотъ бы очень погрѣшилъ, кто сталъ бы думать о ней, какъ позволяли о себѣ думать нѣкоторые другія, шедшія тою дорогою, на которой оказалась и она. Дѣвица К. была личность юная, чистая, увлекавшаяся пламенно, но по разуму своему скоро обнимавшая вопросъ съ разныхъ сторонъ и съ тѣхъ поръ страдавшая сомнѣніями,

обращавшимися для нея въ нравственныя пытки. Безукоризненная чистота ея образа мыслей и поведенія всегда были превыше всякихъ подозрѣній, но она несла разные подозрѣнія и несла ихъ въ молчаливомъ и гордомъ покоѣ, въ которомъ эта «маленькая гражданка» (какъ мы ее называли) была чрезвычайно интересна. Она, подобно Бенни, глубоко и искренно вѣрила въ то, чѣмъ увлекалась, и Артуръ Бенни сразу же это отмѣтилъ въ ней и... полюбилъ ее. Бенни устремился угождать ей отыскиваніемъ для нея переводной работы, исправленіемъ ея переводовъ и ихъ продажей. Потомъ, когда уставщикъ коммуны однажды неосторожно оскорбилъ эту дѣвушку, явись въ ея комнату въ костюмѣ, въ которомъ та не привыкла видѣть мужчинъ, живучи въ домѣ своего отца, — она заподозрила, что въ коммунахъ идетъ дѣло не объ усиленномъ трудѣ сообща и, возставъ противъ нравовъ коммуны, не захотѣла болѣе жить въ ней. Понадобились хлопоты Бенни объ устройствѣ оскорбленной дѣвушки въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Все это требовало времени и денегъ, а работа не дѣлалась; заработковъ у Бенни не было и четыре, засаженные имъ въ типографію, пташки оставались безъ корма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Такимъ образомъ, типографское предпріятіе Артура Бенни и его покровительство русскимъ женщинамъ постигла участь всѣхъ прежнихъ предпріятій этого увлекашагося юноши: оно не годилось съ самаго начала. Ученицамъ нечего было вѣсть. Бенни дѣлился съ ними, онъ отдавалъ имъ, что было. А у него, при его бездѣйствіи, бывали ничтожныя рублишки и то не во всякое время. Все это, разумѣется, ничего не помогало. Въ среднѣхъ ученицъ произошло иѣчто въ родѣ возстанія, которымъ въ качествѣ литературной ламы предводительствовала подруга писателя. Она не хотѣла слышать ни о какихъ отсрочкахъ и, на второмъ же мѣсяцѣ, шумно покинула кооперативное учрежденіе. Три остальные были терпѣливѣе и выносливѣе, но однако, мало-помалу, и онѣ отстали. Швея ушла шить; полька ушла «до familii», а одна продолжала ходить и училась, питаясь Богъ вѣсть чѣмъ, какъ птица небесная. Она выдержала такъ четыре мѣсяца и поступила потомъ корректоромъ въ другую типографію. Засимъ исчезъ и слѣдъ женской типо-

графіи Артура Бенни и на мѣстѣ ея стала «мерзость запустѣнія».

Въ это время Бенни постигла тяжелая болѣзнь и нищета, къ которой онъ привелъ себя предшествовавшимъ своимъ поведеніемъ и изъ которой, упавъ духомъ, не могъ выбиться до самой высылки его, по рѣшенію сената, за русскую границу, въ качествѣ «англичанина». Средства, къ которымъ Артуръ Бенни прибѣгалъ для того, чтобы, имѣя нѣкоторый талантъ и знанія, при отнѣнной трезвости и добросовѣстности въ работѣ, доходить, порою, до неимѣнія хлѣба и носильнаго платья, были самыя оригинальныя.

Безкорыстное служеніе Бенни неспособнымъ переводчицамъ, его возня съ капризными жилищами коммуны, его женская типографія и вообще многіе другіе его поступки, свидѣтельствовавшіе о его безконечной простотѣ и добротѣ, обратили на него вниманіе нѣкоей литературной черни, рѣшившей себѣ, что «онъ Филимонъ простота». У Бенни была большая квартира: у него былъ или бывалъ иногда кое-какой кредитъ; онъ одинъ, съ его начитанностію и съ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, могъ заработать втрое болѣе, чѣмъ пять человекъ, не приготовленныхъ къ литературной работѣ. Пятеро изъ людей такого сорта (одинъ неокончившій курса студентъ, одинъ вышедшій въ отставку кавалерійскій офицеръ, одинъ лѣкарь изъ малороссіянъ, одинъ чиновникъ и одинъ, впоследствии убитый въ польской бандѣ, студентъ изъ поляковъ) устремились овладѣть священнѣйшею простотою Бенни, чтобы жить поспокойнѣе на его счетъ. Устремились они къ этому довольно одновременно, такъ что ни одному изъ нихъ не удалось обратить Бенни въ свою исключительную частную собственность. Понимая другъ друга, какъ рыбакъ рыбака, и боясь одинъ другого, какъ іезуитъ іезуита, достопочтенные люди эти рѣшились, скрѣпя сердца свои, владѣть Артуромъ Бенни сообща, въ компаніи, на коммунистическихъ началахъ. Они склоняли его къ мысли устроить у него мужскую atelier. Бенни и въ этомъ не отказалъ, и коммунисты поселились у него всѣ разомъ. Условіемъ этой однополой коммуны было, чтобы никому между собою ничѣмъ не считаться. Кто что зарабатываетъ, кто что принесетъ, кто что истратитъ, чтобы все это было безъ контроля и безъ счета. Бенни вѣрилъ, что это гораздо болѣе по-русски, чѣмъ въ общежительной

коммуны, откуда бѣжала «маленькая гражданка», и гдѣ каждый бралъ заработки въ свои руки, а только лишь расходы велись сообща. Это и точно вышло по-русски. Наглости артельщиковъ Бенни не было и не можетъ быть ничего равнаго и подобнаго. Это ничего почти не выразить, если мы, по сущей справедливости, скажемъ, что сожителю его обирали, объѣдали, опивали, брали его послѣднее бѣлье и платье, дѣлали на его имя долги, закладывали и продавали его завѣтныя материнскія вещи,—они лишали его возможности работать и выгоняли его изъ его же собственной квартиры. Чтобы передать хотя сотую долю того, что продѣлывали съ этимъ добрѣйшимъ человѣкомъ поселившимся у него лже-соціалисты, надо писать томы, а не одинъ очеркъ, и притомъ надо быть увѣреннымъ, что пишешь для читателя, который хотя сколько-нибудь знакомъ съ нравами подобныхъ дѣятелей, свирѣпствовавшихъ въ Петербургѣ въ эпоху комическаго времени на Руси. Иначе каждый человѣкъ, не видавшій подобныхъ вещей, подумаетъ, что ему рассказываютъ вымыселъ и сказку,—такъ все это, поистинѣ, чудно и невѣроятно. Если бы Бенни не велъ своего дневника и не оставъ онъ никакихъ бумагъ, то трудно, можетъ-быть, было бы рѣшиться рассказать и то, что до сихъ поръ рассказано въ этой «*Беннеидѣ*»; но, благодаря этимъ бумагамъ, когда-то объявятся міру еще не такія чудеса «комическаго времени» и, читая ихъ, конечно, не одинъ потомокъ вздохнетъ и покраснѣетъ за своего предка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Еще разъ приходится упомянуть, что Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*. Хотя собственно это его личное дѣло, но объ этомъ нельзя не упомянуть, потому что этимъ объясняется нѣчто такое, о чемъ наступаетъ очередь рассказывать. До высылки Бенни изъ Россіи, многіе, близко знавшіе этого юношу, знали и его цѣломудренность. Такой цѣломудренности лучшая изъ матерей могла бы пожелать своей нѣжно-любимой дочери, и дѣвушка эта имѣла бы право называться скромнѣйшею изъ дѣвицъ своего времени. Артуръ Бенни не только не любилъ никакого нескромнаго слова и смущался при видѣ обнаженной женщины на картинѣ, но онъ положительно *страдалъ* отъ всякаго нескромнаго разговора и не разъ горестно жаловался на это автору

настоящихъ записокъ. Говоря о женщинѣ (знакомой или незнакомой—это все равно), но говоря о ней цинично, какъ иные любятъ говорить, думая, что это очень интересно, Бенни можно было довести или до слезъ, или до столбняка, что не разъ и случалось. Артельные сожители Артура Бенни знали за нимъ это и создали ему изъ его стыдливости нравственную пытку. Имъ претила его нравственная чистота и его несносная для нихъ цѣломудренность. Они начали толковать, что этотъ «порокъ» мѣшаетъ Бенни быть полезнымъ дѣятелемъ.

— Онъ не шпионъ, а онъ михрютка, не знающій, гдѣ раки зимуютъ,—сказаль о немъ однажды всей его компаніи одинъ беллетристъ, имѣвшій одно время значеніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ «общественной коммунѣ».—Оттого,—говорилъ беллетристъ,—и всѣ дѣяствія Бенни странныя, оттого-де онъ и выходитъ такимъ шутомъ. Это можно, молъ, доказать и съ физиологической точки зрѣнія: посмотрите-де только на старыхъ дѣвушекъ и монахинь, и т. п.

Беллетристъ резонироваль бархатнымъ баскомъ; ему внимали его сателиты и нашли, что все имъ сказанное на эту тему, дѣйствительно, очень умно и резонно. Поопряемый такимъ сочувствіемъ, ораторъ и дѣятель заключилъ, что Бенни надо *перевоспитать*, что изъ него «надо выбить дурь англійской морали» и сдѣлать изъ него такого чловѣка, какъ всѣ они. Рѣшеніе это тотчасъ же было принято всѣми сожителями Бенни, крайне заинтересовавшимися, на этотъ разъ, бѣдственною судьбою своего кормильца. Проживавшая на хлѣбахъ у Бенни артель давно тяготилась отсутствіемъ въ ихъ казармѣ женскаго элемента. Правда, приходили туда къ нимъ иногда въ гости нѣкоторыя дамы, но онѣ должны были и уходить оттуда съ чинностью, къ которой, волей-неволей, обязывало ихъ присутствіе скромнаго хозяина. Нахлѣбники Бенни находили, что это, со стороны ихъ хозяина, даже своего рода деспотизмъ, что такимъ образомъ, черезъ его чудачества ихъ собственная, дорогая имъ жизнь утрачиваетъ очень много своей прелести и «греческая фаланстера» (какъ называли сами они квартиру Бенни), теперь, по его милости, скорѣе не фаланстера, а раскольничій скитъ, да еще съ скопцомъ игуменомъ. Теперь рѣшено было, что все это дѣйствительно не-

сносно, и что необходимо, чтобы съ этого же дня все здѣсь пошло по-другому. Составленъ былъ планъ, какъ дѣйствовать на Бенни. Молодецъ, руководившій всѣмъ этимъ дѣломъ, прежде всего вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ измѣнить свое обращеніе съ Бенни. До сихъ поръ всѣ знавшіе Бенни остерегались при немъ всякихъ скабранныхъ разговоровъ, циническихъ выходокъ и словъ, которыхъ Бенни не переносилъ; теперь было рѣшено «ошколить его» и приучить его *ко всему*. Начать это положено было немедленно же, даже съ сего же дня, если только Бенни сегодня возвратится, пока не улягутся спать. Бенни былъ легокъ на поминѣ и позвонилъ въ то самое время, когда его артель и гости закусывали. Заслышавъ его голосъ, нахлѣбники переглянулись, они оробѣли — почувствовали, что все-таки они, мимо воли своей, уважаютъ нравственную чистоту Бенни. Но усталыиъ-беллетристъ былъ гораздо наглѣе и оживилъ своимъ примѣромъ смѣлыхъ на словахъ, но на самомъ дѣлѣ оробѣвшихъ, нахлѣбниковъ Бенни.

«Натурализованному англійскому субъекту» готовился всего менѣе имъ ожидаемый русскій спектакль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

— А, Бея!—воскликнулъ беллетристъ навстрѣчу вошедшему хозяину, и запѣлъ: «Ахъ, гдѣ ты была, моя не чужая?» Хоръ смѣтилъ, что нужно поддержать, и подхватилъ:

«Ахъ, гдѣ-жъ ты была,
Завалилася?
На дырявомъ я мосту
Провалилася.
А чортъ тебя несъ
На дырявый мость!
А чортъ тебя несъ
На дырявый мость!»

Бенни сконфузился: его за это постыдили и завели съ нимъ срамной разговоръ. Онъ ушелъ, со слезами на глазахъ, въ другую комнату, сѣлъ надъ столомъ и закрылъ ладонями уши. Къ нему подошла вся компанія и хватила надъ нимъ:

«Ой ты куда, куда, бѣжъ, ползешь?
Ты куда, куда, таковский сынъ, идешь?»

Безстыдная пѣсня все развивалась. развивалась и, на-

конецъ, выговорила слова неистовѣйшаго разврата. Бенни вскочилъ, бѣгомъ бросился въ свою небольшую рабочую комнатку, схватилъ томикъ Лонгфелло и началъ читать, скоро и громко читать, чтобы не слышать, что поютъ въ его квартирѣ, «въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ стоитъ портретъ его матери!» Это ему казалось ужасно. Это перевертывало въ немъ все понятія о человѣкѣ и человѣческой натурѣ; а тутъ анекдотъ за анекдотомъ, пошлость за пошлостію, и воспитатели твердою стоею входятъ и въ послѣднее убѣжище Бенни. Книжка выпала у него изъ рукъ; онъ сѣлъ на кровать и устремилъ глаза на вошедшихъ. Тѣ стояли передъ нимъ и распѣвали, какъ шелъ съ кумою кумъ, и какъ оба они спотыкнулися, и что отъ того сдѣлалось. У Бенни не было уже энергіи, чтобы встать и выбросить за двери этихъ людей, нарушавшихъ его спокойствіе и отравлявшихъ его жизнь. Онъ только силился помнить слова Лонгфелло и не слышать за его словами словъ пѣсни про кума и куму; но наша доморожденная русская муза одолѣла американскую. Бенни прослушалъ все упреки кумы и многократно, на разные тоны, повторенное оправданіе передъ нею кума:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся.»

Пѣвцы, увлеченные своимъ пѣніемъ, не замѣчали остолбенѣлаго взгляда, который устремилъ на нихъ злополучный Бенни, и варьировали этотъ конецъ, долго и старательно выработывая:

«А ты, кума Матрена,
А ты, к-у-м-а М-а-т-р-е-п-а,
А ты, к-у-м-а М-а-т-р-е-п-а,
Не подвертывайся!»

Но когда раскатилась послѣдняя рулада и пѣсня была спѣта, оказалось, что она была пѣта истукапу: Бенни не слышать и не видалъ ничего—онъ былъ въ жесточайшемъ столбникѣ.

Засимъ, разумѣется, понадобился докторъ, а воспитатели, удивленные нѣсколько страннымъ результатомъ своего перваго урока, разошлись, пожимая плечами и повторяя съ улыбкою:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся.»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но и на этомъ еще суждено было не кончиться злослюченіямъ Бенни. Непосредственно вслѣдъ за этою встрѣйкою онъ заболѣлъ очень серьезною болѣзною и дошелъ до того крайняго обнищанія, въ которомъ тянулъ уже все послѣдующее время, пока его, по иску полковника Сверчкова и портного мастера Федора Андреева Степанова, посадили за долгъ въ 369 р. въ долговую тюрьму, а изъ той перевели въ тюрьму политическую.

Едва Бенни оправился отъ своего столбняка и начиналъ понемногу входить въ себя, какъ однажды, ночью, въ его большую, одинокую квартиру (изъ которой артель его, липась, во время болѣзни Бенни, всякаго провіанту, немедленно же разбѣжалась), является къ нему одна дама, бывшая у него въ ученицахъ типографскаго искусства. Она чѣмъ-то поразладила съ мужемъ и, въ порывѣ гнѣва и раздраженія, явилась къ Бенни, съ просьбою дать ей у него ночлегъ. Строгое понятіе Бенни о нравахъ и приличіи было шокировано этимъ до послѣдней степени; но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что нельзя же отослать женщину, приходящую среди ночи искать себѣ пріюта. Бенни поручилъ свою гостью попеченіямъ своей горничной дѣвушки, нѣкогда многоизвѣстной здѣсь въ нѣкоторыхъ кружкахъ московской чудихи и добрячки Прасковьи, а самъ тотчасъ же одѣлся, взялъ у перевозчика, на сенатской набережной, яликъ и уѣхалъ на взморье. Цѣлую ночь онъ простоялъ противъ Екатерингофа, глядя, какъ рыбаки ловили рыбу, и возвратился домой, когда уже былъ день. Въ слѣдующую ночь онъ уже надѣялся имѣть возможность спать въ своей постели, ибо вчерашнее нашествіе считалъ возможнымъ только разъ, въ минуту крайней растерянности. Но, возвратясь на другой день домой, около двѣнадцати часовъ ночи, онъ опять засталъ у себя свою вчерашнюю гостью, и... *чтобы избавить ее отъ всякихъ подозрѣній*, опять, по-вчерашнему же, провелъ ночь на яликѣ, на взморьѣ, противъ Екатерингофа. Двое сутокъ безъ сна и двѣ ночи, проведенныя на водѣ, подъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ и сырыми зорями, сказались Бенни страшною простудою, которую онъ почувствовалъ на третій же день и въ тотъ же день слегъ въ постель, чтобы не вставать съ

нея очень долго. Болѣзнь у него была весьма серьезная и сложная, средствъ для лѣченія не было почти никакихъ; други и пріятели всѣ его оставили, и онъ лежалъ одише-некъ, поддерживаемый единственною заботливостію той же его служанки, простой московской крестьянской женщины Прасковьи, да безкорыстнымъ участіемъ вступившаго въ его спасеніе нынѣ весьма извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Веніамина Тарновскаго (въ ту пору еще молодого медика). Изъ всѣхъ людей, съ которыми Бенни съ полнымъ великодушіемъ дѣлился всѣмъ, чѣмъ могъ по-дѣлиться, его не вспомнилъ никто или, по крайней мѣрѣ, никто не вспомнилъ его съ тѣмъ, чтобы заплатить ему хотя малѣйшею внимательностію за его услуги, а вспомнили его одинъ разъ три друга, но только для того, чтобы забрать у больного послѣднія его вещи, имѣвшія хотя какую-нибудь цѣнность. Самое носильное платье его было со скандаломъ спасено отъ этого расхищенія тою же его служанкою Прасковьею. При самой постели тяжело больного Бенни эта московская баба Прасковья *дралась* съ социалистами, отнимая у одного прежняго сожителя Бенни послѣднюю теплую вещь, которую она одѣвала стывшія ноги больного и которую тѣ сняли и хотѣли реализовать... Это не прикрасы: это истинное событіе, которое знаютъ многіе люди.

Такъ одинокій Бенни предоставленъ былъ своей роковой судьбѣ. Онъ обмогался медленно и плохо. Во время его болѣзни послѣднія вещи его, убереженныя отъ расхищенія, пошли въ залогъ; силы его почти не возвращались. Онъ постарѣлъ за эту болѣзнь на десять лѣтъ; лицо его получило рановременныя глубокія морщины, прекрасные черные глаза его потухли, изо рта выпали почти всѣ передніе зубы. Отъ бѣднаго бѣленькаго бабупкинаго козлика, дѣтство котораго такъ холили и нѣжили въ чистенькомъ домикѣ уважаемаго томашовскаго пастора, оставались лишь ножки да рожки. Онъ буквально слегъ юношею, всталъ старцемъ. Вдобавокъ же ко всему этому, чтобы не былъ нарушенъ непостижимый законъ, по которому бѣды не бродятъ въ одиночку, а ходятъ толпами, дѣла газеты, отъ которой Бенни хотя и отсталъ, но въ которую все-таки могъ бы работать снова, получили самый дурной оборотъ.

Воскресши изъ мертвыхъ послѣ своей болѣзни, Бенни

еще разъ тяжко сознавалъ свои ошибки и тяготился вос-
помянатиемъ о времени, убитомъ имъ съ русскими рево-
люціонерами и социалстами. Его вѣра въ русскихъ пред-
принимателей получала ударъ за ударомъ: въ это время
нѣкто ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда роковое извѣ-
стіе, которому, кажется, невозможно бы и вѣрить: новость
заключалась въ томъ, что извѣстный сотрудникъ «*Совре-
менника*» Г. З. Е—сѣвъ былъ у М. Н. Каткова и просилъ
последняго принять его въ число его сотрудниковъ, но...
получилъ отъ г. Каткова отказъ. Бенни былъ этимъ жестоко
смущенъ: онъ, говоря его словами, всегда вѣрилъ, что
«если людишки и плохи, то между ними все-таки *два чело-
вѣка* есть». Эти два челоѣка, по его мнѣнію, были г.
Чернышевскій и г. Е—сѣвъ, изъ которыхъ съ послѣднимъ
Бенни лично даже едва ли былъ знакомъ, но объ обоихъ
имѣлъ самое высокое мнѣніе, и вотъ одинъ изъ нихъ, са-
мый крѣпкій, г. Е—сѣвъ, — идетъ и предается Каткову,
котораго имени Бенни не могъ переносить съ тѣхъ поръ,
какъ онъ самъ являлся къ редактору «*Московскихъ Вѣдо-
мостей*».

...Но этимъ еще все зло не исчерпывалось: помимо
ввергавшаго Бенни въ отчаяніе обстоятельства, что Г. З.
Е—сѣвъ искалъ сотрудничества при изданіяхъ М. Н. Кат-
кова, оказалось, что этого же добивался у редакторовъ
«*Московскихъ Вѣдомостей*» и самъ Н. Г. Чернышевскій и
что искательства этого тоже были отклонены... Бенни бѣ-
галъ, освѣдомлялся, возможно ли, слышано ли что-нибудь
подобное, и узналъ, что все это и возможно, и слышано. Съ
этой поры его все поражало: онъ, напримѣръ, было «пора-
жень», что Вас. Ст. Курочкинъ писалъ во время крымской
обороны патріотическіе стихи, обращавшіе на него взы-
скующее вниманіе начальства, а Григорій Захарьевичъ
Елисѣевъ сочинилъ «жизнеописаніе святителей Григорія,
Германа и Варсонофія казанскихъ и свіяжскихъ» и по-
святилъ эту книгу «Его Высокопреосвященству, Высоко-
роднѣйшему Владиміру, Архіепископу казанскому и свіяж-
скому» *). Но что уже совсѣмъ срѣзало Бенни, такъ это

*) Такъ такъ книга эта, можетъ-быть, знакома далеко не всѣмъ,
интересующимся разнообразіемъ дарованій ея автора, то я выпи-
сываю здѣсь обращеніе г. Елисѣева къ владыкѣ казанскому и свіяжскому
при посвященіи ему сего сочиненія. Вотъ отъ слова до слова эти

нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятной Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавие «*Мечты и Звуки*». Я уберечь у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бени переварить не могъ этой книги и негодовалъ за стихи, впрочемъ, еще не особенно несогласныя съ позднѣйшими мечтами и звуками г. Некрасова. Таково, напримѣръ, тамъ стихотвореніе, въ которомъ г. Некрасовъ внушалъ, что:

«Отъ жажды знанья плодъ не сладокъ!
О, не кичись, средь гордыхъ думъ,
Толпой бессмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ: безъ Бога прахъ твой умъ!»

Поэтъ, совѣтуя «мудрецу» не упорствовать и не изнурять себя науками, пѣлъ:

«Не жди, не мучься, не грѣши:
Съ мольбой возмись за трудъ по силѣ,
Путь къ знаньямъ *второй* освяти
И съ этимъ факеломъ къ могилѣ,
Всего отгадчицъ, гради.»

Поучая «мудреца» идти этою дорогою, г. Некрасовъ былъ строгъ и сурово наказывалъ «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти къ «отгадчицѣ»:

«И разлюби родного сына
За отступленье отъ Творца!»

Поэтической просьбы же г. Некрасова къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэтъ боялся, чтобы графъ не былъ слабъ, и умолялъ его «не щадить виновныхъ»,

смущавшія Бени строки: «Высокопресвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Отецъ и Архипастыръ! Съ Вашего архипастырскаго благословенія я началъ трудъ сей; при Вашемъ постоянномъ вниманіи продолжалъ его, Вамъ и приношу сію *малую лепту моего дѣланія*. Высокопресвященнѣйшій Владыко! Примите съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ мое скудное приношеніе, да Вашимъ снисхожденіемъ ободрится къ большимъ трудамъ недостойнство трудящагося. Вашего Высокопресвященства, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря нижайшій послужникъ, казанской Духовной Академіи бакалавръ Григорій Елисеѣвъ». Этотъ тонъ возмущалъ Бени, и мнѣ кажется, что такое посвященіе въ самое дѣлѣ довольно любопытно, какъ для современниковъ автора, такъ особенно для будущаго историка литературы нашего времени, который по достоинству оцѣнитъ искренность литературныхъ трудовъ этого любопытнаго писателя и прозорливость «снисхожденія, одобрявшаго недостойнства трудившагося».

Артуръ Бенни не дождался, да и, по правдѣ сказать, съ него уже довольно было того, что Богъ судилъ ему слышать и видѣть.

Бенни во всей этой нечистой игрѣ съ передержкой мыслей не могъ понять ничего, да и укоримъ ли мы въ этомъ его, чужеродца, если только вспомнимъ, что наши коренные и умные русскіе люди, какъ, напр., поэтъ Щербина, тогда до того терялись, что не знали уже, что оберегать и надъ чѣмъ потѣшаться? Припомнимъ только, что считалъ смѣшнымъ и «комическимъ» Щербина, составитель весьма хорошей, если не самой лучшей книги для русскаго народа, стало — быть человекъ способный болѣе чѣмъ чужеземецъ проникать въ то, что совершалось въ нашей жизни. Покойный Щербина написалъ:

«Когда былъ въ модѣ трубчиствъ,
А генералы гнули выю;
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школъ
Въ судахъ мальчишки засѣдали;
Когда фразистый произволь
«Либерализмомъ» величали;
Когда могъ Ольхинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ;
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Пискаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ С—совъ
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ,—
Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя
*И счастливъ, что незнаемъ былъ
Въ сіе комическое время!»*

Онъ былъ *счастливъ* тѣмъ, что ступевался и спрятался въ «сіе комическое время».

Чѣмъ онъ обстоятельнѣе Артура Бенни и много ли его солиднѣе относился по своему времени?

Но возвращаемся къ герою нашего разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни порою доходилъ то до нервныхъ слезъ, то до отчаянія, то до неоставлявшихъ его столбняковъ, изъ которыхъ два были особенно продолжительны и страшны. Онъ видѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ, одураченъ, разбитъ,

оклеветанъ, смѣщенъ въ разрядъ мальчишекъ, обобранъ и брошенъ въ запометь.

Ради насущнаго хлѣба онъ бросался искать работы повсюду, и тутъ-то онъ увидалъ, что именно было самаго существеннаго въ распространенной на его счетъ гнусной клеветѣ, что онъ будто бы агентъ тайной полиціи и шпионъ. Въ либеральныя или либерально-фразерскія изданія онъ, разумѣется, уже и не покушался идти искать работы; но и изъ тихоструйныхъ петербургскихъ газетъ ни одна не давала ему надежды пристроиться. Онъ обратился къ журналамъ. Первую свою работу (это была очень интересная компиляція) онъ передалъ, черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ, покойному редактору «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкину. Но покойный Дудышкинъ, при всемъ его презрѣніи къ кружкамъ, изъ которыхъ шли толки о шпионствѣ Бенни, однакоже усомнился принять его, и вѣжливо уклонился отъ помѣщенія его работы. Отказъ этотъ былъ сдѣланъ Бенни въ самой деликатной формѣ, подъ обыкновеннымъ редакціоннымъ предлогомъ; но до Бенни дошло, что Дудышкинъ сторонился отъ него по тѣмъ толкамъ, которые о немъ были распущены безцеремонными празднословами, и это для него было очень тяжелымъ ударомъ. Гораздо болѣе терпимости и великодушія оказали Бенни въ редакціяхъ: «*Эпохи*» и «*Библиотеки для чтенія*». Нѣкогда самъ много вытерпѣвшій Ѳ. М. Достоевскій принялъ компиляцію Бенни и заплатилъ за нее, а П. Д. Боборыкинъ даже предложилъ ему постоянныя переводы въ «*Библиотекѣ*». Въ сотрудникахъ того и другого журнала Бенни тоже встрѣтилъ и мягкость, и довѣріе, и самъ обнаруживалъ теплыя тяготѣнія къ Н. Н. Страхову и Н. Н. Воскобойникову. Въ «*Библиотекѣ для чтенія*» всѣми силами хотѣли поддержать Бенни, но все это для него уже было поздно; онъ былъ уже истерзанъ и глядѣлъ не жильцомъ на этомъ свѣтѣ. Два послѣдніе года онъ жилъ въ какомъ-то отупѣніи: обидныя подозрѣнія его мучили и безпрестанно напоминали ему о глупо прожитомъ времени; силы его оставили; у него явилась ко всему глубокая апатія, которой не разсѣвала и его привязанность къ любимой имъ русской дѣвушкѣ, да и эта, полная глубокаго и трагическаго значенія для Бенни, любовь его также его не осчастливила. Напротивъ, полюбя, онъ какъ бы совсѣмъ

растерялся, и, если такъ можно понятно выразиться, какъ бы распался подъ натискомъ незнакомаго ему доселѣ чувства и потерялъ способность чѣмъ бы то ни было заниматься. Цѣлые мѣсяцы онъ не исполнялъ своихъ работъ въ журналъ, и редакція должна была передать эти работы въ другія, болѣе аккуратныя руки. Бенни остался безо всего и жилъ на счетъ займовъ; но, наконецъ, у него опять не стало ни кредита, ни платья, ни квартиры. Онъ проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь въ теченіе цѣлаго мѣсяца и... Богъ его знаетъ въ какомъ состояніи была въ это время его голова и угнетенное несчастливою любовью сердце, но онъ часто говорилъ вздоръ, отвѣчалъ невпопадъ и во все это время мечталъ о томъ, какъ бы освободить изъ Сибири г. Чернышевскаго. Какими средствами надѣялся онъ располагать для исполненія этого плана, это осталось его тайною. Бенни, кажется, въ это время былъ, что называютъ, «не въ полномъ разсудкѣ» и часто много и много плакалъ и молился.

Рано утромъ, въ одинъ весенній день, ночуя у меня въ Коломнѣ, противъ Литовскаго рынка, Бенни былъ взятъ подъ арестъ за долгъ портному Степанову и какому-то г. Вигилянскому, отъ коего вексель Бенни перешелъ къ служившему чѣмъ-то по полиціи полковнику Сверчкову, представившему на него кормовые. Вакансій въ долговомъ отдѣленіи въ это время не было, и Бенни былъ заключенъ въ одиночный казематъ при Спасской части. Въ это время для него ударилъ роковой часъ разлуки съ Россією; онъ не хотѣлъ уходить изъ нея честью,—она выгоняла его насильно.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Изъ-подъ ареста Бенни уже не суждено было выйти на свободу, потому что во время его ареста за долгъ г. Сверчкову и портному Степанову, въ правительствующемъ сенатѣ было рѣшено дѣло Ничипоренки, по оговору котораго Бенни былъ подъ судомъ, и, по сенатскому рѣшенію, состоявшемуся по этому дѣлу, Бенни, за передержательство Кельсіева (въ чемъ, какъ выше сказано, его уличилъ передъ судомъ Ничипоренко), было опредѣлено «подвергнуть его трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и потомъ, какъ иностраннаго подданнаго, выслать за границу, съ воспреще-

шемъ навсегда вѣзжать въ Россію». Самъ Ничипоренко умеръ прежде, чѣмъ состоялось о немъ рѣшеніе, а его спутникъ въ поѣздѣ въ Лондонъ, акцизный чиновникъ Николай Антипычъ Потѣхинъ, былъ освобожденъ, на основаніи отысканнаго въ какихъ-то бумагахъ собственноручнаго письма г. Герцена, въ которомъ было сказано, что все касающееся плановъ г. Герцена, извѣстно лишь только благопадежному Ничипоренкѣ, а г. Потѣхину ничего не открыто, потому что онъ (приводимъ подлинныя слова) «*добрый малый, но болтунъ*». Это выгодное мнѣніе г. Герцена отворило передъ г. Потѣхинымъ заключенныя двери его русской темницы.

Содержаніе подъ арестомъ въ казематѣ съѣзжаго дома Снасской части производило на Бенни ужасное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ арестованъ больной. Подъ арестомъ нервное разстройство его достигло высочайшей степени. Въ маленькой, душной, узенькой каморкѣ, съ крошечнымъ окномъ подъ потолкомъ, онъ томился, жалуясь на недостатокъ воздуха и на безпокойство, которое переносилъ отъ непрерывно привозимыхъ въ часть пьяницъ и дебошировъ. Въ госпиталь онъ не хотѣлъ идти, боясь, что тамъ будетъ лишень послѣдняго удобства — одиночества, и потому онъ постоянно скрывалъ свою болѣзнь отъ тюремнаго начальства. Въ тюрьмѣ Бенни помогалъ кое-чѣмъ извѣстный добрякъ, такъ же безвременно погибшій, покойный рождественскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, а на выкупъ несчастливца родной братъ Бенни, пасторъ Германъ Бенни, выслалъ деньги, по уже выкупомъ дѣла невозможно было поправить: арестъ перешелъ изъ долговаго въ криминальный. Въ тюрьмѣ, во время своего заключенія, Бенни, отъ скуки, читалъ очень много русскихъ книгъ и, между прочимъ, прочелъ всего Гоголя. По прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», онъ, возвращая эту книгу тому, кто ему ее доставилъ, сказалъ: «Представьте, что только теперь, когда меня выгоняютъ изъ Россіи, я вижу, что я никогда не зналъ ея. Мнѣ говорили, что нужно ее изучать то такъ, то этакъ, и всегда, изъ всѣхъ этихъ разговоровъ, выходилъ только одинъ вздоръ. Мои несчастія произошли просто отъ того, что я не прочиталъ въ свое время «Мертвыхъ Душъ». Если бы я это сдѣлалъ хотя не въ Лондонѣ, а въ Москвѣ, то я бы первый считалъ обяза-

тельствомъ чести доказывать, что въ Россіи никогда не можетъ быть такой революціи, о которой мечтаетъ Герценъ».

— Отчего вы такъ думаете?—спросили его.

— «Оттого, что никакіе благородные принципы не могутъ привиться среди этихъ Чичиковыхъ и Поздревыхъ».

За сѣмъ три мѣсяца заключенія Бенни окончились и русскіе жандармы отвезли его на ту самую пограничную съ Пруссіею станцію, откуда сибирскій купецъ совѣтовалъ ему уходить назадъ, чтобы сберечь свою жизнь, можетъ-быть, на гораздо болѣе дѣльное употребленіе, чѣмъ то, которое этотъ «натурализованный англійскій субъектъ» сдѣлалъ изъ нея, взявъ на себя непосильный трудъ научить Чичиковыхъ и Поздревыхъ «любить ближняго, какъ самого себя». Такъ этимъ и заключилась карьера Бенни въ нашемъ отечествѣ. Суровое море русской жизни опять выбросило его на чужой берегъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Но и послѣ того, какъ этотъ бѣдный юноша, бесплодно потративъ здѣсь лучшіе годы своей жизни, былъ осужденъ на вѣчное отсюда изгнаніе, и ни у народной, ни у государственной Россіи не осталось ничего, въ чемъ бы она хотѣла считаться съ отвергнутымъ ею искреннѣйшимъ социалстомъ и демократомъ, извѣстная петербургская литературная партія еще не хотѣла покончить съ нимъ своихъ счетовъ. Самый арестъ его считали или по крайней мѣрѣ выдавали за *подвохъ* и послѣ высылки его предсказывали «второе его пришествіе во славу его»...

Но чей же былъ шпионъ Артуръ Бенни и кто могъ убить его за шпионство на поляхъ Ментаны?

Въ Петербургѣ утверждали вотъ что:

— «*Бенни, или Бениславскій, былъ при гарибальдійскомъ легионѣ русскимъ шпиономъ, а убитъ за это поляками*».

Какія доказательства представлялись въ подтвержденіе этой нелѣпой сказки?

Никакихъ.—«Духъ анализа и изслѣдованій, духъ нашего времени» вовсе не нуженъ, когда люди хотятъ клеветать.

Кончина же Артура Бенни случилась дѣйствительно не такъ, какъ ее описывали нѣкоторыя газеты, и не такъ, какъ рассказываютъ о ней въ извѣстныхъ петербургскихъ кружкахъ.

Кромѣ короткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о смерти Бенни газетами, въ Петербургѣ, близкими покойнику людьми, интересовавшимися знать всѣ обстоятельства его кончины, получены сначала частнымъ путемъ слѣдующія извѣстія.

Артуръ Бенни, послѣ высылки его изъ Россіи, жилъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы вступилъ въ церковный бракъ съ тою самою русскою дѣвушкою, которую онъ узналъ и полюбилъ въ Петербургѣ въ эпоху существованія *Знаменской коммунъ*. Въ то время Артуръ Бенни подаль о себѣ слухъ одною статьею, напечатанною имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ. Статья эта трактовала о Россіи и показывала, что Бенни, даже и послѣ прочтенія въ тюрьмѣ «*Мертвыхъ душъ*», все-таки нимало не научился понимать Россію, и все-таки думалъ, что социалистическая революція въ ней не только неминуема, но и возможна теперь же, при наличномъ изобиліи Чичиковыхъ и Ноздревыхъ. Потомъ, незадолго до послѣдней попытки Гарибальди отнять у папы Римъ, Артуръ Бенни оставилъ въ Швейцаріи жену и отправился въ Италію *корреспондентомъ* одной англійской газеты.

Въ качествѣ корреспондента дружественнаго гарибальдійскому дѣлу изданія, Бенни находился въ самомъ лагерѣ гарибальдійцевъ. Въ день Ментанской битвы онъ выѣхалъ на маленькой телѣжкѣ, запряженной одною лошадыю, и тащился вслѣдъ за шедшимъ въ дѣло отрядомъ. Когда началась роковая схватка, Бенни увлекся интересомъ сраженія и, забираясь все далѣе и далѣе впередъ, заѣхалъ въ самое жаркое мѣсто драки. Это случилось въ тѣ минуты, когда гарибальдійцы, послѣ ожесточенныхъ стычекъ съ папскими войсками, были внезапно окружены и смяты свѣжими силами французской кавалеріи. Изнемогавшій гарибальдійскій отрядъ, при которомъ находился Бенни, смѣшался, дрогнуть и началъ отступать въ такомъ смятеніи и безпорядкѣ, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать не отступленіемъ, а бѣгствомъ. Французская кавалерія, припоривъ коней, стремительно неслась въ погоню за измученными волонтерами и, нагоня разстроенные ряды ихъ, усѣивала поля Ментаны изувѣченными трупами. Въ это время, слѣдуя за бѣгущимъ отрядомъ гарибальдійцевъ, Бенни увидалъ двухъ волонтеровъ, которые съ трудомъ уносили тя-

жело раненаго третьяго. За ними, махая обнаженными саблями, гнались три французскіе кавалериста. Бенни видѣлъ, что погибель всѣхъ этихъ людей неминуема. Опъ, долго не думая, соскочилъ съ своей повозки и предложилъ положить въ нее истекавшаго кровью раненаго и поскорѣе увезти его. Предложеніе это было принято и больнаго увезли, а *безоружный* Бенни, оставшись пѣшимъ, былъ достигнуть преслѣдовавшими отрядъ кавалеристами, изъ которыхъ одинъ ударилъ по немъ саблею и отсѣкъ ему кисть лѣвой руки. Помочь Бенни и перевязать ему отрубленную руку было некому, и Бенни, истекая кровью, тащился, отыскивая одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, но не могъ найти ни одного изъ этихъ пунктовъ, потому что всѣ они были сбиты. Ослабѣвъ отъ потери крови, Бенни палъ на полѣ битвы, гдѣ и былъ отысканъ въ безчувственномъ состояніи. Плохой уходъ въ подвижномъ гарибальдійскомъ госпиталѣ докончилъ остальное; легко излѣчимая вначалѣ, рана Бенни скоро приняла характеръ раны неизлѣчимой; у Бенни сдѣлался антоновъ огонь и быстро прекратилъ его молодую, восторженную и безчестно оклеветанную жизнь. (Таково первое сказаніе о его смерти,—ниже черезъ одну главу слѣдуетъ другое, принадлежащее г-жѣ Ягоби и во многомъ представляющее дѣло иначе).

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Поляки Артура Бенни никогда шпиономъ русскимъ не считали, и если въ исторіи Бенни нѣкоторое время было что-нибудь способное вводить въ заблужденіе насчетъ его личности, то это у болѣе основательныхъ людей было подозрѣніе, не слѣдуетъ ли видѣть въ самомъ Бенни,—сынѣ томашовскаго настора изъ Царства Польскаго, подосланнаго въ Россію эмиссара польскаго революціоннаго комитета? Это было единственное подозрѣніе, которое можно было имѣть на Бенни и которое, дѣйствительно, и имѣли нѣкоторые люди, настолько, впрочемъ, честные, что не рѣшались высказывать своихъ подозрѣній прежде, чѣмъ ихъ догадки получили бы какую-нибудь достовѣрность. Полагали, что Бенни подосланъ поляками къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ для того, чтобы возбуждать глупенькихъ людей къ безпорядкамъ. Въ пользу этихъ подозрѣній были рассказы нѣсколькихъ вернувшихся въ Россію изъ-за границы

молодыхъ ученыхъ, которые, находясь въ Парижѣ до прїѣзда Бенни въ Петербургъ, знали его тамъ за поляка и, встрѣчая его потомъ здѣсь, между русскими предпринимателями, удивлялись быстрой переменѣ въ его симпатїяхъ, потому что въ Парижѣ они знали его однимъ изъ пламенныхъ приверженцевъ польской революціи. Одинъ изъ такихъ молодыхъ ученыхъ (нынче профессоръ Ал—въ) говорилъ объ этомъ, не обинуясь, многимъ русскимъ знакомымъ Бенни, что и стало извѣстно самому Бенни, который на это отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Парижѣ держался польскаго общества, но удивляется, какъ можно было отъ него требовать, чтобы, находясь въ средѣ парижскихъ поляковъ, онъ могъ высказывать симпатїи, противныя ихъ преобладающему чувству! Противъ же того, чтобы подозрѣвать Бенни въ польскомъ эмиссарствѣ, служила, во-первыхъ, его, съ самаго перваго шага, видимая неспособность къ политической интригѣ, къ которой въ польской партїи была надобность и были великіе мастера. Вновь напечатанная въ полнѣйшей редакціи книжка Гогея «Иосафатъ Огрызко» (не существующая въ продажѣ, но бывшая въ рукахъ В. В. Крестовскаго) хранитъ имена такихъ польскихъ агентовъ въ Петербургѣ, что при нихъ никуда не могъ годиться молодой безъ положенія Бенни. Было бы чрезчуръ странно, чтобы революціонный ржондъ отрядилъ для самой щекотливой миссіи въ Россію чело-вѣка самаго неопытнаго и держалъ его здѣсь, послѣ того какъ онъ, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Россіи, прослылъ шпиономъ и тѣмъ показалъ полнѣйшую свою неспособность къ интригѣ. Если же думать, что тонкіе и дальновидные члены ржонда игнорировали мнѣніе, родившееся насчетъ ихъ агента, и берегли Бенни для другихъ, высшихъ сферъ общества, куда благовоспитанный, приличный и образованный Бенни могъ бы проложить себѣ дорогу, то если допустить, что онъ въ тѣхъ именно слояхъ назначался служить польской интригѣ, такъ съ этимъ нельзя согласить ни поведеніе Бенни, ни поведеніе ржонда. Бенни только случайно попадалъ къ людямъ съ вѣсомъ и значеніемъ и не только не старался ориентироваться въ ихъ кругѣ, а даже тяготился этимъ кругомъ. Нельзя предполагать, чтобы Бенни такъ манкировалъ своими обязанностями, или чтобы ржондъ безучастливо оста-

влялъ его во всемъ ужасающемъ видѣ нищенскаго убожества, какъ извѣстно, вовсе не благопріятствующаго короткому сближенію съ богатыми и выгодно поставленными въ свѣтѣ людьми. Если же сдѣлать вопросомъ: были ли, однако, у Бенни какія-нибудь отношенія къ революціонному ржонду въ Польшѣ, или не было никакихъ, то пишущій эти строки можетъ отвѣчать, что они *были*, но это, сколько извѣстно, были вотъ какія отношенія. Однажды, когда авторъ этихъ записокъ и Артуръ Бенни жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, покойнаго Бенни посѣтилъ какой-то пожилой чиновникъ, весьма скромной наружности, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Бенни имѣлъ съ этимъ человекомъ довольно продолжительный разговоръ, шедшій съ глаза-на-глазъ. Проводивъ владимірскаго кавалера, Бенни былъ взволнованъ и сказалъ пишущему эти строки, что это приходилъ петербургскій комиссаръ народнаго ржонда. При этомъ Бенни разсказалъ также, что онъ уже получилъ изъ Варшавы три повѣстки, требующія, чтобы онъ явился туда къ революціонному начальству; но что онъ, не считая себя полякомъ, не считалъ себя и обязаннымъ исполнять это требованіе, а теперь онъ *долженъ поухать, чтобы навсегда отдѣлаться отъ притязаній, которыя на него простираютъ поляки за его рожденіе въ Польшу*. Свое «я долженъ поухать» Бенни мотивировалъ тѣмъ, что у него въ Польшѣ живутъ родные, и что онъ хочетъ честно разъяснить полякамъ, что онъ ихъ *политической революціи не сочувствуетъ, а сочувствуетъ революціи международной, — социалистической*.

Въ эту пору Бенни былъ уже подъ судомъ по оговору Ничипоренки и могъ выѣхать изъ Петербурга или только тайно, съ тѣмъ, чтобы уже никогда сюда не возвращаться, или же испросивъ на это разрѣшенія начальства. Онъ предпочелъ послѣднее, подалъ просьбу о дозволеніи ему съѣздить въ Польшу «для свиданія съ умирающимъ отцомъ». Просимое разрѣшеніе ему было дано на самое короткое время съ обязательствомъ дорогою нигдѣ не останавливаться, а наблуденіе за возвращеніемъ его было поручено въ Томашовѣ какому-то начальству. Бенни все сдѣлалъ аккуратно и, возвратившись назадъ въ Петербургъ, говорилъ, что онъ теперь свободенъ и что ржондъ болѣе никакихъ претензій простираетъ на него не будетъ. Сколь

искренни были эти слова Бенни, — за то пишущій эти строки не отвѣтствуетъ, но, по привычкѣ всегда вѣрить честности Бенни, не имѣетъ основаній сомнѣваться, что онъ и на этотъ разъ говорилъ правду. Да и къ тому же, надо признаться, дѣль поѣздки Артура Бенни и его возвращеніе были гораздо менѣ загадочны, чѣмъ его отпущкъ изъ Петербурга. Подсудимый Бенни считался здѣсь *англійскимъ подданнымъ*, а между тѣмъ правительственное учрежденіе, снабжавшее этого *великобританскаго подданнаго* Артура Бенни отпускомъ въ Польшу для свиданія съ *отцомъ его, подданнымъ русской короны, томашовскимъ пасторомъ*, ни на одну минуту не остановилось передъ разноподданностью этого отца съ сыномъ! Автору этихъ записокъ казалось, что Бенни, указавъ на свое родство съ томашовскимъ пасторомъ, можетъ утратить свои преимущества иностранца въ Россіи, что съ нимъ, хотя онъ и натурализованный англійскій субъектъ, могутъ пожелать раздѣляться какъ съ русскимъ подданнымъ, — но этого ничего не случилось. Бенни черезъ нѣсколько времени и еще разъ сѣзидилъ, точно такимъ же образомъ, въ Польшу, когда отецъ его въ самомъ дѣлѣ захворалъ и скончался, и начальство опять, и во второй разъ отпуская его, не нахло ничего несоотвѣтственнаго между разноподданствомъ отца съ сыномъ. Тогда Бенни, видя, что учрежденія, съ которыми онъ имѣлъ дѣло по своей подсудности, неуклонно намѣрены трактовать его иностранцемъ, черезъ что его по суду могутъ выслать изъ Россіи за границу, *подалъ просьбу о дозволеніи ему принять русское подданство*. Людямъ, удивлявшимся этой новой странной выходкѣ Бенни, онъ отвѣчалъ, что не желаетъ пользоваться привилегіею своего иностраннаго подданства и хочетъ принять на себя ту же самую степень наказанія, какая будетъ опредѣлена всѣмъ русскимъ подданнымъ, осужденнымъ съ нимъ по одному дѣлу; но ходатайство Бенни о принятіи его въ русское подданство не удовлетворено, и онъ высланъ за границу, какъ иностранецъ. Вотъ развѣ одно это только и можетъ казаться въ судьбахъ Бенни загадочнымъ, но на это-то загадочное обстоятельство никто изъ много разсуждавшихъ о Бенни людей ни разу не обратилъ вниманія.

Бенни никогда не считалъ себя литераторомъ и очень не любилъ, если въ печати какъ-нибудь появлялось его имя.

— Имя мое,—говорилъ онъ:—не поздно будетъ назвать тогда, когда я умру, и когда кто-нибудь захочетъ сдѣлать *духу моему* дружескую услугу, снявъ съ меня тягостнѣйшія для меня обвиненія въ томъ, въ чемъ меня обвиняли и въ чемъ я не повиненъ ни передъ друзьями моими, ни передъ врагами, которыхъ прощаю отъ всего моего сердца.

Теперь это сдѣлано настолько, насколько казалось удобнымъ въ настоящее время. Гораздо большее, вѣроятно, будетъ раскрыто въ другую пору дневникомъ Бенни и его бумагами, а пока это сдѣлается удобнымъ (что, конечно, случится не при нашей жизни), человѣка, о которомъ мы говоримъ, можно укорить въ легкомысленности, но надо вѣрить ручательству Ивана Сергѣевича Тургенева, что «*Артуръ Бенни былъ человекъ честный*», и это ручательство авторъ настоящихъ записокъ призываетъ въ подкрѣпленіе своего искренняго разказа объ Артурѣ Бенни, столь незаслуженно пошесшемъ тягостнѣйшія оскорбленія отъ тѣхъ, за чьи идеи онъ хотѣлъ жить и не боялся умереть.

Но остается еще сказать о томъ, что сдѣлалось извѣстно о его кончинѣ изъ другого, можетъ болѣе достовѣрнаго источника, именно изъ устъ одной очевидицы его смертнаго часа.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Артура Бенни и о его кончинѣ въ печати довольно долгое время останавливались на извѣстіи «*Иллюстрированной газеты*» г. Зотова, что «Артуръ Бенни, о которомъ ходили разпорѣчивые и невыгодные слухи, убитъ при Ментанѣ». Извѣстіе это, какъ оно ни кратко, снова подало поводъ къ толкамъ: старинные клеветники Бенни заговорили, что Артуръ Бенни убитъ не какъ гарибальдеецъ, а какъ открытый гарибальдійцами русскій шпіонтъ. Дѣятельные люди, на которыхъ всѣ несчастія Бенни должны лечь позорнымъ и тяжкимъ укоромъ, обнаружили неслыханную энергію въ поддержкѣ этой послѣдней клеветы на покойнаго несчастливца, и эта послѣдняя вещь была бы, кажется, еще горше первой, потому что не предвидѣлось уже никакого слѣда для возстановленія истины; но вдругъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1870 года, въ газетѣ «*Педья*», № 21, 22 и 23, появились воспомнанія госпожи Александры Якоби о ея пребываніи «между гари-

бальдїйцами». Госпожа Якоби дала Артуру Бенни очень большое мѣсто въ своихъ воспоминанїяхъ и притомъ отнеслась къ нему въ своихъ строкахъ не только съ женскою теплотою, но и съ тѣмъ сочувствїемъ, которое возбуждалъ у всѣхъ честныхъ людей этотъ *искреннѣйшій* молодой страдалецъ.

Желаніе сдѣлать нашъ разсказъ объ Артурѣ Бенни по возможности полнымъ и яснымъ заставляетъ насъ сдѣлать небольшія позанметванія изъ разсказа о немъ госпожи Якоби. Она встрѣтила его въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года въ числѣ раненыхъ плѣнныхъ, сваленныхъ въ какомъ-то скверномъ углу. Вотъ подлинныя слова г-жи Якоби (газета «*Неопья*» № 23, стр. 762): «Я заинтересовалась одною личностью, отъ которой не могла никогда добиться ни одного слова. Это былъ невысокаго роста господинъ съ темными волосами, довольно окладистой бородкой, немного рыжеватой посрединѣ. Одѣтъ онъ былъ въ лиловую гарибальдїйскую рубашку. Лежалъ онъ большею частію къ стѣнѣ лицомъ и мало съ кѣмъ говоритъ. Съ виду ему было лѣтъ тридцать. Подлѣ него на столикѣ лежали номера «*Times*» и нѣсколько гидовъ Бедекера въ красныхъ оберткахъ. Онъ былъ раненъ въ правую руку, и, повидимому, не особенно опасно. Разъ я увидѣла, что онъ долго разговаривалъ по-англійски съ протестантскимъ священникомъ Way. Когда мистеръ Way отошелъ отъ него, я спросила:

— Кто этотъ господинъ?

— Это Артуръ Бенни.

Тогда я прямо подошла къ нему и крѣпко пожала ему руку. Его я не знала, но была знакома въ Парижѣ съ его братомъ, Карломъ. Долго проговорили мы съ нимъ.

Все, чтò я буду говорить о немъ, я слышала отъ самого покойнаго, подлѣ котораго я была до послѣдней минуты.

Бенни во время сраженія находился въ лагерѣ Гарибальди, куда онъ прибылъ изъ Швейцарїи, въ качествѣ корреспондента. Когда командиръ девятаго полка былъ убитъ, тогда сынъ Гарибальди, Менотти, предложилъ Бенни команду, отъ которой онъ не отказался. Но командовать пришлось ему недолго, онъ былъ раненъ въ правую руку около большого пальца. Въ день 4-го ноября онъ вмѣстѣ съ другими ранеными былъ привезенъ въ госпиталь свя-

того Онуфрія. Вотъ, что онъ разсказывалъ мнѣ о ночи на 5-е ноября:

— Я никогда не забуду этой ночи. Вообразите, когда мы были привезены, ни постелей, ни даже соломы на полу не было. Сложивши насъ всѣхъ кое-какъ, всѣ удалились, кромѣ часовыхъ у дверей. Помню, подо мной умиралъ одинъ тяжело раненый, но у меня не было силъ сдвинуться, чтобы освободить его изъ-подъ моего груза. Около меня слышались голоса, просившіе пить. Часовые даже не двигались, сказавъ намъ: «до утра». Ночи этой не было конца. Напрасно я ждала разсвѣта,—черезъ окна, узкія, грязныя, закрытыя вѣчной паутиной, онъ пройти не могъ. Утромъ принесли лампы, начали носить кровати, мѣшки съ соломой вмѣсто тюфяковъ. Всѣхъ насъ освѣтили желтоватымъ свѣтомъ. Тутъ я увидалъ по угламъ многихъ моихъ товарищей, плавающихъ въ крови. Въ эту ночь умерло двѣнадцать человѣкъ. Что мы испытывали, трудно разсказать.

— Нельзя ли похлопотать перевести меня отсюда,—продолжалъ онъ:—здѣсь, несмотря на ничтожную рану, умру навѣрное. Вы, вѣдь, всего не видите, что здѣсь дѣлается.

— Отчего вы медлили такъ долго и не обратились ко мнѣ съ этимъ раньше? Вы бы давно уже были куда-нибудь переведены. Если бы мнѣ не позволили взять васъ къ себѣ на домъ, то мы бы выхлопотали перевести васъ въ другой госпиталь.

— У васъ и безъ меня много дѣла. Есть люди опаснѣе меня раненые. Да и потомъ, кто знаетъ, позволятъ ли?

— Вамъ можетъ то помочь, что вы по тѣмъ извѣстіямъ, которыя они имѣютъ, не были объявленнымъ гарибальдійцемъ; васъ считаютъ просто корреспондентомъ.

— Такъ похлопочите, пожалуйста.

Съ помощью мистера Way и генерала-канцлера, мы выхлопотали позволеніе перевести Венни въ госпиталь святой Агаты.

Въ госпиталѣ святой Агаты была отведена ему особая комната. Вообще помѣщеніемъ онъ былъ доволенъ. Подлѣ него былъ докторъ французъ, Labord.

Разница въ положеніи Венни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ новомъ госпиталѣ, была довольно значительная. Онъ даже, спустя недѣлю, могъ подолгу сидѣть на

своей постели и помногу писалъ лѣвой рукой. У него была большая переписка съ однимъ швейцарскимъ городкомъ, гдѣ жила имъ любимая личность, о которой онъ, впрочемъ, мнѣ сказать лишь тогда, когда уже не могъ болѣе писать, и когда я принуждена была ему читать получаемыя имъ письма. Кромѣ этой переписки, онъ велъ дневникъ своего пребыванія въ Ментанѣ. Всѣ эти замѣтки, а также и частныя письма, оставшіяся послѣ него, были захвачены и, несмотря на мои убѣдительныя просьбы, не были мнѣ выданы. Итакъ, я отправлялась къ Бенни каждое утро, носила ему мясо и другую провизію и готовила ему обѣдъ сама, на небольшомъ столикѣ подлѣ его постели. Больничное кушанье пугало его. Видя его постоянно занятымъ, я убѣдительно просила его не писать много, не читать; когда у меня было время, я читала ему сама. Судя по чистому наружному виду комнаты, мнѣ казалось, что и уходъ за нимъ долженъ быть хорошъ. Но этого-то и не было».

Г-жа Якоби описываетъ слѣдующую сцену, которую она застала однажды, вступая въ комнату больного.

«Бенни лежалъ на постели со свѣсившейся головой, обручъ и окровавленныя тряпки валялись на полу, раздробленная рука, лежавшая постоянно въ вытянутомъ положеніи, содвинута съ мѣста. Столъ раздавался по всей комнатѣ.

— Бенни,—кликнула я его:—Бенни!

Но отвѣта не было. Я взяла его голову, положила на подушку, дала ему нюхать спирту, обтерла лицо губкой, намоченной въ уксусѣ. Наконецъ онъ открылъ глаза.

— Затвори дверь, подойди поближе; вонъ видишь этотъ лѣсъ, сейчасъ оттуда выбѣгаль тигръ и больно кусаль мнѣ эту руку, но я его вотъ такъ!..

Онъ поднялъ другую руку и ударилъ ею *изо-всей силы по больной рукѣ*. Меня такъ и обдало холодомъ. Но что было дѣлать, я сѣла подлѣ него и стала дожидаться, когда снъ придетъ въ сознаніе.

Спустя нѣкоторое время онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Вы давно здѣсь? Что было со мной, не отрѣзали ли уже мнѣ руку? Что мнѣ дѣлать съ собою? Болѣзнь моя не улучшается. Не лучше ли дѣйствительно отрѣзать руку?

А что потомъ я буду дѣлать? Вѣдь эта рука только и поддерживаетъ мое существованіе.

Я спросила Танчони, который осматривалъ больныхъ, о состояніи Бенни.

— Да ему давно бы уже было нужно отнять кисть руки.»

Танчони г-жа Якоби не довѣряла и обратилась къ одному англичанину, доктору, и просила его черезъ посредство мистера Way прійти въ госпиталь.

«Когда пришелъ англичанинъ-докторъ, то онъ, осмотрѣвъ рану, нашелъ, что Бенни не спасеть и ампутація. Но ампутацію все-таки сдѣлали тотчасъ, по уходѣ этого доктора. Меня не пропускали къ Бенни цѣлыхъ пять дней подъ предлогомъ, что ему вредно говорить. На такой резонъ я поневолѣ должна была сдаться и ходила только каждый день справляться о его здоровьѣ. Отвѣтъ былъ постоянно тотъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я вошла къ нему. Онъ былъ веселъ, показывалъ мнѣ свою коротенькую руку и говорилъ, что ему иногда хочется почесать себѣ пальцы, которыхъ нѣтъ.

— А что, какъ вы думаете, смерть теперь не догонитъ меня? Право, не хотѣлось бы умирать на полдорогѣ жизни, а, главное, жаль, что я ничего не сдѣлала.

Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто видѣлъ въ нихъ сомнѣніе.

Дѣйствительно, онъ угадалъ: я при видѣ его сдерживала неприятное чувство, которое овладѣло мной. Появившаяся маленькая лихорадка пугала меня, лицо его очень измѣнилось, глаза ввалились, носъ заострился. Однимъ словомъ, я его считала покойникомъ. Въ этотъ самый день посѣтила госпиталь бывшая неаполитанская королева. Между тѣмъ изъ Швейцаріи давно писали, что хотѣли прійхать въ Римъ *). Онъ все отклонялъ.

Прежде онъ говорилъ: «Пусть тогда пріѣзжаетъ, когда ампутація будетъ уже сдѣлана».—А потомъ думалъ: «Нѣтъ, лучше тогда, когда поправлюсь. Что она будетъ дѣлать въ незнакомомъ городѣ, не зная языка».

*) Это «писали», очевидно, касается молодой особы М. Н. К., пользовавшейся глубочайшею привязанностію Артура Бенни.

Но она не ждала отвѣта и прислала депешу, что уже выѣхала. А ему, между тѣмъ, становилось все хуже. Телеграммами мы мѣнялись два раза въ день (она, къ несчастію, заболѣла на дорогѣ). Въ первый день Рождества, къ вечеру, ему сдѣлалось очень худо, такъ что онъ *потребовалъ къ себѣ священника и въ десять часовъ вечера причастился*. На другой день я пришла къ нему; онъ былъ очень слабъ и еле узналъ меня.

— А, вы снова здѣсь. Подойдите, вѣдь я не такъ еще страшень. Что вы ей отвѣтили на депешу?

Перемолвясь объ этомъ, Бенни сказалъ г-жѣ Якоби:

— Только бы поправиться, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ Россію: *я радъ, что, встрѣтя васъ, могу говорить по-русски*.

27-го декабря я была у Бенни около десяти часовъ. Лихорадка била его страшно. Лицо совершенно осунулось. Подбородокъ какъ-то надвинулся къ носу.

— Бенни!—кликнула я его, проведя рукой по его уже совершенно холодному лбу.

Онъ губами прикоснулся къ моей рукѣ, и нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ.

— Теперь я, дѣйствительно, умираю. А она... вы сказали, что пріѣдетъ къ одиннадцати часамъ, ну, я и старался дожить, но не могу.

Это было его послѣднее слово. Агонія продолжалась до двухъ съ половиною часовъ пополудни. Тотчасъ послѣ смерти съ него былъ снятъ прекрасный портретъ масляными красками, который и былъ переданъ г-жѣ К... 29-го его похоронили на протестантскомъ кладбищѣ; въ могилу его, прежде чѣмъ засыпать ее землею, мы набросали красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленью — то были національные цвѣта Италіи.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Таковъ рассказъ очевидицы послѣдняго томленія и смерти Артура Бенни,—рассказъ, котораго, кажется, уже нѣтъ никакого повода заподозрѣвать въ несправедливости, пристрастіи или натяжкахъ, тѣмъ болѣе, что все это подтверждается по деталямъ рассказами извѣстныхъ людей, какъ Ивана Сергѣевича Тургенева и Петра Дмитриевича Боборыкина.

Покойный Бенни писалъ къ обоимъ этимъ лицамъ письма послѣ своего увѣчья лѣвою рукою и вообще выражалъ ту любовь къ русскимъ и къ Россіи, о какой свидѣтельствуешь бывшая при его послѣднихъ минутахъ г-жа Якоби. Покойный Артуръ Бенни, испивъ до дна горькую чашу укуса и жолчи, смѣшанныхъ для него пылкими увлеченіями его восторженной и альтруистической натуры и коварствомъ злыхъ людей, маскировавшихъ сочиняемыми на него клеветами собственную малость и ничтожество, принель къ тѣмъ же самымъ разочарованіямъ, какія видимъ въ посмертныхъ запискахъ учителя его, Александра Герцена, человѣка даровитѣйшаго и тѣмъ не менѣе объявлявшаго, будто онъ «создалъ въ Россіи *поколннiе безповоротно соціалистическое*». Опубликованныя посмертныя записки Герцена показали, что у него недоставало *смѣлости* сознаться, что онъ ошибся и что «поколннiя безповоротно соціалистическаго» на Руси нѣтъ, а Скотинины, Чичиковы и Ноздревы живы. Покойный Бенни, оказывается, былъ гораздо его искреннѣе, и И. С. Тургеневу съ П. Д. Боборыкинымъ извѣстно, что Артуръ Бенни не только хотѣлъ просить у государя прощенія и дозволенія возвратиться въ Россію, но его даже видѣли уже занятымъ окончательною редакціею письма къ графу Петру Андреевичу Шувалову, черезъ котораго онъ намѣренъ былъ направить свое ходатайство къ императору. Судьба рѣшила все это иначе.

Дописывая эти послѣднія строки о моемъ усопшемъ другѣ, я хочу сказать короткій отвѣтъ тѣмъ, кто недоволенъ этою повѣстью и протестуетъ противъ ея появленія. Эти болѣзненно щекотливые люди, между прочимъ, говорятъ, что они не видятъ никакой надобности въ оглашеніи этой исторіи; я же вижу въ этомъ нѣсколько надобностей, изъ коихъ каждая одна настоятельнѣе другой: 1) я хочу изложеніемъ исторіи походовъ Артура Бенни очистить его собственную память отъ недостойныхъ клеветъ; 2) я желаю посредствомъ этой правдивой и удобной для повѣрки повѣсти освободить отъ порицанія и осужденія живыхъ лицъ, терпящихъ до сихъ поръ тяжелыя напраслины за пріязнь къ Бенни при его жизни; 3) я пытаюсь показать въ этой невымышленной повѣсти настоящую картину недавней эпохи, отпавшей у нашей не богатой просвѣщенными людьми родины наилучшихъ юношей, которые

при другихъ обстоятельствахъ могли бы быть полезнѣйшими дѣятелями, и 4) я имѣю намѣреніе дать эту живую исторію всякому, кому попадется въ руки эта скромная книжка, такое чтеніе, въ коемъ старость найдетъ себѣ нѣчто на послушаніе, а молодость на поученіе. Ошибочны или нѣтъ мои соображенія, но худа эта книга никому сдѣлать не можетъ, а малую пользу можетъ принести хотя бы указаніемъ на слѣдствіе увлеченій, которыя будутъ повторяться до скончанія вѣка, точно такъ же какъ и человѣческое злословіе и клеветы.

Измѣняя съ лѣтами и съ событіями свои взгляды и убѣжденія, иногда не бесполезно отойти и поглядѣть, съ кѣмъ мы продолжаемъ сидѣть — не бесполезно вспомнить тѣхъ,

Кто истину искалъ,
И тѣхъ, кто побѣжденный палъ
Въ толпѣ безсмысленной, холодной,
Какъ жертва мысли благородной.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ.)

«Днемъ они срѣтають тьму и въ полдень ходять оцущью, какъ ночью».

Иов. V, 14.

«У Спаса бьютъ, у Николи звонять, у стараго Егорья часы говорить».

В. Даль (присловіе).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зимній, сѣверный день съ небольшою оттепелью. Два часа. Разсвѣтъ не успѣлъ оглядѣться и опять смеркается.

Въ гостиной второй руки сидятъ за столомъ хозяйка и гостья. Хозяйка стара, и видъ ея можно бы назвать почтеннымъ, если бы на лицѣ ея не отпечатлѣлось слишкомъ много заботливости и искательности. Она зрѣла когда-то лучшіе дни и еще не потеряла надежды ихъ возвратить, но она не знаетъ, что для этого надо сдѣлать. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всемъ на свѣтѣ: это «сосудъ», сформованный «въ честь» и служащій нынѣ «сосудомъ въ поношеніе». Гостья, которую застаемъ у этой хозяйки, тоже не молода. Во всякомъ случаѣ, она уже дожила до тѣхъ лѣтъ, когда можно отказаться отъ игры въ чувства, но она, кажется, отъ этого еще не отказалась. Эта женщина, безъ сомнѣнія, была замѣчательно хороша собою, но теперь, когда она отцвѣла, отъ прежнихъ красотъ остались только «боресты»; фигура ея, однако, еще гибка и черты лица сохраняютъ правильность, а въ выраженіи преобладаетъ замѣчательная смѣшанность: то

она смотритъ тихую ланю, то вдругъ эта лань взметнется брыкливою козой.

Безкорыстно увлекаться этою дамою уже нельзя, но, быть-можетъ, что-нибудь въ этомъ родѣ еще возможно, если она поставитъ вопросъ иначе. Въ своей манерѣ держаться по отношенію къ солидной хозяйкѣ гостя отъ-пявъ что-то особенно теплое и почтительное, даже какъ бы дочернее, но эти дамы вовсе не родственницы. Ихъ соединяетъ дружба, основанная не на одномъ согласіи ихъ вкусовъ, но и на единствѣ цѣлей: ихъ объединяетъ «métier».

Теперь онѣ пьютъ чай, который подавъ на гараховскомъ сервизѣ, покрытомъ вязаными одѣяльцемъ, и гостя сообщаетъ хозяйкѣ о томъ, что случилось замѣчательнаго, и о томъ, что «говорять». Говорять о соперничествѣ двухъ какихъ-то чудотворцевъ, а случилось нѣчто еще болѣе интересное и достойное вниманія: вчера совершенно неожиданно пріѣхала изъ-за границы кузина Олимпія. Это извѣстная особа, она съ давнихъ поръ посвятила себя «вопросамъ» и постоянно живетъ въ чужихъ краяхъ; но когда она пріѣзжаетъ сюда, она привозитъ съ собою кучу новостей и «дѣлаетъ оживленіе». Ея жизнь есть нѣчто удивительное: она не богата. О, совсѣмъ не богата! Она даже не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, но при всемъ томъ она ни у кого не занимаетъ и не жалуется на свое положеніе, а еще приноситъ своей странѣ очень много пользы.

Такихъ дамъ теперь, слава Богу, есть нѣсколько, но Олимпія занимаетъ между ними самое видное мѣсто. У нея большое и прекрасное родство. Она родственница и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя здѣсь о ней разговариваютъ. Во всѣхъ глазахъ Олимпія — величина очень большая, и всѣ ей вѣрятъ, несмотря на предостереженіе, которое Диккенсъ дѣлалъ противъ всѣхъ лицъ, живущихъ неизвѣстными средствами.

Домой, на родину, Олимпія навертывается всегда внезапно и на короткое время: пріѣдетъ, броситъ взглядъ, съ однимъ, съ другимъ повидается, «освѣжитъ ресурсы» и уѣдетъ снова. Многіе говорятъ, что она очень талантлива, но, что еще важнѣе всего, она совершенно необходима.

Хозяйка на нее немножко недовольна и обращаетъ вни-

маніе на то, какъ дуетъ въ окна. Кромѣ того, она сообщаетъ, что Викторъ Густавычъ сожалѣетъ еще, что Олимпія не хочетъ «ладить». Иначе она непременно стала бы очень необходима.

— Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ Олимпіи отлично себя держать,—заключаетъ хозяйка: — такъ какъ Викторъ Густавычъ самъ ни въ чемъ не увѣренъ. Это не мало значить.

Гостыя глядитъ глазами лани и этимъ взглядомъ отвѣчаетъ, что она согласна, при чемъ дѣлаетъ маленькое движеніе брыкливой козы и взглядываетъ на шез-лонгъ, помѣщающійся передъ каминомъ между трельяжемъ и экраномъ.

Въ сторонѣ отъ дамъ, въ очень глубокомъ креслѣ, за трельяжемъ, полулежитъ, скрестивъ на груди руки и закрывъ глаза, миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она, повидимому, совсѣмъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говорятъ дамы: она устала и отдыхаетъ, а можетъ-быть она даже спитъ. Эта дѣвушка — племянница хозяйки; родные называютъ ее просто Лидія, а чужіе — Лидія Павловна. Она не любима въ своей семьѣ, потому что ведетъ себя не такъ, какъ хочется матери и братьямъ. Братья ея — блестящіе офицеры, и одинъ изъ нихъ уже дрался на дуэли. Лидія не въ фаворѣ тоже и у тетки, которую она зашла теперь навѣстить въ кои-то вѣки, но и то не скрыла, что чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Хозяйка посмотрѣла на Лидію и сказала:

— Она спитъ. Впрочемъ, — добавила она: — если бъ она и не спала, это ей все равно: она нисколько не интересуется обществомъ. Чтò не касается ихъ курсовъ, того ей и не надо. Но Олимпія, въ которой я не стрицаю ея ума и связей, все-таки, очень шлепнулась съ тѣхъ поръ, какъ она въ свой прошлый пріѣздъ хотѣла развести исторію съ этими высѣченными болгарами. Помните, какая тогда съ этимъ было выпшла чепуха. Они тогда прознали, что она ѣдетъ, и сами наѣхали сюда въ большомъ множествѣ, и всѣ рассказывали, что у нихъ будто бы уже всѣхъ сѣкутъ, и что ихъ самихъ будто тоже всѣхъ высѣкли. Олимпія хотѣла этимъ воспользоваться, но увлеклась, и когда съ ней спорили, что они хвастаются, то она увѣряла, что ихъ будто здѣсь осматривали въ какой-то редакціи, и потомъ, чтобы поднять ихъ значеніе, она хотѣла нарочно открыть съ ними

балъ; но тогда стали говорить, что иностранки, пожалуй, не пойдутъ, потому что, знаете, съ сѣченными вѣдь нѣкоторыя не танцуютъ.

— Я помню это. И, какъ хотите, танцовать съ сѣченными... Это... это очень необыкновенно!

— Ну, да!—продолжала хозяйка:— а послѣ кто-то провѣдалъ, что это даже и затѣвать не надобно, потому что эти господа будто сами себя здѣсь сѣкутъ въ какомъ-то переулкѣ, для того, чтобы имъ удобнѣе было привлечь вниманіе... Говорили, что Олимпія будто это и знала... Это Богъ вѣсть что такое!.. А потомъ опять оказалось, будто и это неправда, потому что въ переулкѣ ихъ хоть и сѣкли, но совсѣмъ не для этого, а ихъ такъ лѣчилъ какой-то ихъ компатріотъ въ родѣ массажа... Богъ ужъ ихъ знаетъ, какъ и разобрать, что правда и что неправда.

— Да, это вышла какая-то пуганица, въ которой нельзя было ничего разобрать, кромѣ того, что ихъ сѣкли тамъ и сѣкли здѣсь.

— Вотъ именно—разгордыажъ! И это повело къ большой потерѣ, потому что братъ Лука разсердился и не только пересталъ давать денегъ на славянство, а даже не захотѣлъ и слушать. Онъ, вѣдь, знаете, какъ оселъ упрямъ, и прямо сказалъ: «Все обманъ!»—и не велѣлъ пускать къ себѣ не только славянъ, а и самое Олимпию, и послалъ ей въ на-смѣшку перо.

— Какое перо?

— Не знаю какое, — говорили, будто сорочье перо, въ шалочку.

— Да развѣ?

— Конечно! Вотъ, дескать, тебѣ, сорока, летай, и теперь никого не принимаетъ,

— На какомъ это основаніи Лука Семенычъ такъ дорого цѣнить свои приемы?

— Богатъ и ни у кого ничего не ищетъ, — вотъ и можетъ не принимать кого не хочетъ видѣть.

— Но вѣдь у него никакого другого вліянія и нѣтъ?

— Никакого. Но всѣ боятся, что онъ ихъ не приметъ.

Гостыя понизила тонъ и спросила:

— Вы у него этой зимой были?

Хозяйка сдѣлала отрицательный знакъ и проговорила:

— Онъ слишкомъ колокъ.

— И Аркадій тоже, кажется, у него не бывает?

— Ни Аркадій, ни Валерій: онъ моихъ обоихъ сыновей ненавидить.

— Сварливый старикъ! Кого же онъ, однако, теперь принимаетъ?

— Изъ всѣхъ родныхъ къ нему теперь вхожи только двое: братъ Захаръ и вотъ она—Лидя.

Гостыя кивнула головой на трельяжъ и улыбнулась.

— Что онъ принимаетъ Лидію Павловну—это я понимаю. Не принимать людей съ вѣсомъ и значеніемъ и ласкать племянницу-фельдшерницу, которая идетъ наперекоръ общественнымъ традиціямъ,—это въ его вкусѣ. Такъ Лука Семенычъ манкируетъ тѣмъ, кто желалъ бы быть у него принять. Но почему изъ всѣхъ родныхъ второе исключеніе предоставлено Захару Семенычу? Нашъ милый генераль такой же, какъ и всѣ мы, бѣдный грѣшникъ.

— Старикъ Захарушку щадить: «онъ,—говорить,—нашъ братъ Захаръ, наказанъ въ сытость за явительство съ дурными людьми. Пусть Богъ проститъ, что онъ себя устроилъ».

— Ахъ, вотъ что!

Дѣвушка за трельяжемъ пошевелилась. Дамы это замѣтили, и гостыя, улыбнувшись, промолвила тихо:

— Неужели она опять уснетъ?

— Навѣрное,—отвѣчала хозяйка.—Она такъ повсемѣстно: придетъ, поспитъ и побѣжитъ въ свою вонючку «совершать свое дѣло — потрошить чье-то мертвое тѣло». Но, однако, надо сказать, что Бергенсонъ ихъ отлично держитъ въ рукахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ его огорчили.

— Но вѣдь и онѣ ихъ потомъ проучилъ...

— Это правда, но онѣ всѣ-таки отъ него много терпятъ.

— Но отчего же Лидіи Павловнѣ дома не спать?

— Хаосъ въ семьѣ, всѣ другъ другу не нравятся; ей непріятно слышать, что говорятъ ея братья о гнишическихкихъ конкурсахъ и дуэляхъ, а тѣмъ непріятно, что она потрошитъ мертвое тѣло, да и матери непріятно слышать, чѣмъ она занята,—вотъ и идетъ весь домъ—кто въ лѣсъ, кто по дрова... Но зато братъ Лука ее очень ласкаетъ и даже посылаетъ ей цвѣты въ вонючку.

Гостыя кивнула на спящую и тихо спросила:

— Она вѣдь скоро кончитъ и будетъ фельдшеричка?

— Да.

— Мнѣ помнится, она еще давно какъ будто бы училась перевязкамъ?

— Ахъ, ея ученьямъ нѣсть конца: и гимназіи, и педагогіи, и высшіе курсы,—все пройдено, и серьги изъ ушей вынуты, и корсетъ снятъ, и ходитъ дѣвица во всей простотѣ.

— По-толстовски?

— Мм... Ну, къ Толстому, знаете... молодежь къ нему теперь уже совсѣмъ охладѣваетъ. Я говорила всегда, что это такъ и будетъ, и нечего бояться: «не такъ страшень чортъ, какъ его малютки».

Гостыя улыбнулась и замѣтила:

— Эта правда: онъ надоѣлъ своею моралью; но вѣдь было время, что вы не держались этой пословицы, а раньше и сами къ нему были пристрастны.

— Я? Да, я перемѣнилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтеніе и тогда во всѣхъ отношеніяхъ была за Толстого. Его Наташа, напримѣръ! Да развѣ это не прелесть? Это былъ мой идолъ и мое божество! И это такъ увлекательно, что я не замѣтила, гдѣ тамъ излить этотъ весь его крайній реализмъ,—про эти пеленки съ дѣтскими пятнами. Что же такое? Дѣти мараются. Безъ этого имъ нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительнаго, какъ на прочихъ. Или вспомните потомъ, какъ у него описанъ этотъ Александръ Первый.

— Какъ же! Онъ одѣвается?

— Да. Помните, какъ онъ пристегиваетъ помочи?

— Ахъ, это божественно!

— Да; но развѣ тамъ только однѣ помочи? Вѣдь онъ передъ вами тутъ же весь, какъ живой!.. Я его вижу, я его чувствую!..

— Тоже очень хорошъ и Наполеонъ съ его темными глазами.

— У Наполеона были сѣрые глаза.

— Но они давали такое впечатлѣніе...

— Объ этомъ не спору; въ этомъ во всемъ Толстой несравнененъ. Тутъ нѣтъ и спора; но когда онъ заумничался, бросилъ свое дѣло и сталъ писать глупости, въ родѣ того, чтобы запрещать людямъ ѣсть мясо и чтобы никто не женился, а дѣвушки чтобы зашивались по шю и не смхо-

дили замужъ, то я сразу же прямо сказала: «это вздоръ!» Тогда лучше всёхъ свестъ къ скопцамъ и конецъ; но я, какъ православная, я не хочу быть на его сторонѣ.

Тутъ гостыя тихо замѣтила, что Толстой *собственно* никогда никому не *запрещалъ* ѣсть мясо и, кажется, говорилъ, что инымъ даже надо жениться.

— Да, я знаю, что *собственно* онъ еще ничего не запрещалъ, но, *однако*, для чего онъ объ этомъ писалъ такъ сильно-державно?

— Да, онъ, конечно, писалъ очень смѣло, но *собственно* онъ, слава Богу, у насъ еще даже не имѣетъ и права ничего запретить.

— Конечно, слава Богу! Но для чего онъ все это одно только и твердитъ? Вотъ это зачѣмъ? Онъ убѣждаетъ, что безъ вѣры нельзя служить, и все это очень мило, но вдругъ сорвется и опять начинаетъ писать глупости: напимѣрь, зачѣмъ мыло? Ну, скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ мыло! Позвольте, но какъ же безъ мыла: какъ мыть руки, голову и, наконецъ, бѣлье? Въ золѣ его, что ли, золить? Но, *однако*, я бы ему еще и это простила за его прежнее. По совѣсти говоря, всё мужчины глупы, когда берутся не за свое дѣло; но мало ли что говорится! Не всякое же лыко въ строку: вольному воля, а спаси насъ рай. То же и о мясѣ. Кто любитъ рыбное или мучное, пусть и не ѣсть мяса. Какая форма правленія ни будь, а къ этому нигдѣ и никто никого не принуждаетъ... Сдѣлайте милость! Еще, можетъ-быть, отъ этого для насъ филейная вырѣзка дешевле будетъ. Не правда ли?

— Конечно.

— Ну, то-то и есть! Все равно и тѣ, кто не хочетъ жениться или которыя не хотятъ замужъ выходить, — они пусть такъ и остаются, какъ имъ угодно. Вѣдь о нихъ и въ Евангеліи сказано: «суть скопцы...» Понимаете, это безумцы!

Гостыя сдѣлала согласный знакъ головой.

— У моихъ сыновей, когда они были мальчики, — продолжала хозяйка: — былъ репетиторъ изъ академистовъ, очень честолюбивый, но смѣшной, и все собирался въ монахи, а когда мы ему говорили: «Вы, *monsieur*, лучше женитесь!» — такъ онъ на это прямо отвѣчалъ: «Не вижу надобности».

Дама слегка полуоборотилась къ трельяжу и сказала:

— Лидія, ты проснулась, или спишь еще?

— Да, ma tante,—отвѣтил полусонный контраalto.

— То-есть, что же это значить: ты высналась, или ты еще спишь?

— Вы, ma tante, вѣроятно, хотите говорить о чемъ-нибудь, чего я не должна понимать, и хотите, чтобъ я вышла?

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, но только не изъ комнаты, а вышла бы, наконецъ, замужъ.

— А я тоже спрошу васъ, какъ вашъ семинаристъ: «для какой надобности?»

— А вотъ хотя бы для той надобности, чтобы при тебѣ можно было обо всемъ говорить, не стѣняясь твоимъ присутствіемъ.

— Да мнѣ кажется, вы и такъ не стѣняетесь.

— Ну, нѣтъ!

— Значить, я еще мало знаю; но считайте, что я замужемъ, и знаю все, что вамъ извѣстно.

— Послушайте, пожалуйста, что она говорить на себя! Но я вамъ что-то хотѣла сказать... Ахъ, да!.. Вы вѣдь, навѣрное, слышали, что всѣ рассказывали о томъ, какъ къ графу пріѣхалъ будто одинъ родной, какой-то гусарь, въ своей формѣ, все въ обтяжку, а онъ будто взялъ и подвязалъ ему иинькинъ фартукъ, а иначе онъ не хотѣлъ его пустить въ салонъ.

— Да, объ этомъ говорили... и, говорятъ, это правда.

— Ну, да! И если хотите, по-моему, гусарская форма, въ самомъ дѣлѣ... не совсѣмъ скромно.

— Да, но очень красиво!

— Красиво — да. Но и этотъ фартукъ, вѣдь это тоже дерзость! Гусарь—и въ фартукѣ! Но вотъ чего ему еще больше нельзя простить, — это его несносная пронциательность. Отъ нея общественный вредъ.

— Вотъ, вотъ! Конечно, вредъ обществу нельзя позволить. Я слушаю, въ чемъ вы видите это дѣло?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— А дѣло въ томъ, что по какому праву господинъ графъ портить нашу прислугу? Если онъ себя пріучилъ, чтобы все за собою прибирать, то это для него и пре-

удобно; но мы къ этому пока еще вѣдь не стремимся. Не такъ ли?

— Конечно.

— Такъ для чего же опъ навязываетъ намъ невозможную жизнь панибратства съ прислугою, которая и груба, и щорочна?

— Это глупо.

— Конечно, глупо. Я внушила Аркадію, чтобъ онъ сдѣлалъ это въ смѣшные стихи и прочиталъ. Вы знаете, его галантъ въ свѣтѣ вѣдь очень многимъ нравится.

— Да, это всё говорятъ, и онъ такой искательный... О, онъ пойдетъ!

— Можетъ-быть, и даже вѣроятно; но о будущемъ нельзя такъ судить: будущее, какъ говорятъ, «въ рукахъ всемогущаго Бога». Только, конечно, ему въ его успѣхѣ очень много помогаетъ его симпатичный талантъ. Второй мой сынъ, Валерій, совсѣмъ иной: это практикъ!

— О, разумѣется!—отвѣчала, немного смутившись, гостя и торопливо повернула вопросъ въ другую сторону. — Въ чемъ же именно Толстой портитъ съ прислугою? — спросила она.

— Извольте!—отвѣчала хозяйка.—Мы будемъ говорить о прислугѣ, какъ настоящія чиновницы; но это не пустой вопросъ: о прислугѣ говоритъ Шопенгауэръ. Прислуга можетъ васъ успокоить и можетъ разстроитъ. Я вамъ не буду приводить всѣхъ толстовскихъ рацѣй о прислугѣ, а прямо дамъ вамъ готовую иллюстрацію, какъ это отражается. У меня вышло разстройство съ моею камеристкой... Лидія мѣшаетъ вамъ *все* рассказать, но я не могу утерпѣть и кое-что расскажу.

— Пожалуйста, *ma tante*, говорите все, что хотите! — отозвалась дѣвушка. — Я сейчасъ вотъ дослужу послѣдній кусочекъ и уйду.

— Коротко скажу,—продолжала хозяйка:—пришлось передъ праздникомъ негодяицу выгнать. Ну, а передъ праздниками, вы знаете, каковъ нашъ народъ и какъ трудно найти хорошую смѣну. Всѣ жадны, всѣ ждутъ подарковъ, а любви къ господамъ у нихъ никакой. На русскій народъ очень хорошо смотрѣть издали, особенно, когда онъ молится и вѣритъ. Вотъ, напримѣръ, у Рѣпина, въ *Крестномъ ходѣ*,

гдѣ, помните, изображено, какъ собрались всѣ эти сословные старосты...

— Да, или акварель Петра Соколова...

— Да, но тутъ немножко много синей краски.

— Это правда: онъ переложилъ.

— Наши художники вообще не знаютъ мѣры.

— Да, но вѣдь все дѣло въ впечатлѣніи... А у меня,— вы знаете ее,—есть одна знакомая: мы всѣ зовемъ ее «апостолица». Навѣрное, знаете!

— Конечно, знаю: вы говорите о Marie?

— О ней. Теперь есть нѣсколько подобныхъ ей печальницъ, но эту я съ другими не сравню. Эта на другихъ не похожа, и, притомъ, она уже относится къ донсторическимъ временамъ, когда еще всѣ мы говорили по-французски и не было въ модѣ ни Засѣпкой, ни Пейкеръ, и даже еще самъ Редстокъ не пріѣзжалъ... Ухъ, какая старина! Василиій Пашковъ былъ еще въ военномъ, а Модестъ Корфъ обѣими руками крестился и при всѣхъ въ соборѣ молебны служилъ въ камергерскомъ мундирѣ. А что до Алексѣя Павловича Бобринскаго, такъ онъ тогда былъ еще совсѣмъ воинъ галиційскій и такъ кричалъ, что окна въ министерствѣ дрожали. Сережа Кунселевъ даже очень мило парисовалъ все это въ карикатурѣ и возилъ всѣмъ показывать, и всѣ очень смѣялись.

— Я все это помню.

— Да, это вѣдь несправедливость, что будто Толстой завелъ моду ходить пѣшкомъ и трудиться: Marie это раньше всѣхъ, первая стала дѣлать. Она и полы сама мыла, и выносила все за больными до гадости. Даже она нѣсколько разъ ходила съ Николаемъ Андреевичемъ въ портерныя, хотѣла спасать тамъ какихъ-то несчастныхъ дѣвчонокъ, которыя ихъ же и просмѣяли... Конечно, нельзя же ихъ всѣхъ спасать—это глупость: онѣ необходимы; но все-таки со стороны Marie было доброе желаніе... а какъ въ полиціи тогда былъ Анненковъ, то онъ все уладилъ и скандала не вышло.

— Я помню: это смѣшно рассказывали.

— О, это было преинтересно, но все равно Marie и теперь такая же осталась: «Мать Софья и о всѣхъ сохнетъ». Она ни Редстока не ревновала къ Богу, ни Пашкова, и Толстого теперь не ревнуетъ: ей какъ будто они всѣ сродни,

а о самой о ней иначе нельзя сказать, какъ то, что хотя она и сектантка, и заблудшая овца, а все-таки въ ней очень много доброты и жалости къ людямъ. Это лучше всей ея вѣры.

— Ахъ, кажется, это такъ!

— Конечно, что же ихъ вѣра? Вѣдь очень многія эти дѣвочки совершенно жалки: мужчины ихъ сманятъ съ собой и бросятъ... Помните, какъ это сдѣлалъ Бертонъ? Увезъ, бросилъ и живи какъ хочешь; а Marie проводитъ всю жизнь въ заботахъ о комъ-нибудь. Если хотите найти сердечнаго человѣка, идите къ ней: у нея всегда есть запасъ людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я къ ней и обратилась съ просьбой порекомендовать мнѣ скромную и правдивую дѣвушку, чтобы не было въ домѣ дурнаго примѣра и фальши. Главное, чтобы не было фальши, такъ какъ я фальшь ненавижу. А Marie даже обрадовалась. «Ахъ, какъ мнѣ приятно слышать,—говоритъ,—ваше сужденіе! Ложь—это порокъ, которымъ сатана началъ порчу человѣка. Онъ вѣдь *обманулъ* Еву?» Да, да, да, думаю: ты очень начитана, но ты это далеко берешь о прародителяхъ и о сатанѣ, а я тебя просто прошу о горничной дѣвушкѣ.

«— Ну, да, есть и такая! — отвѣчаетъ Marie. — У меня теперь пріютилась въ ожиданіи мѣста какъ разъ такая превосходная дѣвушка.

«— Не притворщица и не побѣгушка?

«— О, какъ можно! Она христіанка!

«— Да вѣдь у насъ всѣ крещенные и даже православные, по нравы и правила у всѣхъ ужасные.

«— Нѣтъ, что вы: у христіанъ прекрасныя правила! Притомъ, это дѣвушка, которая всегда занята, работаетъ и читаетъ «посредственныя книжки».

«— Ага, значитъ, она толстовка! Ну, ничего: я всякія утопіи ненавижу, но прислугѣ въперяь непротивленіе злу, по-моему, даже прекрасно. Давайте мнѣ вашу непротивленку! Я ее буду отпускать къ моленью. Гдѣ они собираются молиться? Или они совсѣмъ не молятся?

«— Не знаю,—говоритъ:—это дѣло совѣсти, объ этомъ не надо спрашивать.

«— Конечно, мнѣ Богъ съ ней, какъ она захочетъ. Но какъ ее звать?

«— Оедорушка.

«— Ай, какое неблагозвучное имя.

«— Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Теодора, или даже Theodora. Чего же лучше?

«— Иѣтъ, это театрално, я буду звать ее Катя.

«— Зачѣмъ же?

«— Ну, это,—говорю,—у меня такой порядокъ».

Marie не стала возражать и прислала мнѣ свою непротивленку, и вообразите, дѣвушка мнѣ очень понравилась, и я ее наняла.

— Почему?—спросила гостья.

— Семь рублей въ мѣсяць.

— Какъ очень дешево.

— Да. Но она больше и не требовала. Она сама даже совсѣмъ ничего не просила, а сказала: «сколько буду стоить, столько и положите». Я и назначила. Но позвольте, это вѣдь не въ томъ дѣло; а она мнѣ тогда очень понравилась, потому что, дѣйствительно, она выглядѣла такая опрятная и скромная! А я, признаться, когда услышала, что она непротивленка, то я опасалась за ея опрятность, такъ какъ въ ихнихъ книжкахъ вѣдь есть противъ мыла, и я помню, няня читала, какъ на одну святую бросился безстыжій муринъ, но какъ она никогда мыломъ не мылась, то этотъ фоблазъ отъ нея такъ и отскочилъ.

— Это ужасно!

— Да, всѣ другія подверглись, а она нѣтъ; но я рѣшительно не понимаю, неужели Толстой изъ-за этого противъ мыла?

— Ахъ, нѣтъ же! Вы развѣ забыли, изъ чего мыло сгущаютъ?

— Изъ мясного сока.

— Ну, вотъ и разгадка.

— Тетя! — отозвалась изъ-за Трельяжа дѣвушка. — Ну, какъ вамъ не стыдно говорить такіе вздоры!

— А что такое?

— Изъ мяса мыла не варяютъ и, притомъ, очень много мыла дѣлаютъ не изъ животныхъ, а изъ растительныхъ жировъ. Наконецъ, есть яичное мыло, которое вы и покупаете.

— Ахъ, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. Это въ Казани, гдѣ былъ губернаторъ Скарятинъ; но я его теперь не покупаю. Долго покупала и очень имъ мылась, но

съ тѣхъ поръ, когда былъ шахъ персидскій, и я узнала, что онъ этимъ мыломъ себѣ ноги моетъ, мнѣ стало не-пріятно, и я его больше не покупаю.

— Охота была вамъ объ этомъ и знать!

— Ну, отчего? Насъ въ институтахъ такой гордости не учили. И по-моему лучше интересоваться такими особами, чѣмъ неумойками. Я вѣдь помню, когда Аркадій оканчивалъ курсъ, тогда его посѣщали разные, и приходили и эти непротивленыши, и всѣ они были въ этой въ ихней формѣ, тусклые и въ нечищенныхъ сапогахъ.

— Ужасныя «малютки»!—сказала гостя.

— Да, какіе-то они... все съ курдючками. Подпоянутся и сзади непременно у нихъ дѣлается курдючокъ, а лапки безъ каломъ—и натопчуть. Это неопрятность! Но дѣвушка-непротивленка ко мнѣ пришла совѣмъ въ опрятномъ видѣ и работала превосходно, но въ практической жизни все-таки она оказалась невозможна.

— Почему же?

— Да, да, да! Въ практической жизни много сторонъ, и она мнѣ оказалась хуже всѣхъ противленокъ!

— Появился какой-нибудь непротивленышъ?

— Куда тамъ! Нѣтъ! просто не отгадаете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Начну хоть съ пустяковъ: пробѣгаю я ея паспортъ и наталкиваюсь опять на то, что тамъ стоитъ имя Федора. Я говорю ей:

— Моя милая, мнѣ твое имя не нравится (я не люблю говорить людямъ *вы*), я буду звать тебя Катюю. И она сразу же отвѣчаетъ разсужденіемъ: «Если вамъ такъ угодно, чтобы въ вашемъ домѣ служанка называлась иначе, то мнѣ это все равно: *это обычаи человѣческіе!*»

— Какъ это смѣшно!

— Ужасно смѣшно. «Обычаи человѣческіе...» А то еще у нихъ есть «непосредственныя обязанности къ Богу». Но я сама изъ деревенскихъ барышень и люблю иногда съ прислугой поразговаривать. Я и говорю: «Я буду звать тебя Катей, и ты должна откликаться». Отвѣчаетъ: «Слушаю-съ!» И еще,—говорю,—я тебѣ забыла сказать, что къ твоимъ обязанностямъ тоже должно относиться, чтобы ты помогала кухаркѣ убирать посуду и подтирала мокрою

тряпкой крашевые полы въ дальнихъ комнатахъ. Но что же-съ, полы она подтирала, и мнѣ на мой зовъ «Катею» откликнулась, а если кто изъ моихъ знакомыхъ ее спросить, какъ ся имя, она всѣмъ упорно отвѣчаетъ: «Федра». Я ей говорю: «Послушай, милая! Вѣдь тебѣ же сказано, и ты должна помнить, что ты теперь Катя! Зачѣмъ же ты противорѣчишь?» А она начинаетъ резонировать: «Я,—говорить,—сударыня, на ваше приказаніе откликаюсь, такъ какъ вы сказали, что это такой порядокъ въ вашемъ домѣ, и мнѣ это не вредитъ; но сама я лгать *не могу*... Чтѣ за вздоръ! «Нѣтъ,—говоритъ,—я лгать не могу, — мнѣ это вредитъ».

— Какова штука!—воскликнула гостя.—Она себѣ вредитъ не желаетъ!

— О, не желаетъ!.. Да вѣдь еще и какъ!.. Это что-то пунктуальное, что-то узкое и упрямое, какъ самъ Мартынъ Ивановичъ Лютеръ. Ахъ, какъ я не люблю это сухое лютеранство! И какъ хорошо, что теперь за нихъ у насъ взялись. Я спрашиваю: «Какой тебѣ вредъ? Животъ, что ли, у тебя заболитъ или голова?»

«— Нѣтъ, — говоритъ, — животъ, можетъ-быть, не заболитъ, но есть вещи, которыя важнѣе живота и головы.

«— Что же это именно?

«— Душа человѣка. Я желаю имѣть мою совѣсть всегда въ порядкѣ».

— Вѣдь, это шпилька-съ!

— Это прямо дерзость!

— Да; но, какъ братъ Захаръ говоритъ, «хотя это и неприятно, но послѣ благословеннаго девятнадцатаго февраля—это неизбѣжно».

— Да, послѣ этого февраля мы у нихъ въ рукахъ.

— Особенно передъ самымъ праздникомъ. Нельзя же самимъ стать у своихъ дверей и объявлять визитерамъ, что насъ дома нѣтъ. До этого еще вообще не дошло, но, между тѣмъ, непротивленская малютка это-то именно у меня и устроила.

— Да что вы?

— Фактъ-съ!

— Право, вся надежда на градоначальника.

— Да, онъ ихъ возьметъ — «руки назадъ». Въ праздникъ я ей толкомъ растолковала: «Катя, будутъ гости, ты

должна всё́мъ говорить, что я дома и принимаю». И она принимала; но потомъ пріѣхалъ Викторъ Густавычъ. Вы знаете, человѣкъ съ его положеніемъ и въ его силѣ, а у меня два сына, и оба несходнаго характера: Аркадій — это совершенная рохля, а Валерій, вы его знаете, — живчикъ. Очень понятно, что я о нихъ забочусь, и я хотѣла съ нимъ немножко поговорить о Валеріи, который не попалъ за Аркадіемъ, а попалъ въ этотъ... университетъ и въ будущемъ году кончить безъ связей и безъ ничего...

Гостья сдѣлала едва замѣтное движеніе.

— И вотъ я посадила Виктора Густавыча, подбѣгаю къ ней и говорю: «Катя, а теперь если кто пріѣдетъ, ты должна говорить: *я уѣхала и что меня нѣтъ дома*». Кажется, всякая дура можетъ это понять и исполнить!

— Что же тутъ не исполнить!

— Да, самое обыкновенное. А она, вообразите, всё́мъ такъ и говорила, что «я ей *приказала говорить*, что я уѣхала и меня дома нѣтъ»!

— Ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула гостья и расхохоталась.

— Но вы представьте себѣ, что и всё́ точно такъ же, какъ вы, на это только смѣялись, а никто не обидѣлся, потому что вѣдь всё́ же прекрасно знаютъ, что всегда въ этихъ случаяхъ лгутъ... Это такъ принято... Но молодежь стала мнѣ говорить: «*Ma tante*, ваша непротивленка, кажется, очень большая дура». Но я вѣрно поняла, что это дѣйствуетъ ея вѣра, и я разъяснила всё́мъ, что это изъ нея торчитъ графъ Толстой и сильно-державно показываетъ всё́мъ образованнымъ людямъ свой огромный шишъ. «Никакихъ-де визитовъ не надо! Все это глупости: лошадямъ хвосты трепать не для чего, а когда вамъ нуженъ моціонъ — мойте полы».

— Безъ мыла?

— Да, совершенно такъ просто!

— Но какъ же вы послѣ этого сдѣлали съ непротивленкой?

— Я съ ней объяснилась; я ей сказала: «Ты обдумай, тебя мнѣ рекомендовали, какъ очень хорошую дѣвушку и христіанку, а ты очень хитрая и упорная натура. Чтò это за выходка съ твоей стороны, чтобы выдать меня за лунную?»

А она простодушно извиняется:

«— Я не могла сказать иначе.

«— Отчего-о-о? Бѣдная ты, помраченная голова! Отчего-о ты не могла сказать иначе?

«— Потому что вы были дома.

«— Ну, такъ и что за бѣда?

«— Я бы солгала.

«— Ну, что же такое, если бы ты немножко и солгала?

«— Я нисколько лгать не могу.

«— Нисколько?

«— Нисколько.

«— Но вѣдь ты *служишь!* Ты нанимаешься, ты получаешь жалованье!.. Для чего ты съ такими фантазіями нанимаешься на мѣста?

«— Я нанимаюсь дѣлать работу, а не лгать: лгать я не могу».

Съ какихъ сторонъ съ ней ни заговори, она все дойдетъ до своего «я лгать не могу» и станеть.

— Какая узость, узость!

— Страшно! «Да вѣдь надо же,—говорю:—умѣть отличать, что есть такая ложь, какой нельзя, а есть такая, которую сказать можно. Спроси у всякаго батюшки».

«— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчаетъ: — я не хочу этого различать: Богъ съ ними, я не буду ихъ и спрашивать. Въ Евангелии объ этомъ ничего не сказано, чтобъ отличать. Чтò неправда, то все ложь, — христіане ничего не должны лгать».

— Вотъ я тутъ и вспомнила, что, когда я ее нанимала, я думала, что въ прислугѣ и вообще въ низшемъ классѣ «непротивленіе» годится и не мѣшаетъ, и даже, можетъ-быть, имъ оно и полезно, но и это вышло совсѣмъ не такъ! Вышло, что и здѣсь оно не годится и что этому вездѣ надо противодѣйствовать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйка сдвинула серьезно брови и сказала, что она говорила о такой «заносчивости» съ батюшкой, и тотъ ей разъяснилъ, что это «плодъ свободнаго, *личнаго* пониманія».

— Да, но какая же свобода, когда это все ужасно узко?—вставила съ ученымъ видомъ гостья.

— Я съ вами и согласна, и, кромѣ того, не все для всѣхъ хорошо.

Хозяйка постучала съ угрозою по столу рукой, на пальцахъ которой запрыгали кольца съ бирюзой, и продолжала:

— Я вѣдь очень помню, когда были въ славѣ Европеусъ и Унковскій. Это было совсѣмъ не нынѣшнее время, и тогда случилось разъ, что мы вмѣстѣ въ одномъ домѣ ужинали и туда кто-то привелъ Шевченка... Помните, хохоль... онъ что-то нашалилъ и много вытерпѣлъ; и онъ тутъ вдругъ выпилъ вина и хватилъ за ужиномъ такой экспромптъ, что никто не зналъ, куда дѣть глаза. Насилу кто-то прекрасно нашелся и сказалъ: «Повѣрьте, что хорошо для немногихъ, то совсѣмъ можетъ не годиться для всѣхъ». И это всѣхъ снасло, хотя послѣ узнали, что это еще раньше сказалъ Пушкинъ, которому Шевченко совсѣмъ не чета.

— Ну, еще бы сталъ говорить этакъ Пушкинъ!..

— Конечно, онъ бы не сталъ, — перебила хозяйка: — онъ жилъ въ обществѣ, и декабристы знали, что съ нимъ нельзя затѣвать. А Шевченко со всѣми якшался, и Богъ его знаетъ, если даже и правда, что Церовскій самъ велѣлъ наказать его по-военному, то вѣдь тогда же было такое время: онъ былъ солдатъ—его и высѣкли, и это такъ слѣдовало. А Пушкинъ умѣлъ и это отгнѣить, когда сказалъ: «что прекрасно для Лондона, то не годится въ Москвѣ». И какъ онъ сказалъ, такъ это и остается: «въ Лондонѣ хорошо, а въ Москвѣ не годится».

— Въ Москвѣ теперь уже никого и нѣтъ... Катковъ умеръ.

За трельяжемъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Что вамъ смѣшно, Лида?

— «Катковъ умеръ». Вы это сказали такъ, какъ будто хотѣли сказать: «умеръ великій Панъ».

— А вы на это «сверкнули», какъ Діана.

— Я не помню, какъ сверкала Діана.

— А это такъ красиво!

— Не знаю ужъ, куда и дѣться отъ всякой красоты! Я, впрочемъ, помню, что Діана покровительствовала плебейамъ и рабамъ, и что у нея жрецомъ былъ бѣглый рабъ, убившій жреца, а сама она была дѣвушка, но помогала другимъ въ родахъ. Это прекрасно.

— Прекрасно!

А хозяйка покачала головою и замѣтила:

— Ты совершенно безъ стыда.

— Со стыдомъ, ma tante.

— Такъ что же ты говоришь! Чего жъ ты хочешь?

— Хочу, чтобъ дѣвушки не скучали въ своемъ дѣвичествѣ отъ бездѣлья и помогали тѣмъ, кому тяжело.

— Но для чего же въ родахъ?

— Да именно и въ родахъ, потому что это ужасно, и множество женщинъ мучатся безъ всякой помощи, а барышни играютъ глазками. Пусть онѣ помогаютъ другимъ и сами насмотрятся, что ихъ ожидаетъ, когда онѣ перестанутъ блюсти себя какъ Діаны.

— Позвольте,—вмѣшалась гостыя:—я не о той совѣмъ Діанѣ: я о той, которая сверкнула въ тѣсу на островѣ, у котораго слышали съ корабля, что «умеръ великій Панъ». Кажется, вѣдь это такъ у Тургенева?

— Я позабыла, какъ это у Тургенева.

Хозяйка продолжала:

— Теперь опять забываютъ хорошее, а причитаютъ то, что говорить «посредственные книжки».

— А вы не обращали на эти книжки вниманія Виктора Густавыча?—спросила гостыя.

— О, онѣ ихъ презираетъ; но, знаете, онѣ вѣдь литератъ, и, по его мнѣнію, если гдѣ есть о добрѣ, то это все хорошо.

— Но, однако, ваша непротивленка въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь и не была добра?

— Ну, такъ прямо я этого сказать не могу. Злою она ни съ кѣмъ не была, но когда ей долго возражаешь, то я замѣчала, что и у нея тоже что-то мелькало въ глазахъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю. Знаете, если шутя подтрунишь, такъ глазенки этакъ занскрятся... и... какое-то пламя.

— Боже мой! И для чего вы ее еще держали?

— Да, да! Я тоже разъ подумала: «эге-ге, — думаю себѣ,—да ты съ огонькомъ», и отпустила. Но, разумеется, я прежде хотѣла знать, что можно отъ такихъ людей ждать: я ее пощупала.

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я спросила ее такъ: «Что же это, моя милая, стало-быть, если бы при тебѣ въ домѣ случилось что-нибудь та-

кое, что должно быть тайной, что отъ всѣхъ надо скрыть, стало-быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыдъ или грѣхъ?» Она сконфузилась и стала лепетать: «Я объ этомъ еще не думала... Я не знаю!» Я воспользовалась этимъ и говорю: «А если бы тебя призвали и стали спрашивать о твоихъ хозяевахъ, вѣдь ты должна же... Вѣдь какіе въ старину были хорошіе и вѣрные слуги, а и тѣ, когда приходило круто, говорили, что отъ нихъ хотѣли». Вообразите же, что она отвѣтила:

«— Это тотъ виноватъ, кто ихъ до этого доводилъ.

«— А если это дѣлалось по приказу?

«— Это все равно».

— Какова!

— Да-съ! Я говорю: «за это можно страдать». А она отвѣчаетъ:

«— Лучше пострадать, чѣмъ испортить свой путь жизни».

— Каково непротивленіе!

— Ну, вотъ, какъ видите!

— Впрочемъ, если смотрѣть по-ихнему и держаться Евангелія, то она не совсѣмъ и не права...

— Да, она даже очень права; но вѣдь общество не такъ устроено, чтобы все по Евангелію, и нельзя отъ насъ разомъ всего этого требовать.

— Да, это очень печально; но если вы это сломаете, а потомъ исковеркаете, то что же вы новое поставите на это мѣсто?

— Нигилисты говорили: *ничего!*

Хозяйка промолчала и сучила въ пальцахъ полоску бумаги, а умомъ какъ будто облетала что-то давно минувшее и потомъ молвила:

— Да, *ничего*, они только и умѣли сбивать съ толку женщинъ и обучать ихъ, не стыдясь, втроемъ чай пить.

— А какъ эта непротивленка вела себя въ этихъ отношеніяхъ?

— Вы, вѣрно, хотите спросить о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ не говорятъ при Лидѣ...

Но отдыхавшая за трельяжемъ Лидія къ этому времени, вѣрно, совсѣмъ подкрѣпилась и сама вмѣшалась въ разговоръ уже не соиную рѣчью.

— О такой женщинѣ, какъ Федорушка, можно при всѣхъ и все говорить,—сказала Лида. —И, притомъ, когда же вы

ma tante, привыкнете, что я вѣдь не ребенокъ и лучше васъ знаю не только изъ чего варится мыло, но и какъ рождается ребенокъ?

— Лида!—замѣтила съ укоризной хозяйка.

— Да, конечно, ma tante, я это знаю.

— Господи!.. Какъ ты можешь это знать?

— Вотъ удивленіе! Мнѣ двадцать пятый годъ. Я живу, читаю и, наконецъ, я должна быть фельдшерницей. Что же я буду притворяться глуною дѣвчонкой, которая лжетъ, будто она вѣритъ, что дѣтей людямъ приносятъ аисты въ носу?

Хозяйка обратилась къ гостѣ и внушительно сказала:

— Вотъ вамъ Иона-циникъ въ женской формѣ. И, притомъ, она Діана, она пуританка, квакерка, она читаетъ и уважаетъ Толстого, но она не раздѣляетъ множества и его мнѣній и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ ладу.

— Я, кажется, не часто ссорюсь.

— Зато и тѣсно не дружишь ни съ кѣмъ.

— Вы ошибаетесь, ma tante, у меня есть друзья.

— Но ты ихъ бросила. Вѣдь тоже и непротивленными пользовались у тебя фаворомъ, а теперь ты къ нимъ охладѣла.

— Съ ними нечего дѣлать.

— Но ты, однако, любила ихъ слушать.

— Да, я ихъ слушала.

— И наслушалась до тошноты, вѣрно?

— Нѣтъ, отчего же? Я и теперь готова послушать, что у нихъ хорошо обдуманно.

— Прежде ты за нихъ заступалась до слезъ.

— Заступалась, когда ваши сыновья, а мои кузены, собирали ихъ и выпучивали. Я не могу переносить, когда надъ людьми издѣваются.

Хозяйка засмѣялась и сказала:

— Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно.

— Нѣтъ, грѣшно, ma tante, и мнѣ ихъ было всегда ужасно жаль... Они сами добрые и хотятъ добра, и я о нихъ плакала...

— А потомъ сама на нихъ разсердилась.

— Не разсердилась, а увидала, что они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробыиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то про-

тивны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

— Нѣтъ, тебя уязвило то, что они идутъ противъ наукъ!

— Да, и это меня уязвляетъ.

— А я тутъ за нихъ! Для чего ты, въ самомъ дѣлѣ, продолжаешь столько лѣтъ все учиться и стоишь на своемъ, когда очевидно, что все твое ученье кончится тѣмъ, что ты будешь подначальной у какого-нибудь лѣкаришки, и онъ поставитъ тебя въ уголь?

— Ma tante, вѣдь это опять вздоръ!

— Ну, онъ тебя въ передней посадитъ. Самъ пойдетъ въ комнаты пирога ѣсть, а тебѣ скажетъ: «Останьтесь, милая, въ передней».

— И этого не будетъ.

— А если это такъ случится, что же ты сдѣлаешь?

— Я пожалѣю о человѣкѣ, который такъ грубо обойдется со мной за то, что я не имѣю лучшихъ правъ, и только потому, что мнѣ ихъ не дали.

— И тебѣ не будетъ обидно?

— За чужую глупость? Конечно, не будетъ.

— А не лучше ли выйти замужъ, какъ всѣ?

— Для меня—нѣтъ!

— А отчего?

— Мнѣ не хочется замужъ.

— Ты, однако, прстранно выражаешься. Это законъ природы.

— Ну, такъ онъ, вѣрно, еще не дошелъ до меня.

— И религія того же требуетъ.

— Моя религія этого не требуетъ.

— Христосъ былъ, однако, за бракъ.

— Не читала объ этомъ.

— А для чего же Онъ благословлялъ жениха и певѣсту?

— Не знаю, когда это было.

— Читай въ Евангеліи.

— Тамъ этого нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Просто нѣтъ, да и конецъ!

— Господи! да что же это... вы все, значитъ, ужъ вымарали!

Дѣвушка тихо засмѣялась.

— Печего хихикать: я знаю, что объ этомъ было, а если не въ Евангеліи, то въ премудрости Павлочтеніи. Во всякомъ случаѣ Онъ былъ въ Канѣ Галилейской.

— Ну, и что же изъ этого?

— Значить, Онъ одобрялъ бракъ.

— А Онъ тоже былъ и у мытаря?

— Да.

— И говорилъ съ блудницей? Неужто это значить, что Онъ одобрялъ и то, что они дѣлали?

— Ты ужасная спорщица.

— Я только отвѣчаю вамъ.

— А теща Петрова! Вѣдь Христось ее, однако, вылѣчилъ!

— А вы развѣ думаете, что если бъ она не была чьею-нибудь тещей, такъ Онъ бы ее не вылѣчилъ?

— У тебя самый пренеприятный умъ.

— Да. Это многіе говорятъ, *ma tante*, и это все больше убѣждаетъ меня, что мнѣ нельзя выходить замужъ.

— Вѣдь вотъ ты рѣшительно и совершенно какъ змѣя вьнешься такъ, что тебя нельзя притиснуть.

— *Ma tante*, да зачѣмъ же непременно надо меня притиснуть?

— Мнѣ очень хочется!..

— Мой другъ, да что же дѣлать? Нельзя все устроить такъ, какъ вамъ хочется.

— Нѣтъ, я вѣдь не про то: я хотѣла бы знать, какой у васъ законоучитель, и какъ онъ не видитъ, что вы всѣ безбожницы?

— Мы получаемъ у него всѣ по пяти балловъ.

— Извольте! За что же онъ вамъ ставитъ по пяти балловъ?

— Онъ не можетъ иначе: мы всѣ отлично учимся.

— Вотъ вѣдь назрѣли какіе характеры!

— Полноте, *ma tante*, что это еще за характеры! Характеры идутъ, характеры зрѣютъ,—они впереди и мы имъ въ подметки не годимся. И они придутъ, придутъ! «Придетъ весенній шумъ, веселый шумъ!» Здоровый умъ придетъ, *ma tante*! Придетъ! Мы живы этою вѣрой! Живите ею и вы и... вамъ будетъ хорошо, всегда хорошо, что бы съ вами ни дѣлали!

— Спасибо, милая!

— Не сердитесь, *ma tante*, — и Лидія Павловна вдругъ

оборотилась къ теткинѣ гостыѣ и сказала ей: — А вы хотѣли знать, былъ ли у Фёдѣры романъ? Я вамъ объ этомъ могу рассказать. У нея былъ женихъ часовщикъ; но Фёдѣрушка ему отказала, потому что у нея была сестра, которая «мирилась съ жизнью». У нея были «панье», брошь и серьги, и двое дѣтей. Она серьги и брошь берегла, а дѣтей хотѣла стащить въ воспитательный домъ; но Фёдѣра надъ ними сжалась и платила за нихъ почти все, что получала.

— А собственнаго увлеченія у нея не было?

— Вотъ это-то и было ея собственное увлеченіе!

— Да, но ей будетъ трудно платить: съ такимъ характеромъ и такими правилами, какъ у нея, она нигдѣ себѣ мѣста не нагрѣтъ.

— Другіе помогутъ.

— Видите!.. Настоящія сектантки, у нихъ все *міромъ*, — отозвалась хозяйка. — Гоните ихъ — онѣ не боятся и даже радуются.

— Вѣдь такъ и слѣдуетъ, — поддержала дѣвушка.

— Фантазін!

— Однако, такъ сказано: надо радоваться, когда терпимъ гоненіе за правду, и, въ самомъ дѣлѣ, это очень помогаетъ распространенію идей. Намъ гонять, а мы идемъ дальше и все говоримъ про хорошее все новымъ и новымъ людямъ...

— Ну, ты, послушай, однако, сама: какая же, наконецъ, у самой тебя вѣра?

— А это такой деликатный вопросъ, *ma tante*, котораго я никому не позволю касаться.

— Вонъ какъ ужъ у насъ стали отвѣчать о вѣрѣ! Это, кажется, совсѣмъ не по-нашенски.

— Да, это не по-вашенски, — разсмѣявшись, отвѣтила Лидія. — По-вашенски, «подобаетъ спросити входящаго: рцы, чадо, како вѣруеш?»

Хозяйка постучала по столу вѣеромъ и погрозила племянницѣ:

— Лидя! Въ этотъ разъ... что ты сказала здѣсь, это еще ничего, пусть это такъ и пройдетъ, но впредь помни, что у тебя есть мать и ты не должна быть помѣхой своимъ братьямъ въ карьерѣ!

— Этого, *ma tante*, не забудешь!

— Ну, такъ и нечего либеральничать.

— А «какo вѣруеш»—это развѣ либеральность?

— Это не по сезону.

— Ну, *ma tante*, извините: жизнь, въ самомъ дѣлѣ, дастся всего одинъ разъ, и очень неразсчитливо ее приравнивать къ какому бы то ни было сезону... Это скоро мѣняется.

Сказавъ это, дѣвушка встала изъ-за трельяжа и вышла на середину комнаты. Теперь можно было видѣть, что она очень красива. У нея стройная, удивительной силы и ловкости фигура, въ самомъ дѣлѣ напоминающая статуэтку Дианы изъ Танагры, и милое цѣломудренное выраженіе лица съ умными и смѣлыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тетка на нее посмотрѣла и на лицѣ ея выразилось артистическое удовольствіе; она просіяла и тихо замѣтила:

— Желала бы я знать, гдѣ глаза у людей, которые смѣютъ что-нибудь говорить противъ породы? Лида, неужели ты безъ корсета?

— Я хожу такъ постоянно!

— И стройна, какъ богиня. Но Валеріанъ говорилъ мнѣ, что у васъ очень много урѣдихъ, и *всѣ* теперь сняли кольца и рѣшили не носить ни серегъ и никакихъ другихъ украшеній.

— Ему какая забота?

— Отчего же, его интересуетъ все. Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ правда?

— Правда.

— И вотъ вы увидите, что, навѣрное, многія не выдержатъ.

— Очень можетъ быть.

— Которой серьги къ лицу, та и не выдержитъ — надѣнетъ.

— Что же, если и не выдержитъ, то, по крайней мѣрѣ, поучится выдерживать, и это что-нибудь стѣитъ. Прощайте, *ma tante*.

— И у кого пребезобразная фигура, той лучше корсетъ.

— *Ma tante*, ну, что намъ за дѣло до такихъ пустяковъ! До свиданія.

— До свиданія. Красота ты, моя красота! Я только все не могу быть покойна, что ты кончишь тѣмъ, что уйдешь жить съ какимъ-нибудь непротивленншемъ.

Лидія холодно, но ласково улыбулась и молвила:

— Ma tante, какъ можно знать, что съ кѣмъ будетъ? Ну, зато я не сбѣгу съ опернымъ пѣвцомъ.

— Нѣтъ! Бога ради, пѣтъ! Лучше кто хочешь, но только чтобъ не непротивленыиъ. Эти «малютки» и ихъ курдючки... это всего противнѣе.

— Ахъ, ma tante, я ужъ и не знаю, что не противно!

— Ну, пусть лучше будетъ все противно, но только не такъ, какъ эти, которые учатъ, чтобъ не вѣнчаться и не крестить. Обвѣчайся и потомъ пусть Богъ тебя хранить какъ Ему угодно.

И тетка встала и начала ее крестить, а потомъ проводила ее въ переднюю и тутъ ей шепнула:

— Не осуждай меня, что я была съ тобой рѣзка. Я такъ должна при этой женщинѣ, да и тебѣ впередъ совѣтую при ней быть осторожной.

— О, пустяки, ma tante! Я никого не боюсь.

— Не бойшься?.. Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Ахъ, ma tante, я не хочу и знать: мнѣ *нечего бояться*.

Сказавъ это, дѣвушка заметалась, отыскивая рукою ручку двери, и вышла на лѣстницу смущенная, съ пылающимъ лицомъ, на которомъ разомъ отражались стыдъ, гнѣвъ и сожалѣнiе.

Проходя мимо швейцара, она опустила вуалетку, но зоркiй, наблюдательный взоръ швейцара все-таки видѣлъ, что она плакала.

— Эту тутъ всегда пробираютъ! — сказалъ онъ стоявшему у воротъ дворнику.

— Да, ей видать, что попало! — отвѣтилъ не менѣе наблюдательный дворникъ.

А хозяйка, между тѣмъ, возвратилась въ свой «салонъ» и спросила:

— Какъ вамъ нравится этотъ экземплярецъ?

Гостыя только опустила глаза кроткой лани и отвѣтила:

— Все уловить нельзя, но вездѣ и во всемъ сквозитъ живая красная нитка.

— О, да, сегодня она еще очень тиха, а въ прошлый разъ дѣло чуть не дошло до скандала. Кто-то вспомнилъ наше доброе время и сказалъ, какiе тогда бывали сваты, которымъ никто не смѣлъ отказать. Такъ она прямо отвѣтила: «Какъ хорошо, что теперь хоть это не дѣлается!»

— Опѣ, изъ гимназій, такъ реальны, что совсѣмъ не понимаютъ институтской теплоты.

— Нисколько! Я ее тогда прямо спросила, неужто ты бы не была тронута, если бы тебѣ подвели жениха?—такъ она даже вспыхнула и оторвала: «Я не крѣпостная дѣвка!»

— Я говорю вамъ, вездѣ красная нить. И какая заносчивость, съ какою она самоувѣренностью говоритъ о личномъ увлеченіи несчастной сестры этой Фодоры!

— Она очень сострадательна къ дѣтямъ.

— Но чтѣ же дѣлать, когда дѣти не наполняютъ женщины всей ея жизни?

— Ахъ, съ дѣтьми очень много хлопотъ!

— Да, и даже простые, самые грубые люди при дѣтяхъ еще ищутъ забыться въ любви. У меня въ прачкахъ семь лѣтъ живетъ прекрасная женщина и всегда съ собой борется, а въ результатѣ все-таки всякій годъ посылаетъ новаго жильца въ воспитательный домъ. А анонимный авторъ все продолжаетъ, безъ подписи, и ничего знать не хочетъ: придетъ, отколотитъ ее, и что есть, все оберетъ. И таковы они все. Альфонсизмъ въ нашихъ правахъ. А когда я ей сказала: «Брось ихъ всѣхъ вонъ или обратись къ религіи: это поможетъ»,—она меня послушала и поѣхала въ Кронштадтъ, но оттуда на обратномъ пути купила выборгскихъ кренделей и заѣхала къ мерзавцу вмѣстѣ чай пить, и теперь опять съ коробкомъ ходитъ и очень счастлива. Чтѣ же тутъ сдѣлать? «Не могу, — говоритъ, — бѣсъ сильнѣе». Когда женщина сознаетъ свою слабость, то съ этимъ мирнѣе.

— Да, мирнѣе, потому что это наше простое, родное, русское.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это она, наша бѣдная русская бабья плоть, а не то, что эти, какія-то куклы изъ аглицкой клеенки. Чисты, но холодны.

— О, какъ холодны! Вѣдь она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтите, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ—это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорить, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь это всѣмъ женщинамъ врожденно нѣжить дѣтей.

— Нѣжить, нѣтъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ людямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ: «Я не люблю неизвѣстныхъ величинъ, я люблю то, что мнѣ извѣстно и понятно».

— Какое резонерство!

— Я и говорю: это отдаешь не сердцемъ, а математикой. Она даже не вѣрить, что другіе любятъ дѣтей... «Иначе,— говоритъ,— не было бы такихъ негодяевъ, черезъ которыхъ русское имя въ посмѣяныи у умныхъ людей». Нашу славу и могущество они вѣдь не высоко ставятъ. И вообразите, они утверждаютъ это на Майковѣ:

«Величіе народа въ томъ,
Что носить въ сердцѣ онъ своемъ».

Хозяйка и гости обѣ переглянулись и сразу же обѣ задумались, и лица ихъ приняли не-женское, официальное выраженіе. У гостей и это прошло прежде, и она замѣтила:

— Въ то время, какъ мы, русскія женщины, подписываемъ адресъ *madame Adam*, не худо бы, чтобы мы протестовали противъ учрежденій, гдѣ не внушаютъ уваженія къ русскимъ началамъ.

Хозяйка стала нервно сучить въ рукахъ бумажку и, сдвинувъ брови, прошептала въ раздумьи:

— Кто же это, однако, начнетъ?

— Не все ли равно кто?

— Но, однако... Бывало, братъ мой Лука... Онъ независимъ, и никогда не былъ либераль, и ему нечего за себя бояться... Онъ, бывало, заговоритъ о чемъ угодно, но теперь онъ ни за что-сь! Онъ самымъ серьезнымъ образомъ отвернулся отъ насъ и благоволитъ къ Лидіи, и это ужасно, потому что у него все состояніе благопріобрѣтенное и онъ можетъ отдать его кому хочетъ.

— Неужто все это можетъ достаться Лидіи Павловнѣ?

— Всего легче! Братъ Лука къ своимъ сыновьямъ не благоволитъ, а брата Захарика считаетъ мотомъ и «проваль-

ною ямой». Онъ содержитъ его семейство, но ему онъ ничего не оставитъ.

Гостья встала и отошла къ открытому пианино и черезъ минуту спросила:

— А гдѣ теперь супруга и дочери Захара Семеныча?

— Его жена.. не знаю въ точности.. она въ Италіи или во Франціи.

— Ее держало что-то въ Вѣнѣ.

— Ахъ, это ужъ давно прошло! Такихъ державъ у ней не перечеть до вечера. Но съ ней теперь вѣдь только три дочери: вѣдь Нина, младшая, ужъ годъ, какъ вышла замужъ за графа Z. Богатъ ужасно.

— И ужасно старъ?

— Конечно, ему за семьдесятъ лѣтъ, а говорятъ, и больше, а ей лѣтъ двадцать. Много вѣдь ихъ, четыре дѣвки. А графъ, старикъ, женился на зло своимъ роднымъ. Надѣется еще имѣть дѣтей. Мы ѣздили просить ему благословеніе.

— Пусть Богъ поможетъ!

— Да. На свадьбѣ братъ Захаръ сказалъ ему: «Пью за ваше здоровье бокалъ, а когда моя дочь подаритъ вамъ рога, я тогда за ея здоровье цѣлую бутылку вышью».

Въ отвѣтъ на это гостья оборотилась отъ пианино лицомъ къ хозяйкѣ, и лицо ея уже не дышало милою кротостью лани, а имѣло выраженіе брыкливой козы, и она, повидимому, некстати, но, въ сущности, очень сообразительно сказала:

— Очевидно, что дѣло начать надо вамъ.

— Но Лидія мнѣ родная.

— Потому-то это и нужно: это покажетъ вамъ безпристрастіе и готовность все принести въ жертву общественной пользѣ, а она будетъ устранена отъ наслѣдства.

Хозяйка смотрѣла на гостью околованнымъ взглядомъ. Дѣло соображено было вѣрно, но въ душѣ у старухи что-то болталось туда и сюда, и она опять покрутила бумажку и шепнула:

— Не знаю... Дайте подумать. Я спрошу батюшку.

— Конечно, его и спросите.

— Хорошо, я спрошу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ съдой, бодрый и кругленькій генераль съ ученымъ значкомъ и съ веселыми, сѣрыми, пронцательными глазами на большомъ гладкомъ лицѣ, способномъ принимать разнообразныя выраженія.

Это и былъ братъ Захаръ.

Хозяйка протянула ему руку и сказала:

— Ты очень легокъ на поминѣ: мы сейчасъ о тебѣ говорили.

— За что же именно?—спросилъ генераль, садясь и довольно сухо здороваясь съ гостей.

— Какъ *за что*? Просто о тебѣ говорили.

— У насъ просто о людяхъ никогда не говорятъ, а всегда ихъ за что-нибудь ругаютъ.

— Но бываютъ и исключенія.

— Два только: это *père Jean* и *père Onthon*.

— Ты настаиваешь на томъ, что это надо произносить не *Antoine*, а *Onthon*?

— Такъ произносятъ тѣ, которые на этотъ счетъ больше меня знаютъ и теплѣе моего вѣруютъ. Я самъ вѣдь въ вѣрѣ слабъ.

— Это стыдно.

— Что-жь дѣлать, когда ничего не вѣрится!

— Это огорчало нашу мать.

— Помню и повиновался, а притворяться не могъ. Она, бывало, скажетъ: «ангелъ-хранитель съ тобою»,—и я всюду ходилъ съ ангеломъ-хранителемъ, вотъ и все!

— Олимпія прѣѣхала.

— Миѣ всегда казалось, что ее зовутъ Олимпіада. Впрочемъ, я ею особенно не интересуюсь.

— У нея много новостей и нѣкоторыя касаются тебя. Твоя дочь, графиня Нина, беременна.

— Да, да! Разбойница, навѣрное, осуществляетъ «Волшебное дерево» изъ Бокаччіо. Я, однако, вынью сегодня бутылку шампанскаго и пошлю поздравительную телеграмму графу. Кстати, я встрѣтилъ на-дняхъ одного товарища своего зятя и узналъ, что онъ старше меня всего только на четырнадцать лѣтъ.

— Какія же подробности объ ихъ житеѣ?

— Я ничего не знаю.

— Ты развѣ не былъ еще у Олимпіи?

— Я? Нѣтъ, мой ангель-хранитель меня туда не завелъ. Я видѣлъ, что какая-то дама мчалась въ коляскѣ и передъ нею у кучера надъ турнюромъ сзади часы. Я подумалъ: что это еще за пошлая баба тутъ появилась? И вдругъ догадался, что это она. А она сразу же устроила мнѣ неприятность: я хотѣлъ отъ нея спастись и прямо попалъ навстрѣчу еврею, которому долженъ чортову пропасть.

— Бѣдный Захарикъ!

— Но, слава Богу, что мой хранитель бдѣлъ надо мной и что это случилось противъ собора: я сейчасъ же бросился въ церковь и сталъ къ амвону, а жидъ оробѣлъ и не пошелъ дальше дверей. Но только какія теперь въ церквахъ удивительно неудобныя правила! Представь, они открываютъ всего только одну дверь, а другія закрыты. Для чего закрывать? Въ Парижѣ всѣ храмы весь день открыты.

— У насъ, другъ мой, часто крадутъ... Было нѣсколько кражъ.

— Какіе проказники! А я черезъ это, вообразите, нѣсколько молебновъ подъ рядъ отстоялъ, но жиды, все-таки, надулъ. Онъ ждалъ меня у общей двери, а я съ знакомымъ батюшкой утѣкъ черезъ святой алтарь и, кстати, встрѣтилъ Лиду. Она была разстроена, и я, чтобъ ее развеселить, все рассказалъ ей, какъ попался Олимпіи, а потомъ жидамъ и, наконецъ, насилу спасся черезъ храмъ убѣжища. Она развеселилась и зашла со мною выпить чашку шоколаду.

— Это ты старался ее утѣшить? Что за милый дядя!

— Да, но тутъ еще и другой былъ умыселъ. Тамъ была одна... балерина, которой никогда не удается изобразить богиню... Я ей показалъ Лиду и сказалъ: «Смотри, дура, вотъ богиня!» Но кто и гдѣ обидѣлъ Лиду?

— Вотъ не берусь тебѣ отвѣтить. Вѣрно, «нашла коса на камень»; но она, впрочемъ, сама здѣсь говорила, что се будто даже и «нельзя обидѣть».

— Ахъ, это ничего болѣе какъ всѣмъ противныя толстовскія бетины! Увѣрю васъ, что всѣми этими глупостями это все ихъ Левъ Толстой путаетъ! «Da ist der Hund begraben!» Рѣшительно не понимаю, чего этотъ старикъ хо-

четь? Кричатъ ему со всѣхъ концовъ свѣта, что онъ первый мудрецъ, вотъ онъ и помѣшался. А я рѣшительно не нахожу, что такое въ самомъ въ немъ находить мудрецовскаго.

— И я тоже.

— Да и никто не находитъ, а это все за границей. Мы съ нимъ когда-то разъ даже жили на одной улицѣ, и я ничего премудраго въ немъ не замѣчалъ. И помню, онъ былъ разъ и въ театрѣ, а потомъ у общихъ знакомыхъ, и когда всѣмъ подали чай, онъ сказалъ человѣку: «подай мнѣ, братецъ, рюмку водки».

— И вышилъ?

— Да, вышилъ и закусилъ, не помню, баранкой или корочкой хлѣба. И все это было самое обыкновенное, а потомъ вдругъ зачудилъ и въ мудрецы попалъ!.. Удача! Но я хотя и не раздвляю его христіанства, которое несетъ смерть культурѣ, но самого его я уважаю.

— За что же?

— Конечно, не за его премудрости! Это пустяки! Но я этихъ его непротивлецыней люблю, съ ними такъ хорошо поговорить за кофе.

— И этого не нахожу.

— Ну, нѣтъ!.. На многое они оригинально смогутъ. Я не признаю, чтобы это что-нибудь изъ ихъ фантазій было можно осуществить. Теперь не тотъ вѣкъ, но отчего не поболтать? Вѣдь, Бисмаркъ же любилъ поговорить съ социалистами. «Малютки» же эти идутъ наперекоръ социалистамъ.

— Какъ это наперекоръ?

— А такъ: непротивленыши вѣдь отказываются отъ наслѣдствъ всегда въ пользу родныхъ... Это то самое, чего Петръ Первый хотѣлъ достигъ черезъ майораты... Это надо поощрять, чтобы не дробились состоянія. А самъ Толстой только чертовски самолюбивъ, но зато съ большимъ характеромъ. Это у насъ рѣдкость. Его нельзя согнуть въ бараній рогъ и заставить за какую-нибудь бляшку бляеть по-бараньи: бя-я-я!

Генераль потравилъ себя пальцами за горло и издалъ звуки, очень разсмѣшившіе хозяйку и гостя.

— Но зачѣмъ же у него эта несносная пронизатель-

ность, и для чего онъ такъ толкуетъ, что будто ничего не нужно?

— А это скверность, но я успокоиваю себя твоею русскою пословицей: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

— И я это говорю всегда: онъ тамъ я не знаю гдѣ, а эти Figaro çі—Figaro là разбрелись, какъ цыплята.

— Вотъ именно цыплята... Отчего это у нихъ такъ топорщится, какъ будто хвосты перяются?

— А ужъ это надо ихъ осмотрѣть и удостовѣриться.

— Ну, какъ можно ихъ смущать!

— А они не церемонятся смущать вѣру.

— Мою вѣру смутить нельзя: въ разсужденіи вѣры я байронистъ; я ѣмъ устрицъ и пью вино, а кто ихъ создалъ: Юпитеръ, Панъ или Нептунъ — это мнѣ все равно! И я объ этомъ и не богохульствую, но его несносная на нашъ счетъ пронизательность—это скверно. И потому для чего онъ увѣряетъ, будто «не мечите бисера передъ свиньями» сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтобы они не со всякою скотиной обо всемъ болтали — это глупость. Есть люди—ангелы, а есть и свиньи.

— Но только эти милыя животныя, надѣюсь, находятся въ своихъ мѣстечкахъ, гдѣ имъ надо быть.

— Да; имъ бы всѣмъ надо быть въ своихъ закутахъ, по случается и иначе: бываетъ, что свиньи садятся въ гостиныхъ.

— О, Господи! какіе ужасы!

— О, да! Есть много ужасовъ.

— Но, а есть ли зато гдѣ-нибудь ангелы?

— А есть... Вотъ, напримѣръ, хоть такіе, какъ наша Лида!

— Не нахожу: дѣвчонки, которыя не знаютъ, что онѣ такое.

— Вы, господа, пребезбожно ихъ мучите и, можно сказать, истязаете!

— Какимъ это образомъ?

— Вы къ нимъ пристааете, ихъ злите, а когда бѣдныя дѣвочки въ нетерпѣннн что-нибудь вамъ брякнутъ, вы это разглашаете и имъ вредите. По правдѣ сказать, это подлость!

— Ни о чемъ такомъ не слыхала.

— А я, представь, слышала. Говорять, будто, когда Лида пришла къ тебѣ на балъ въ закрытомъ лифѣ, ты ей сдѣлала колкость.

— Нимало!

— Ты надъ ней обидно пошутила: ты сказала, что она, вѣроятно, когда будетъ дамой, то и своему будущему Адаму покажетъ себя «кармелиткой», въ двойномъ капюшонѣ, а она тебѣ будто отвѣчала, что къ *своему* Адаму она, можетъ-быть, придетъ даже «Евой», а постороннимъ на балу не хотеть свои плечи показывать.

— И представь, это правда, она такъ и сказала!

— Сказала, потому что не надо было къ ней приставать. Байронъ прекрасно замѣтилъ, что «и кляча брыкается, если сбруя рѣжетъ ей тѣло», а вѣдь Лида не кляча, а молодая, смѣлая и прекрасная дѣвушка. Для такой Евы, чортъ бы меня взялъ, очень стѣдуетъ отдать все свои преимуществы и идти снова въ студенты.

— Ты за ней просто волочишься?

— Я не очень, а ты-бъ послушала, какого мнѣнія о ней нашъ старшій братъ Лука! Онъ говоритъ, что «провелъ съ нею самое счастливѣйшее лѣто въ своей жизни». А вѣдь ему скоро пойдетъ восьмой десятокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ она тамъ у него въ прошломъ году чудесъ надѣлала! Мужикъ у него есть Симка, медвѣдей все обходилъ. Человѣкъ сорока восьми лѣтъ и нишасомъ заболѣлъ. Распотѣлъ и посидѣлъ на промерзломъ камнѣ,—вотъ и нишасъ... болѣзнь сѣдалищнаго нерва... Понимаете, приходится въ какомъ мѣстѣ?

— Ты безъ подробностей.

— Такъ вотъ его три года врачи лѣчили, а братъ платилъ; и по разнымъ мѣстамъ цѣлители его исцѣляли, и тоже не исцѣлили, а только деньги на молитвы брали. И вся огромнѣйшая семья богатыря въ раззоръ пришла. А Лидія пріѣхала къ дядѣ гостить и говоритъ: «Этому можно попробовать помочь, только надо это съ терпѣніемъ».

— Ну, этого ей, дѣйствительно, не занимать стать!—замѣтила съ сдержанною ироніей хозяйка.

— Да, она и начала класть этого мужичицу мордой внизъ, да по два раза въ день его подъ поясницей разминала!.. Понимаете вы? Эткими-то ея удивительными античными руками, да по энтакому-то мужичьему мѣсту! Я по-

смотрѣлъ и говорю: «Какъ же теперь послѣ этого твою руку цѣловать?» Она говоритъ: «Руки даны не для того, чтобъ ихъ цѣловать, а для того, чтобъ онѣ служили людямъ на пользу». А братъ Лука... онъ вѣдь сталъ старикъ пѣжный и нервный: онъ какъ увидаль это, такъ и зарыдалъ... Попъ приходитъ къ нему дровъ просить, такъ онъ схватилъ его и потащилъ, и показывасть попу: «Смотри!— говоритъ,— видишь ли?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вижу, ваше высокопревосходительство!»

«— А разумѣешь ли?»

«— Разумѣю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Маловѣрны только и ко храму лѣностины, но по дѣламъ очень изрядны.

«— То-то вотъ и есть «очень изрядны»! А ты, вотъ, и молись за нихъ въ храмѣ-то. Это твое дѣло. А я тебѣ велю за это дровъ дать.

«— Слушаю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Буду стараться!»

— И ничего, небось, не старался?

— Ну, разумѣется: дуракъ онъ, что ли, что будетъ стараться, когда дрова уже выданы? А только Симка-то теперь ходитъ и опять дѣтей своихъ кормить, а Лиду какъ увидитъ, сейчасъ плачетъ и нищитъ: «Не помрай, барышня! Лучше пусть я за тебя поколѣю... Ты намъ matka!» Нѣтъ, что вы ни говорите, эти дѣвушки прелесть!

— Только съ ними человѣческій родъ прекратится.

— Отчего это?

— Не идутъ замужъ.

— Какой вздоръ! Посватается такой, какого имъ надо, и пойдутъ. А, впрочемъ, это бы еще и лучше, потому что, по правдѣ сказать, нашъ братъ мужичинишки-то стали такая подгань, что и не стоить за нихъ и выходить путной дѣвушкѣ.

— Пусть и сидятъ въ дѣвкахъ.

— И что за бѣда?

— Старыя дѣвки всѣ злы дѣлаются.

— Это только тѣ, которымъ очень хотѣлось замужъ и ихъ темпераментъ безпокоитъ.

— Дѣло совсѣмъ не въ темпераментѣ, а на старую дѣвушку смотреть, какъ на бракованную.

— Такъ смотреть дураки, а умные люди, наоборотъ,

даже съ уваженіемъ смотрять на пожилую дѣвушку, которая не захотѣла замужъ. Да вѣдь дѣвство, кажется, одобряетъ и церковь. Или я ошибаюсь? Можетъ-быть, это не такъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка улыбнулась и отвѣчала:

— Пять, это такъ; но всего любопытнѣе, что за дѣвство вступаешься *ты*, мой грѣшный Захарикъ.

— А что, сестрица, дѣлать? Теперь и я уже не тотъ, и въ шестьдесятъ пять лѣтъ и ко мнѣ, вмѣсто жизнерадостной гризетки, порою забѣгаетъ мысль о смерти и заставляетъ задумываться. Ты не смѣйся надъ этимъ. Когда и самъ дьяволъ постарѣетъ, онъ сдѣлается пустыннымъ. Посмотри-ка на нашихъ старовѣровъ, не здѣсь, а въ захолустьяхъ! Всѣ вѣдь живутъ и согрѣшаютъ, а вошь какая у нихъ есть отличная манера: какъ старичку стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ отъ сожителницы изъ чулана прочь, и даже часто выселяется совсѣмъ изъ дому. Построятъ себѣ на огородѣ «хижину», подъ видомъ баньки, и поселяется тамъ съ нарочитымъ отрокомъ, своего рода «Гезіемъ», и живетъ, читаетъ Богословца или *Ключъ разумнійя*, а въ деньгахъ и въ дѣлахъ уже не участвуетъ, вообще не мотрошится на глазахъ у молодыхъ, которымъ надо еще въ жизни своей чередъ отвести. Я это, право, хвалю. Пускай тамъ и говорятъ, будто отшельнички-старички разъ въ недѣльку, въ субботу, по старой памяти, къ своимъ старушкамъ въ чуланъ заходятъ, но я вѣрю, что это они только приходятъ чистое бѣльецо взять... Милые старички и старушечки! Какъ имъ зато хорошо будетъ въ вѣчности!

— Бѣдный Захарикъ! Можетъ-быть, и ты такъ хотѣлъ бы?

— О, безъ сомнѣнія! Но только куда намъ, безвѣрнымъ! А кстати, что это я замѣтилъ: у твоего Аркадія, кажется, опять новый отрокъ?

Хозяйка сдвинула брови и отвѣчала:

— Не понимаю, съ какой стати это тебя занимаетъ?

— Не занимаетъ, а я спросилъ къ слову о Гезіи, а если объ этомъ нельзя говорить, то перейдемъ къ другому: какъ Валерій, благополучно ли дошибаетъ свой университетъ?

— А почему же онъ его «дошибаетъ»?

— Ну, да, кончается, что ли! Будто не все равно? Не укусила ли его какая-нибудь яacobинская бацилла?

— Мой сынъ воспитанъ на здоровой ницѣ и бациллѣ не боится.

— Не возлагай на это излишнихъ надеждъ: домашнее воспитаніе все равно, что домашняя температура. Чѣмъ было въ комнатѣ теплѣе, тѣмъ опаснѣе, что дѣти простудятся, когда ихъ охватитъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ. Но я за Валерію не боюсь: его Богъ бережетъ.

— Ахъ, да, да, да, вѣдь онъ «тепло-вѣрующій»!

— Такими вещами не шутятъ. Мы, русскіе, всѣ тепло вѣримъ.

— Да, мы тепло ребята! Но постойте, господа, я видѣлъ картину Гѣ!

— Опять ичница?

— Нѣтъ. Это просто *бойня*! Это ужасно видѣть-сь!

— Очень рада, что его прогоняютъ съ выставокъ. Мнѣ его самого показывали... Господи! Чтѣ это за панталоны и чтѣ за пальто!

— Пальто поглотило много лучей солнца, но это еще не серьезно.

— А ты находишь, что его мазня—это серьезно?

— Я говорю не о мазнѣ, а о фракѣ.

— Что за вздоръ!

— Это не вздоръ. Онъ долженъ былъ представиться и не могъ, потому что подарилъ свой фракъ знакомому лакею.

— Но почему это узнали?

— Онъ самъ такъ сказалъ.

— Какъ это глупо!

— И дерзко!—поддержала гостя.

А генераль заключилъ:

— Это *замѣчательно*! Теперь просто говорятъ: «замѣчательно»!

— А почему замѣчательно?

— А потому замѣчательно, что эти,—какъ вы ихъ кличете,—«непротивленыши» или «малютки» все чему-то противится, а мы, которые думаемъ, что мы *сопротивленцы* и взрослые,—мы, на самомъ дѣлѣ, ни на чорта не годны, кромѣ какъ съ тарелокъ подачки лизать.

— Ну,— пошутила хозяйка:— онъ опять договорится до того, что кого-нибудь зацѣпитъ!

И, проговоривъ это, она снисходительно вздохнула и вышла какъ бы по хозяйству.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ гостиной остались вдвоемъ генераль и гостя, и тонъ бесѣды сразу же измѣнился.

Генераль сдвинулъ брови и началъ отрывистую рѣчь къ гостю:

— Я предпочелъ видѣться съ вами здѣсь, потому что вашъ больной мужъ вчера приходилъ ко мнѣ и былъ неотступенъ. Это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, сверхъ всякой мѣры жестоко—разсылать больного старика по такимъ дѣламъ!

— По какимъ «такимъ дѣламъ»?

— Которымъ на языкѣ порядочныхъ людей иѣтъ имени.

— Я ничего не понимаю, но я писала вамъ письмо, а вы, какъ неаккуратный человекъ, на него не отвѣчали.

— Позвольте, но чтобы прислать вамъ удовлетворительный отвѣтъ на ваше письмо, надо было доставить вамъ тысячу рублей.

— Да.

— Вотъ то и есть! А я не шахъ персидскій, которому стоить зацѣпить горсть брильянтовъ и дѣло готово.

Дама позеленѣла и, сверкая злобой, спросила:

— Что это значить? Къ чему здѣсь при мнѣ второй разъ вспоминають персидскаго шаха?

— А я почему могу знать, отчего его при васъ вспоминають? Мнѣ только кажется, что есть люди, которымъ я уже давно сдѣлала все, что я могъ, и даже то, чего не могъ и чего ни за что не сталъ бы дѣлать, еслибъ это грозило неприятностями только одному мнѣ, а не другимъ людямъ.

Генераль, видимо, сердился и говорилъ запальчиво.

— Минуло двадцать лѣтъ, какъ вашъ мужъ такъ удивительно узналъ, когда я былъ у васъ и... Я спасся и спасъ васъ, да не спасъ мою памятную книжку, и вотъ я берегу людей...

— О! вы все еще возитесь съ этою жалобною сказкой?

— Позвольте: я вожусь! Я не подлець и потому я во-

жусь и дѣлаю для васъ подлости, чтобы только перетерпѣть все на себѣ самомъ. Прошу за васъ особъ, съ которыми я не хотѣлъ бы знаться, но вамъ все *мало*. Скажите же, когда вамъ будетъ, наконецъ, довольно?

— Другіе получаютъ больше!

— Ахъ, вотъ зачѣмъ другіе больше? Ну, ужъ это вы меня простите! Я этихъ дѣлъ не знаю, за что кого и по сколько у васъ одѣляютъ. Можетъ-быть, другіе искуснѣе васъ... или они усерднѣе и оказываютъ больше услугъ.

— Пустое! Никто ничѣмъ не можетъ услужить! Уху нельзя сварить безъ рыбы..

— Ну, я не знаю!.. «Безъ рыбы!» Господи! Неужто ужъ совсѣмъ не стало рыбы?

— Вообразите, да! Безрыбье!

— Ну, я теперь не знаю, что заведете дѣлать!.. Я вамъ сказалъ, что этихъ вашихъ дѣлъ рѣшительно не знаю! Всѣмъ грѣшенъ, всѣмъ, но этою мерзостью не занимался!

Генераль высоко поднялъ руку и истово перекрестился.

— Вотъ!—сказалъ онъ, нервно доставая изъ кармана конвертъ и подавая его дамѣ.—Вотъ-съ! Возьмите, пожалуйста, скорѣй! Здѣсь ровно тысяча рублей. Я бѣдный, прогорѣлый человѣкъ, но ничего изъ чужихъ денегъ не краду. Тысяча рублей. Это для васъ пособіе, которое я выпрашиваю второй разъ въ году. Только, пожалуйста, пожалуйста, не благодарите меня! Я дѣлаю это съ величайшимъ отвращеніемъ и прошу васъ...

Дама хотѣла что-то сказать, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, не присылайте больше ко мнѣ своего несчастнаго мужа! Увѣрю васъ, что у меня есть нервы и кое-какой остатокъ совѣсти. Мы его съ вами когда-то подло обманывали, но это было давно, и тогда я это могъ, потому что тогда онъ и самъ въ свой чередъ обманывалъ другихъ. Но теперь?.. Этотъ его рамолитическій видъ, эти его трясущіяся колѣни... О, Господи, избавьте! Бога ради избавьте! Иначе я самъ когда-нибудь брошусь передъ нимъ на колѣни и во всемъ ему признаюсь.

Дама размѣялась и сказала:

— Я увѣрена, что вы такой глупости никогда не сдѣлаете.

— Нѣтъ, сдѣлаю!

— Ну, такъ я ея не боюсь.

По лицу генерала скользнула улыбка, которую онъ, однако, удержалъ, и молвилъ:

— Ага! значить, это для него не было бы новостью! О, Господи! Разрази насъ, пожалуйста, чтобы былъ край нашему проклятому безпутству!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, болтунъ!

Улыбка опять проступила на лицѣ генерала, и онъ, вставъ, отвѣтилъ:

— Да, да, я большой болтунъ, это «замѣчательно»!

Онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ гостѣмъ надѣлъ въ комнату фуражку и вышелъ, едва удостоивъ собесѣдницу чуть замѣтнаго кивка головою.

Въ передней къ его услугамъ выступила горничная съ китайскимъ разрѣзомъ глазъ и съ фигурою фарфоровой куклы; она ему тихо кивнула и подала пальто.

— Мерси, сердечный другъ!—сказалъ ей генералъ.— Доложите моей сестрѣ, что я не могъ ее ожидать, потому что... я сегодня принялъ лѣкарство. А это,—добавилъ онъ попотомъ:—это вы возьмите себѣ на память.

И онъ опустилъ свернутый трубочкою десятирублевый билетъ дѣвушкамъ за лифъ ея платья, а когда она изогнулась, чтобы удержать бумажку, онъ поцѣловалъ ее въ шею и тихо молвилъ:

— Я старъ и не позволяю себѣ цѣловать женщины въ губки.

Съ этимъ онъ пожалъ ей руку, и она ему тоже.

Внизу у подъѣзда онъ надѣлъ калони и, поконавшись въ гарманѣ, досталъ оттуда два двугривенныхъ и подалъ швейцару.

— Возьми, братецъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!—благодарилъ швейцаръ, держа по-военному руку у козырька своего кокошника.

— Настояще, братецъ... Не на Пескахъ дѣлавы... Смѣло можешь отнести ихъ въ лавочку и потребовать себѣ за нихъ фунтъ травленого кофе. Но будь остороженъ: онъ портитъ желудочный сокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ швейцаръ, застегивая генерала полойстью извозничьихъ саней. Но генералъ, пока такъ весело шутилъ, въ то же время, дѣлалъ руками вокругъ себя «повальный обыскъ» и убі-

дился, что у него нигдѣ нѣтъ ни гроша. Тогда онъ быстро остановилъ извозчика, выпрыгнулъ изъ саней и пошелъ мѣшкомъ.

— Пройдусь,—сказалъ онъ швейцару:—теперь прекрасно!

— Замѣчательно, ваше превосходительство!

— Именно, братецъ, «замѣчательно»! Считаю за мной рубль въ долгу за остроуміе.

Онъ закрылся подъѣденнымъ молью бобромъ и завернулъ на своихъ усталыхъ и отслужившихъ ногахъ за уголъ улицы.

Когда онъ скрылся, швейцаръ махнулъ вслѣдъ ему головою и сказалъ дворнику:

— Третій мѣсяцъ занялъ два рубля на извозчика и все забываетъ.

— Протерть горькая!—отвѣчала, почесывая спину, дворникъ.

— Ничего... Когда есть, онъ во всѣ карманы разсуешь.

— Тогда и взыщи.

— Безпримѣнно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гостыя, какъ только осталась одна, сейчасъ же открыла свой бархатный мѣшокъ и, вытащивъ оттуда спѣшно сунутыя деньги, стала считать ихъ. Тысяча рублей была сполна. Дама сложила билеты поаккуратнѣе, и уже хотѣла снова закрыть мѣшокъ, какъ ее кто-то схватилъ за руку.

Она не замѣтила, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ хорошо унитанный, розовый молодой человѣкъ съ играющимъ кадыкомъ подъ шеей и съ откровенною улыбкой на устахъ. Онъ прямо ловкою хваткой положилъ руку на бронзовый замокъ бархатной сумки и сказалъ:

— Это арестовано!

Гостыя сначала вздрогнула, но мгновенный испугъ сейчасъ же пропалъ и уступилъ мѣсто другому чувству. Она освѣтилась радостью и тихо произнесла:

— Valerian! Гдѣ былъ ты? Боже!

— Я? Какъ всегда: вездѣ и нигдѣ. Впрочемъ, теперь и прямо съ неба, для того, чтобы убраться къ себѣ вотъ этотъ мѣшочекъ земной грязи.

Дама хотѣла ему что-то сказать, но онъ показалъ ей пальцемъ на закрытую дверь смежной комнаты, взялъ у

нея изъ рукъ мѣшокъ и, вынувъ оттуда всѣ деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

Гостя всего этого точно не замѣчала. Глядя на нее, приходилось бы думать, что такое обхожденіе ей давно въ привычку и что это ей даже пріятно. Она не выпускала изъ своихъ рукъ свободной руки Валеріана и, глядя ему въ лицо, тихо стонала:

— О, если бы ты зналъ!.. Если бы ты зналъ, какъ я истерзалась! Я не видала тебя трое сутокъ!.. Онѣ мнѣ показались за вѣчность!

— А-а! что дѣлать? Я этихъ деньковъ тоже не скоро забуду! Куда только я ни метался, чтобы достать эту глупую тысячу рублей! Нѣтъ, теперь я убѣжденъ, что самое вѣрное средство брать со всѣхъ деньги, это посвятить себя благодѣтельствуванію бѣдныхъ! Еще милость Господня, что есть на землѣ дураки въ родѣ *oncle Zacharie*.

— Оставь о немъ!

— Э, нѣтъ! Я благодаренъ: онѣ уже во второй разъ даетъ намъ передышку.

— Но не доведи себя до этого, мой милый, въ третій.

— Если я такъ же глупо проиграюсь еще разъ, то я удавлюсь.

— Какой вздоръ ты говоришь!

— Отчего же? Это, говорятъ, очень пріятная смерть. Что-то въ родѣ чего-то... Смотрите, вотъ у меня про всякій случай при себѣ въ карманѣ и сахарная бечевка. Я пробовалъ: она выдержитъ.

— О, Боже! Что ты говоришь!—и, понизивъ голосъ, она прошептала:—*Avancez une chaise!*..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ комическую гримасу и опять молча показалъ на завѣшенную дверь.

Дама сморщила брови и спросила шопотомъ:

— Что?

Молодой человѣкъ приложилъ ко рту ладони и отвѣтилъ въ трубку:

— Матап здѣсь подслушиваетъ!

— И все это неправда! Ты очень часто клеветешь на свою мать!

Валеріанъ перекрестился и тихо увѣрилъ:

— Ей-Богу, правда: она всегда подслушиваетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Нѣтъ, напротивъ, мнѣ за нее очень стыдно, но я ее и не осуждаю, а только предупреждаю другихъ. Я знаю, что она дѣлаетъ это изъ отличныхъ побужденій... Святые чувства матери...

— *Approchez vous de moi*, милый!

— Значить, вы не вѣрите, что она слышитъ?.. Ну, я ее сейчасъ кликну...

— Пожалуйста, безъ этихъ опытовъ!

— Лучше поѣзжайте скорѣе домой, и черезъ двадцать минутъ...

— Ты будешь?

Онъ согласно кивнулъ головой.

Она схватила его руку и спросила:

— Это не ложь?

— Это правда, но не надо царапать ногтями мою руку.

— Когда же я не могу!

— Пустяки!

— Поцѣлуй меня хоть одинъ разъ!

— Еще что!

— Но отчего же!

— Ну, хорошо!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ ее и всталъ съ мѣста: онъ очень хотѣлъ бы, чтобы его дама сейчасъ же встала и ушла, но она не поднималась и еще что-то шептала. Ея дальнѣйшее присутствіе здѣсь было ему мучительно, и это выразилось на его искаженномъ злостью лицѣ. И зато онъ взялъ ее руку и, приложивъ ее къ своимъ губамъ, сказалъ:

— *Lilas de perse*—это мило: я люблю этотъ запахъ!

Дама вспрыгнула и, схвативъ рукой лобъ, покачнулась.

— Что съ вами?—спросилъ ее Валеріанъ.— Спѣшите на воздухъ!

Она взглянула на него исподлобья и прошипѣла:

— Это низко!.. это подло!.. это безчестно!.. Послѣ того когда я тебѣ это откровенно объяснила... ты не имѣешь права... не имѣешь пра... ва... пра... ва...

— Бога ради только безъ истерики!.. Вамъ нужно скорѣе на воздухъ!

— Воздухъ... Пустяки... Я все это должна была выполнить...

— Ну да... и выполнила... Поѣзжай скорѣй домой и все будетъ прекрасно.

При этомъ обрадованіи она опять взяла его руку и прошептала:

— Ну да... О, Боже! Но если жъ я тебѣ уже все рассказала, для чего это такъ было нужно, то для чего жъ говорить: «*lilas de perse*»? Вѣдь это низко!.. Я всёми скажу... вотъ именно... какъ это низко... А я отсюда не уйду...

— Да, да! Пожалуйста останьтесь: маман сейчасъ придетъ.

И онъ всталъ съ мѣста, но она его удержала.

— Я вѣрно схожу съ ума!—произнесла она, приложивъ къ быющимъ вискамъ тыльную сторону своихъ стынувшихъ пальцевъ, и повторила:—Помогите! Я, право, схожу съ ума!

Валеріанъ испугался страдальческаго выраженія ея лица и началъ ее крестить. Она съ негодованіемъ его оттолкнула и прошептала:

— Креститель!

— Что жъ тебѣ надо?

— Миѣ? Униженія и новыхъ обидъ! Миѣ нужно, чтобы ты былъ со мною!

— Но я же съ тобою!

— О-о, конечно, не здѣсь!

— Ну, и повзжай скорѣе домой, и я сейчасъ буду, и тамъ падай, какъ хочешь.

— Какъ я хочу... Меня стѣбитъ убиты!..

Она хотѣла сказать что-то еще, но, вмѣсто того, поцѣловала его руку, а онъ съ своей стороны нагнулся къ ней и прикоснулся губами къ вьющейся на ея шеѣ косичкѣ.

Искаженное лицо женщины озарилось румянцемъ чувственнаго экстаза, и она поспѣшно закрыла себя вуалью и вышла. По ея щекамъ текли крупныя, истерическія слезы, и ея глаза померкли, а губы и носъ покраснѣли и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалѣвшей отъ страсти собаки.

Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалемъ.

Когда она проходила мимо швейцара, тотъ молча подаль ей, хранившееся у него за обшлагомъ ливреи, письмо съ адресомъ «живчика», а она бросила ему трехрублевый билетъ и сбѣла въ сани, тронувъ молча кучера пальцемъ.

— Инда земли не видить отъ слезъ!—замѣтилъ своему собесѣднику швейцаръ.—А ему хоть бы что!

— Да, понче себя мужской полъ не теряюгъ напрасно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Молодой Валеріанъ собственноручно занеръ дверь за дамою и, возвратясь въ гостиную, вынулъ изъ кармана папталонъ скомканныя деньги и началъ ихъ считать.

Изъ-за двери, на которую Валеріанъ указалъ гостьѣ, въ самомъ дѣлѣ послышался голосъ его матери. Она спросила:

— Ты что-то дѣлаешь?

— Да я ужъ сдѣлалъ.

— Ты можешь купить «промышленные»: всѣ увѣряютъ, что они къ веснѣ сыграютъ вдвое.

— Матап, я знаю кое-что повыгоднѣе.

— А что такое, напримѣръ?

— Ну, мало ли! Теперь вѣдь посыпаютъ персидскимъ порошкомъ ростовщиковъ и даже нашъ «взаимный другъ» Michel окочурился... Въ ихъ мѣсто нужно же нѣчто новое.

— Вотъ то и есть, но что же именно?

— Ахъ, матап! Это возможно только тому, кого, какъ меня, считаютъ беззаботнымъ мотомъ, у котораго нѣтъ ничего на душою.

За дверью что-то рѣзали и положили пожницы.

— Вы, матап, что-нибудь шьете?

— Да, мой сынъ, я зашиваю свои дыры, я чинюсь... подшиваю лохмотья, которыхъ не хочу показать моей горничной.

— Это, матап, очень благоразумно и благородно.

— Но неприятно.

Юпоша хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ, и только кадыкъ у него ходилъ клубясь яблокомъ.

За дверью опять послышалось, какъ что-то отрѣзали ножницами и снова положили ихъ на мѣсто, и, въ то же время, хозяйка сказала:

— Я думаю, что ты гораздо больше бы выигралъ, если бы помочь дядѣ Захару поправить увлеченія его молодости. Лука это навѣрное бы оцѣнилъ и сталъ бы принимать насъ.

— Очень можетъ быть, матап, но я-вѣдь не самолюбивъ и не падокъ на то, чтобы хвалиться, гдѣ меня припимаютъ.

— Но онъ бы тебѣ просто далъ много денегъ.

— Что-жъ, я очень радъ, но только какъ это сдѣлать?

— Надо взять бумагу, которой бонится дядя Захаръ.

— То-есть, милая мама, ее вѣдь надо *украсить!*

— У тебя такая грубость, что съ тобой нельзя говорить.

— Мама, я ничего не грублю, а я только договариваю то, что надо сдѣлать.

— Неправда. Эта женщина сама все тебѣ сдѣлаетъ.

— Э-э! ошибаетесь! Эта женщина есть превосходный агентъ и превосходный математикъ, но ея же не оплетети.

— Однакоже, она считаетъ тебя игрокомъ и мотомъ.

— Да, мама, но я употребляю очень большія усилія, чтобы устроить себѣ такую репутацію, только изъ-за того, что это должно сослужить мнѣ службу при новомъ курсѣ.

— Сказать по совѣсти, я ничего не понимаю, для чего это нужно.

— А кажется, что проще! Всѣ уже вкусили «доблаго» житія, и оно, наконецъ, надоѣло... Что дѣлать? Родъ людской неблагодаренъ и злонаравенъ... *Felicitas temporum* откланивается... Нуженъ реваншъ... есть потребность въ реакціи...

— И что же будетъ въ реакціи?

— Это, мама, еще не ясно, но извѣстно всѣмъ, что явленія не повторяются, а послѣ дождика бываетъ вѣдро, и потому прослыть мотомъ и кутилой теперь, все-таки, выгодно—это значитъ обнаружить въ себѣ извѣстную благонадежность, которая пригодится очень скоро.

— А вы уже на все готовы!

— Какъ же вы хотите иначе? Вѣдь мы же такъ и на-тасканы, чтобъ быть на все готовыми.

— Скажи, однако, какъ немудрена ваша мудрость!

— Ахъ, мама, что такое намъ мудрость? Ужъ фельетонисты, и тѣ гдѣ-то вычитали и повторяють, что «блага мудрость съ наслѣдіемъ», а вѣдь вы съ папашею намъ наслѣдія не уготовили.

— Христіанскіе родители и не обязаны снабжать васъ наслѣдіемъ.

— Нѣтъ-съ, извините-съ, обязаны!

— Гдѣ же это сказано?

— А вотъ въ «премудрости Павла чтеніе», на которое любягъ ссылаться; тамъ это и сказано: «не дѣти *должны собирать* имѣніе для родителей, но родители для дѣтей».

— Это что-нибудь изъ толстовскаго, въ простомъ этого пѣть!

— Извините-сь! Не угодно ли посмотрѣть въ самомъ въ простомъ второе посланіе къ коринѳянамъ, двѣнадцатая глава?

— Откуда ты все это знаешь, гдѣ и какая глава?

— Га! Я интересуюсь-сь! Я хочу этимъ побить Толстого!

— Такъ и бей! Это прекрасно тебя выставить.

— Позвольте-сь,—придетъ время.

— Какого еще надо время: онъ надоѣлъ.

— Прекрасно-сь, но ничего не надо дѣлать даромъ...

Изъ ихъ похвалъ не шубу шить. Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены денежные знаки, за всякія услуги надо платить: я изъ руки выпускаю услугу, а ты клади объ это самое мѣсто денежный знакъ.

— Но ты бы могъ и получить наслѣдіе.

— Ахъ, вамъ все не идетъ изъ головы дядя Лука!

— Именно не идетъ.

— Ну, я васъ успокою: съ наслѣдствомъ этимъ все кончено: «оставь надежду навсегда!»

— Ты этого не можешь знать.

— Нѣтъ, знаю. Я это купилъ, родная, у нотаріальнаго писаря. Все отдано на «питательныя учрежденія» и «открытое наученіе».

— Ты шутишь!

— Нисколько-сь.

— А Лидія?

— Ей не нужно; она не хочетъ возбуждать зависти и ссоръ, и отказалась.

— Вотъ дура!

— И вредная! не отдала роднымъ!

— Но этого нельзя допустить!

— Не надо бы-сь!

— Что жъ дѣлать?

— Надобно спасаться, чѣмъ знаете, хоть даже чудомъ!

— Теперь ты вѣришь въ чудо?

— О, да, маман!.. Я вѣрю во все, во что угодно: я жить хочу.

И жить, я чувствую, я буду!

Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!

Я вамъ даже нѣчто и больше скажу, но это между нами.

— Пожалуйста.

— Надо проводить новаго чудотворца.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ-съ: это надо. И у меня такой есть!

— Но что же онъ можетъ дѣлать?

— Не беспокойтесь!.. маленькія вещицы онъ уже дѣлаетъ, и очень не дурно, но надо его хорошо вывести и хорошо рекомендовать. О, я знаю, что надо въ жизни!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мать и сынъ умолкли. Казалось, они оба вдругъ устали отъ всѣхъ перебранныхъ ими впечатлѣній и тяжести такого рѣшенія, послѣ котораго каждымъ изъ нихъ ощущалась потребность въ какомъ-нибудь внѣшнемъ толкѣ и отвлеченіи, и за этимъ дѣло не стало. Въ эти самыя минуты, когда мать и сынъ оставались въ молчаніи и ужасѣ отъ того, на что они рѣшились, съ улицы все надвигался сгущавшійся шумъ, который вдругъ перешелъ въ неистовый ревъ и отогналъ отъ нихъ муки сознанія. Валерій все еще былъ погруженъ въ соображенія, но хозяйка встревожилась и оживилась: она выбѣжала въ безпорядочномъ туалетѣ въ гостиную, бросилась къ окну и закричала:

— Смотри, какая толпа!

Валеріанъ лѣзливо потянулся, какъ бы спросонья, и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Пелѣная толпа, татац, не стѣить и смотрѣть!

— Да, но, однако, это трогательно!

— А я такъ думаю—нимало.

— Но да, но, все-таки, вѣдь это вѣра!

— Не знаю, право!

— А вообрази, нашъ швейцаръ: онъ, должно-быть, совершенный нигилистъ.

— Онъ, кажется, когда-то славился другимъ.

— А именно?

— Онъ помогаль переводить нигилистовъ. О немъ знаетъ ванъ генераль.

— Но какъ же,—я его спрашиваю,— что это значить? А онъ отвѣчаетъ: «Необстоятельный народъ-съ мечется, а не знаю чего».

— Онъ, однако, умно вамъ отвѣтилъ.

— Ну, полно, пожалуйста! Но что за глухые, вправду, чего они всѣ разомъ хотятъ?

— Вѣроятно. они хотятъ, чтобъ ихъ вытолкали и побили.

— И какіе гадкіе: испитые, оборванные!

— Ну, да, туждающіеся и обремененные. Тутъ, вѣрно, гдѣ-нибудь Jean или Onthon.

— Гляди, пожалуиста: вотъ и эта бойкая женщина, на которую жалуются. Взаправду, смотри, какъ она ихъ царапаетъ!

Валеріанъ всталъ и оживился.

— А-а! — сказалъ онъ, улыбаясь: — вотъ къ этой я равнодушенъ. Это личность съ характеромъ, ее зовутъ какъ-то въ родѣ Елизаветъ Воробей; она вывозитъ знаменитость въ свѣтъ, и бьетъ, и царапаетъ ту самую публику, которая сдѣлала имъ всю ихнюю славу. По-моему, она да Менцерскій только двое и постигли, что пужно людямъ, которые не знаютъ, чего хотятъ. Пойду посмотрѣть, какъ она этихъ олуховъ лущить!

Valerian вышелъ въ переднюю, гдѣ было темно, но у лампы возилась со спичками та самая красивая горничная съ китайскими глазами, которая нѣсколько времени назадъ ласково позволяла генералу цѣловать ее въ шею. Увидавъ ее, Valerian поморщился и сталъ надѣвать перчатки.

Дѣвушка бросила спички и хотѣла уйти, но опять остановилась. Она была неспокойна и лицо ея разгоралось и принимало дерзкое выраженіе.

Молодой человѣкъ это замѣтилъ и, вскинувъ на голову фуражку, сталъ самъ надѣвать, безъ помощи, свое пальто.

Дѣвушка посмотрѣла на него искоса и рѣшилась ему помочь. Она взяла у него изъ рукъ пальто, но едва лишь онъ началъ вдѣвать его въ рукава, какъ она бросила пальто на полъ и исчезла за вѣшалкой, гдѣ была маленькая дверь въ каютку, служившую ей помѣщеніемъ. Изъ этой каютки на парадную лѣстницу выходило маленькое зеркальное окошечко, затянутое голубою тафтой.

— Свиныя! — прошепталъ вслѣдъ ей Валеріанъ и, поднявъ съ полу пальто, отряхнулъ и надѣлъ его безъ посторонней помощи, а потомъ, выйдя на лѣстницу, торопливо побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Но быстрота его не спасла и вслѣдъ ему изъ окна раздалось:

— Ишь, сгорбилъ какъ виноватую спину! Думаетъ, не знаю, куда посылнается! Драть бы васъ съ вашимъ старухамъ-то!

Но Валеріанъ убѣгалъ и старался не слушать о томъ, чего, надо думать, онъ заслужилъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Внизу лѣстницы встрѣтились два брата: Аркадій и Валерій, «рохля» и «живчикъ». Аркадій (рохля) былъ старше Валерія (живчика) лѣтъ на шесть и гораздо его солиднѣе. Онъ былъ тоже породистый «полукровокъ»: какъ Валерій, пухлый и съ кадыкомъ, но какъ будто уже присѣлъ на ноги. Съ лица онъ походилъ разомъ на одутловатое дитя и на дрессированнаго волка. Отъ него пахло необыкновенными духами, напоминавшими ароматы яблочныхъ зеренъ.

Дверь материной квартиры рохля нашелъ не закрытою. Такъ она оставалась послѣ недавняго выхода Валеріана. Аркадій презрительнымъ тономъ обратилъ на это материно вниманіе. Та пожала плечами и сказала:

— Что-жъ дѣлать? Мы, вѣдь, даже не вольны въ нашей прислугѣ. Принять и отпустить челоуѣка — цѣлая процедура, и люди это знаютъ и не боятся, а позволяютъ себѣ все, что угодно.

Аркадій перебилъ:

— Надо, чтобы Валеріанъ не ставилъ себя въ такое положеніе, чтобы зависѣть отъ женщины!

Мать махнула рукой и сказала:

— Ахъ, ужъ оставь говорить противъ женщины!

Изъ комнатки за вѣшалкой какъ бы въ отвѣтъ на это слышалось тихое истерическое всхлипываніе.

Хозяйка встала и заперла эту дверь, и снова сѣла.

— Я всегда буду говорить, что женская прислуга нигде не годится, — произнесъ тихо Аркадій.

— Она дешевѣе и полезнѣе, — отвѣчала мать.

— Зато вотъ и терните ея выходки.

— Ахъ, я ужъ и не знаю, отъ какихъ выходокъ хуже! Мнѣ кажется, отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній можно сойти съ ума.

— Это всегдашняя ваша пѣсня, маман... Но зачѣмъ вы за мной посылали?

— У меня былъ братъ Захаръ... Когда жъ это кончится?

— Да что такое? Дядя вѣчно болтаетъ... Онъ извѣстный болтунъ!

— Пусть онъ болтунъ, но ты не порть свою карьеру. Я за тебя дрожу!

— Да нечего вамъ дрожать, шаман! То время, когда шантажъ былъ развитъ, прошло. Теперь всѣ въ низшемъ классѣ знаютъ, что за шантажъ есть наказаніе, и, къ тому же, я и самъ не хочу здѣсь больше оставаться, гдѣ этотъ *fabulator elegantissimus* не вѣсть что обо всѣхъ сочиняетъ. Тетя Олимпія сама взялась мнѣ уладить это съ Густавычемъ. Его зятя переведутъ на Западъ, а я получу самостоятельное назначеніе на Востокъ.

— О, пусть бы она хоть этимъ загладила свой грѣхъ передо мной!

— Какой же это грѣхъ?

— Грѣхъ? Несчастье всей моей жизни.

— Ахъ, это что-нибудь такое, чего мы, какъ дѣти, не должны знать!

— Вы не знаете ничего, кромѣ того, что васъ самихъ касается. Но когда же она тебя устроитъ?

— Сегодня... можетъ-быть, сейчасъ! Если я получу назначеніе, то танта Олимпія сюда заѣдетъ... Да вотъ и она,— добавилъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу: — я вижу, у подъѣзда ея коляска и кучеръ съ часами на поясищѣ.

Рохля пошелъ въ переднюю и открылъ дверь на лѣстницу, по которой поднималась пожилая, очень массивная дама въ тальмѣ дипломатическаго фасона, который, впрочемъ, очень любятъ и наши кухарки. Подъ мѣховою тальмой, представляющей какъ бы рыцарскую мантию, на могучей груди дамы сверкала бисерная кираса. Дама немножко тяжело дышала, но поднималась бодро и говорила, улыбаясь, «рохлѣ»:

— Смотри, мнѣ скоро — шестьдесятъ пять лѣтъ, а мое сердце работаетъ еще какъ добрый кузнецъ.

При этомъ она взяла руку племянника и приложила ее къ своей кирасѣ, а потомъ, войдя въ переднюю, подставила хозяйкѣ свою щеку для поцѣлуя и продолжала:

— Прости, я къ вамъ на минуту: взойду, но не раздѣнусь. Я лишь затѣмъ, чтобы васъ обрадовать: Аркадій, ты назначенъ! Ступай, сейчасъ ступай благодари! Это его свяжетъ и отрѣжетъ ему путь къ отступленію.

— Сейчасъ, ma tante, — отвѣчалъ Аркадій и сталъ искать свое пальто.

Изъ-за вѣшалки показалась оправившаяся горничная, но Аркадій судорожно отъ нея уклонился и спѣшно вышелъ.

Олимпія это замѣтила и, входя въ гостиную, сказала съ улыбкой:

— Онъ все еще попрежнему... такой же шутъ... бонсея женщинъ!

— Ахъ!

Хозяйка махнула рукой.

— Э, милая, не стоить думать!.. Это теперь совѣтъ не такъ необыкновенно! Но хорошо, однако, что il ne met plus de manchettes... Теперь онъ, все-таки, похожъ какъ всѣ люди. Но, однако, adieu! Я къ тебѣ, можетъ-быть, еще заверну поговорить по дунѣ, а пока у меня миллионъ дѣлъ. Вы всѣ вѣдь здѣсь уснули! Такъ нельзя! Вы просто *дряхнете*, какъ это говорятъ, и, притомъ, жуete онучь... Васъ надо будить! Куда ни заглянешь, вездѣ всѣхъ надо будить. Вашъ сонъ ужасно затрудняетъ все славянство. Святая Русь есть сила міра, и это будетъ ея имя: *Silamira!* Но это еще пока спящая сила! Современемъ это будетъ не такъ! Тогда не надо будетъ приходиться съ Запада и толкать васъ, какъ теперь, когда вы начинаете очень скандально согѣть и хралѣть...

— Да, но у насъ теперь всѣ вѣруютъ!

— А по-моему, вы даже плохо и вѣруете: вы вѣруете все какъ-то сонно... точно во снѣ... точно вы насилу плывете и насилу вѣруете, и, того и гляди, сейчасъ куда-то опуститесь и все позабудете... Прощай! До свиданія!.. Ты, разумеется, уже слышала, что сдѣлала Инна, Захарова дочь?

— Говорятъ, будто она... будетъ матерью.

— Чего тамъ: «говорить»? Это фактъ! Конечно! она будетъ матерью... Но какъ это случилось?.. Вѣдь графъ такъ старъ и такъ глухъ, что онъ женился только на зло своимъ дочерямъ Гонерильѣ и Реганѣ...

— Какая безнравственность!

— Нѣтъ, да ты, вѣроятно, еще не все знаешь? C'est un inceste!.. Ей поручили отвезти племянника, который еще до сихъ поръ кадетъ или что-то подобное...

— О, Боже! Боже!

— Да, именно ужъ это настоящій *criminal conversation de Byzance!*

И она замотала руками и головой и пошла къ двери, по хозяйка удержала ее у порога и сказала:

— Ты много сдѣлала, что устроила опять Аркадія, но я боюсь, что если онъ взаправду сумасшедшій?

— Оставь и будь спокойна,—отвѣтила Олимпія:—помни, что говорилъ Оксенштерна: «не великъ умъ надо, чтобы дѣлать политику».

Олимпія прижала ладони къ своей кирасѣ и добавила:

— Это совсѣмъ не наша обязанность, чтобы поставлять умы для всего свѣта, а наше *métier* совсѣмъ иное, и оно все въ томъ, чтобы насыпать соли на хвостъ всѣмъ, кто рвется впередъ.

Объяснивъ свое призваніе, дама еще разъ щелкнула себя по кирасѣ и, встряхнувъ руку хозяйки аглицкою встряской, сошла внизъ, сѣла въ коляску наискось противъ часовъ, торчавшихъ на поясицѣ кучера, и понеслась *jouer un tour de son métier*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйка осталась одна и сейчасъ же спросила себѣ пальто и калоши, взяла въ карманъ флаконъ съ шохательною солью и ушла изъ дома, сказавъ, что хочетъ сдѣлать покупки въ «бракованной лавкѣ».

Она чувствовала ту ужасную усталость, о какой можетъ имѣть понятіе только актриса, исполняющая роль, которая не спускаетъ ее цѣлый актъ со сцены.

Она была очень утомлена, почти измучена, но въ ней еще много силы для такихъ же бореній. Она скоро оправится на воздухъ и будетъ въ состояніи дать наилучшій отчетъ на своемъ мѣстѣ.

А пока конка въ отсутствіи, безъ нея начинаютъ шалить домашнія мыши.

По уходѣ хозяйки, горничная съ китайскими глазами и фигуркой фарфоровой куклы прошла по всѣмъ комнатамъ и вездѣ открыла форточки, а потомъ отдернула портьеру и отворила дверь изъ гостиной въ будуаръ, который служилъ тоже хозяйкѣ и ея кабинетомъ, и тайникомъ. Здѣсь дѣвушка убрала безпорядокъ, потомъ вынула изъ кармана подобранный ключикъ, открыла имъ столъ и, доставъ оттуда надушенный листокъ слоновой бумаги, зажгла свѣчи и начала выводить:

«Если предложенія ваши обстоятельны, то хотя вани лѣта и не сходны, но за вѣжливость вашу я согласна имѣть для васъ полныя чувства, только никакъ не въ вашемъ собственномъ домѣ и не при вашихъ людяхъ».

Она перечитала написанное и внизу послѣ своей подписи еще приписала:

«Только пожалуста съ отвѣтомъ по почтѣ».

Написавъ это письмо, дѣвушка достала изъ бювара своей госпожи конвертъ и начала тщательно выводить адресъ. Въ это время портьера раскрылась съ другой стороны будуара и въ комнату, выпятивъ зобъ, какъ гусыня, вошла рослая, бѣлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ большимъ ртомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ. Это была домовая кухарка.

— Достань-ка мнѣ у нея пару папиросокъ,—сказала она горничной.

— Возьми сама,—отвѣчала дѣвушка и продолжала надписывать конвертъ.

Кухарка взяла изъ сердоликовой коробочки нѣсколько папиросъ, закурила одну изъ нихъ и, сѣвши на шелковомъ пуфѣ передъ зеркаломъ, начала выдавливать ногтями прыщикъ на подбородкѣ, а потомъ она запудрила это мѣсто барыньиной пуховкой и сказала:

— Мочи нѣтъ, какъ прыщи одолѣли!

— Не лакай чернаго пива.

— И то ужъ не пью.

— Ну, такъ не тискай мальчонковъ, которые приносятъ покушки.

— Ты, что ли, это видала?

— Еще бы! Зеленщикова мальчонку вчера, думала, ты, какъ русалка, совсѣмъ защекочешь.

— Ояъ ребенокъ, еще совсѣмъ безъ понятьевъ.

— Такъ ты и станешь дожидаться своихъ понятьевъ!

— Нѣтъ, я вѣдь, ей-Богу, я только всего и люблю баловать, да помять ихъ, красивыхъ дѣтишковъ. У меня крестникъ ужъ былъ шестнадцати лѣтъ, да вотъ померъ,—я и скучаю. А ты это на кого еще грѣхъ новый наводишь: кому это шишень?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Думаешь, я не знаю? А я знаю!

Китайка опять промолчала.

— Хочешь, скажу?

— Ну, говори!

— Генерала ты путаешь, вотъ что!

— Ну, такъ и знай, что его самого!

Она стала наклеивать марку.

— Вотъ ты надо мною смѣешься, что я ласкаю дѣтши-
ковъ, а сама хуже пошалась.

— Ничего не пошалась.

— А отчего жъ ты ревешь и некрасивая стала?

— Реву о томъ, что дура была,—въ вѣрности жить по-
лагала.

— Вотъ то-то и есть; а теперь и видать—непорожня.

— И врешь, ничего еще пока не видать.

— Отчего же, когда батюшка былъ, онъ меня поблаго-
словилъ и попить мнѣ чайку далъ съ своего блюда, а
тебѣ нѣтъ?

— У меня на лбу иштунки были натрѣпаны: онъ не
любить. Да и не надо: не все то и сбывается, что онъ
говорить.

Кухарка покачала головой и, вздохнувши, сказала поучи-
тельнымъ тономъ:

— Да, ужъ это неизвѣстно, почему такъ онъ по ку-
печеству много отмаливаетъ, а въ разныхъ званьяхъ не
можетъ.

— Не потрафляетъ!

— Не надо, дружокъ, такъ говорить, потому что хотя
онъ и не потрафляетъ, и не все пусть не сбывается, ну,
а все мы должны вѣрить въ Божье посланье, хотя я и
сама... этой драчихѣ, которая царашаетъ, такъ бы ей всѣ
космы и выдрала!

— И отвели бы тебя, подь судь, — сказала дѣвушка, у
которой нравъ былъ шkodливый, но робкій. Но кухарка,
женщина опытная, смѣло ей отвѣчала:

— Ничего не значить: «нарушеніе тишины безпорядка!
Восемь дней на казачьемъ парадѣ!» Ей-Богу, вздую!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ это время внезапно раздался звонокъ. Кухарка и
горничная обѣ быстро вскочили: дѣвушка проворно опу-
стила письмо въ карманъ и побѣжала отворить парадный

входъ, а кухарка прошла въ коридоръ, соединяющій переднюю съ кухней, и притаилась у двери.

Вошелъ Валеріанъ и негромко спросилъ:

— Кто у насъ?

— Никого,—отвѣтила дѣвушка.

— А мама?

— Вышли.

— Не вышелъ ли, кстати, и изъ тебя твой дурацкій капризь?

— Какъ не дурацкой! Скажите, пожалуйста... нечего мнѣ капризничать?

Дѣвушка забирала самую бранчивую ноту.

— Возьми, пожалуйста, вотъ это себѣ и не дуйся, какъ дама женскаго пола.

— Что это такое?

— Серьги.

— Мнѣ не серьги нужны, а добудь мнѣ средство.

— Послѣ, добуду.

— Нѣтъ, вы меня обманываете! Я вамъ не дура!

— Бери пока это!

— Не надо.

— Чтò за глупость! Кому же я ихъ отдамъ?

— Мнѣ что за дѣло? Я не хочу! Ничего отъ васъ не хочу, потому что вы не благородный господинъ и студентъ, а самый низкій и подлый мужчина!

Валерій хотѣлъ ее остановить какою-то грубостью, но она дернулась и сказала:

— Смѣй-ка, посмѣй!—и ушла въ свою каютку.

Молодой человѣкъ юркнулъ туда же за нею и заговорилъ съ лаской:

— Послушай... Вѣдь ты же хотѣла... ты просила сережки... Бери же теперь, когда куплено!

— Куплено!.. Гдѣ?.. Въ чемъ магазинѣ? Или, быть-можетъ, сдернуть шутя у Савки на лавкѣ?

— Зачѣмъ ты этакія пошлости говоришь?

— А какъ же не спросить? Быть-можетъ, ихъ и носить нельзя?

— Это еще чтò за глупость?

— А, можетъ-быть, эта жимолость увидить и съ ушами оторветь.

Молодой человѣкъ всыхнулъ.

— Какая «жмолость»?— вскричалъ онъ.

— Да старуха-то эта... ваня Камчатка... Вѣдь она... жмолостная...

— Какая Камчатка!

— Не знаешь!

— Разумѣется, не знаю!

— Полно дурака-то валять!

— Я тебѣ говорю, что не знаю: что такое Камчатка и почему Камчатка!

— Такъ ты у нея спроси, что это она сама Камчатка или за нее другихъ посылаютъ въ Камчатку, а только я ся не боюсь и говорю, что она самая прешодлая-подлая и ужъ давно бы ей бы пора умирать, а не ребятъ нанимать, которые хуже самой болтущей дѣвчонки.

— Однако, ты дѣйствительно невыносимо забываешься!

— Что же? Мнѣ еще можно. Зато, когда старухой сдѣлаюсь, не позабудусь.

Валеріанъ бросилъ свой подарокъ на комодикъ дѣвницы и, сжавъ ея руку, прошепталъ:

— Я тебя ненавижу!

— Чего благороднѣе, какъ теперь ненавиждѣть!

— Ты сама довела, что мнѣ стала противна.

— А противна, такъ зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Я только и хотѣлъ тебѣ это сказать, что ты скверна!

— Ну, да! Сдѣлайте одолженіе!.. Непремѣнно скверна!..

Для кого-нибудь не скверна, а ты сказалъ и уходи. Со всѣмъ напрасно ваши пульсы бьются...

— Ты врешь, мои пульсы не бьются?

— Ну, да!.. оно и видно!

— Ну, такъ я тебѣ это сейчасъ объясню, для чего они бьются.

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ отъ этихъ вашихъ объясненіевъ-то вонъ какимъ уродомъ стала, что даже всѣ замѣчаютъ.

Онъ что-то сказалъ, но она отвѣчала: «нѣтъ», потомъ опять «нѣтъ» и потомъ еще:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что-о?.. Ага!.. Нѣтъ!.. Подаренье мнѣ — это въ составъ не входитъ, а ты виноватъ и прощенья проси.

— И еще попроси!

— И еще!

— Ну, вотъ такъ! А то ступай вонъ... Вашего брата надо пробирать!

Подслушивавшая кухарка отъ этихъ послѣднихъ словъ пришла въ восторгъ и, озарившись радостной улыбкой, плюнула и прошептала:

— Ахъ, ты шельма! давно ли изъ деревни, а какъ умѣетъ! Это она опять на колѣни его поставила! Тьфу! Ей-Богу въ ее чортъ ложку меду кладеть!

И кухарка еще сильнѣе заганяла дыханіе, чтобы наблюдать, чтò будетъ, но дальнѣйшей проборки уже не было слышно, потому что дверь маленькой каютки закрылась, а съ другого конца коридора, гдѣ своимъ чередомъ совершалась забота о пищѣ, поползъ невыносимый чадъ.

Кухарка бросилась къ своему бурливому алтарю и застала на плитѣ самый полный беспорядокъ: одно перекинуло и било черезъ край, другое перегорѣло, пережарилось и все наполняло смрадомъ помѣщеніе, съ потолка и до пола.

Кухарка разсердилась и закричала:

— О, чортъ бы васъ взялъ, съ вашими пульсами и съ вашей проборкой! Всё, дьяволы, будете нынче безъ жратвы!

Съ этимъ, полная гнѣва, она вскочила на столъ, открыла форточку и размахнула настежь дверь съ чернаго хода; но едва она это сдѣлала, какъ вся просіяла; на ея концѣ улицы тоже заходили праздники: у самаго порога стоялъ румяный лавочный мальчикъ съ корзиною на головѣ и не рѣшался перешагнуть.

— А-а!—привѣтствовала его весело бѣлая баба: — то-то я, братцы, слышу: кто это съ такою великолѣбною гордостью ползеть и капится, а это ты шишь-ныжь—лавочная мышъ? Здорово, Петрунька!

Мальчикъ дулся и молчалъ, а кучерявая бабелина разсмѣялась и, потянувъ его за фартукъ въ кухню, бойко продолжала:

— Полно дуть губу!.. Дуракъ! Въдь живъ, чай, остался!

— Только и есть, что живъ вамъ достался! — отвѣтилъ плаксиво розовый мальчикъ и вразъ измѣнилъ голосъ, крикнувъ: — Принимай, что ли, скорѣе корзину! Мнѣ не время!

— А мнѣ чтò за дѣло? Тутъ не снимай!.. Видишь, здѣсь чадно! Неси вонъ туда, въ мою комнату.

Мальчикъ съ корзинкою тронулся и опять въ нерѣшительности остановился; но кухарка втокнула его въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался жалостный пискъ.

Вечеръ густѣеть. Все тихо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ кухнѣ прочистилось; чадъ унесло; изъ кухаркиной комнаты, озираясь, вышелъ робко лавочный мальчикъ; у него на головѣ опрокинута опорожненная корзина. Она закрываетъ ему все лицо, и въ этомъ для него, повидимому, есть удобство. Кухарка его провожаетъ и удерживаетъ еще на минуту у порога; она молча грозитъ ему пальцемъ, потомъ сыплетъ ему горсть сухого господскаго компота, и, наконецъ, приподнимаетъ у него надъ головою корзинку, беретъ руками за алыя щеки и цѣлуетъ въ губы. При этомъ оба цѣлующіеся смѣются.

Мальчикъ уже сбросилъ съ себя свою дѣтскую робость, а она ему шепчетъ:

— На гулянье пойдемъ вмѣстѣ. Гляди тамъ какое веселье!.. Я тебѣ къ празднику голубую рубашку сошью. Прибѣги только завтра примѣрить.

— Прибѣгу, — отвѣчаетъ мальчишка.

Она его еще обняла и, прижавъ къ груди его голову, сказала ему съ материнскою нѣжностью:

— А когда тебя пошлютъ къ прачкѣ въ заведеніе, ты съ ея гладильницами не разговаривай... Слышишь?.. Онѣ дѣвчонки вѣтренныя. Можешь пропасть...

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣчалъ мальчикъ. — Мнѣ и такъ всѣхъ стыдно!

— Вотъ то-то и есть! Да всѣ, милка, ничего и не значить... А я всѣхъ дворниковъ подкуплю и мнѣ сейчасъ все и донесутъ.

Онъ посвистываетъ и спускается съ лѣстницы, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ «великолѣпную гордость».

Дворницкій работникъ встрѣчаетъ его съ визанкою дровъ и говоритъ:

— Пѣтра, сколько ты прожилъ лѣтъ? "

— Тринадцать.

— Ишь, старикъ! А жить хорошо?

— Ничего.

— Ожидай, значить, лучшаго!

Пётра благодарить и уходить въ ожиданіи лучшаго.

Онъ будетъ на гуляньѣ, она ему подаритъ рубашку. Со-временемъ онъ попроситъ ее купить ему часы. А то ну ее къ чорту!

Въ передней и въ кухнѣ засвѣтились хорошо протертая лампы. На плитѣ въ кастрюляхъ все подлило и подправлено, буря прошумѣла и отхлынула, наступаетъ снова чистота и порядокъ, какъ требуется. Надо и себя примундирить.

Кухарка повернула кранъ и спустила надъ раковиной воду до холодной струи. Этой воды она налила полный жестяной уполовникъ и всю ее выпила. Она пьетъ съ жадностью, какъ горячая лошадь, у которой за всякимъ глоткомъ даже уши прыгаютъ. Прежде тѣмъ она кончила свое умыванье, въ кухню входитъ тоже и горничная, и эта точно такъ же молча взяла уполовникъ, и такъ же налила его холодной водой, и такъ же пьетъ съ жадностью, и красныя уши ея вздрагиваютъ за каждымъ глоткомъ.

Затѣмъ и эта умылась холодною водой надъ тою же самою раковиной и замахала надъ головой мокрыми руками, потому что забыла взять съ собою утиральникъ.

Говорить ей не хочется.

Кухарка ее поняла, кинула ей чистый конецъ своего полотенца и, поклонившись ей наподобіе реверанса, сказала: — Поздравляю съ пріятнымъ бонжуромъ!

Горничная сдѣлала шутливую гримасу и отвѣтила:

— И васъ съ тѣми же дѣлами!

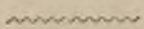
Онѣ, кажется, признавали за настоящія «дѣла» — только одни дѣла природы, которая множитъ жизнь, не заботясь о томъ, въ чемъ ея смыслъ и значеніе.

Н. С. ДЪСКОВА.

Оглавление

XXVIII тома.

	СТР
Загадочный человекъ. Истинное событие. (Съ письмомъ Н. С. Дѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу). . .	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.124/28-3